

The background of the cover is a detailed illustration of bare, dark tree branches reaching upwards and outwards. In the center, a dark silhouette of a bird with its wings spread is flying towards the viewer. Behind the bird, a bright, glowing circular light source, resembling a sun or moon, creates a strong backlight effect, illuminating the branches and the bird's silhouette.

МИЛЕНА МИЛЛИНТКЕВИЧ

БАСУРМАНИН
КРЫЛЬЯ КААРГАНОВ

18+

Басурманин

Милена Миллинткевич

Басурманин. Крылья каарганов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Миллинткевич М.

Басурманин. Крылья каарганов / М. Миллинткевич — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Басурманин)

Вторая книга романа-дилогии. Чтобы склонить голову перед поверженным народом, хану Дамиру потребовалось всё его мужество. Но чтобы уцелеть понадобится нечто большее. Как не погибнуть, столкнувшись со злейшим врагом? Как выстоять в схватке с самим собой? Как отыскать дорогу во мраке и сохранить в сердце огонь? Тяжкие испытания ждут и княгиню Владелину. Разгадает ли она коварные планы заговорщиков? Сможет ли принять сложное решение? Чтобы выжить, княгине нужно убить Дамира или он убьет её. Плата за любовь так высока!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	65
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Милена Миллинткевич

Басурманин. Крылья каарганов

Пролог

Военачальник Хорезма Джамбулат, положив массивную ладонь на рукоять сабли, в нетерпении расхаживал перед низенькой мазанкой на окраине Гурганджа. Сильный ветер трепал полы халата, поднимал ввысь колючую пыль, гонял по пустынному пастбищу, вырванные с корнем, сухие кусты прошлогодней травы.

– Таймас, когда же ты воротишься? – бормотал он, всматриваясь вдаль, туда, где заканчивалась степь, и начинались безжизненные холмы.

Совсем рядом послышалось беспокойное ржание лошадей. Джамбулат замер, медленно извлёк из ножен саблю наполовину, обернулся и посмотрел вслед проскакавшим мимо воинам. Его конь, привязанный к ограде, потряхивал головой, всхрапывал и монотонно скрёб копытом землю, давно не выдававшую влаги.

Порыв ветра принёс с холмов едва различимое скрипучее карканье. Джамбулат обратил взор в степь и криво улыбнулся. Радость и нетерпение обуяли его. Там, где каменистые возвышенности спускались к земле, виднелись серые густые клубы пыли, поднимаемые копытами множества лошадей. И если кому-то и вздумалось в тот миг поглядеть в степь, он наверняка решил – надвигается буря.

Чем скорее приближались всадники, тем лучше различались их закрытые до самых глаз лица, пропылённые чёрные одежды, поверх которых слабо поблескивали рукояти сабель и кинжалов. Это были «чёрные каарганы» Джамбулата. Лишь двое среди них выделялись светлыми одеяниями и неприкрытыми лицами – молодой всадник, у которого поперёк лошади лежала завёрнутая в рогожу пленница, и женщина, чья накидка цвета запёкшейся крови развевалась на ветру.

Чёрные всадники остановились у ограды, спешили и распластались на сухой земле у ног Джамбулата.

– Я ждал тебя, мой храбрый Таймас! – приветствовал военачальник Хорезма воина, преклонившего колени.

Молодой всадник покосился на лежащих и, склонив голову, опустил ниц. Спрыгнув с коня и перекинув удила через ограду, женщина бросилась к Джамбулату.

– Брат мой!

– Суюма! – военачальник равнодушно оглядел её с головы до пят. – Рад, твоему возвращению домой! Иди внутрь. Не желаю, чтобы тебя видели до срока.

Взглядом проводив сестру, он повернулся к молодому воину:

– Тамача! Её тоже! – кивнул он на неподвижное тело, укрытое рогожей.

Колючим взглядом прищуренных глаз Джамбулат скользнул по пленнице, перекинутой через седло. Двое крепких воинов поднялись с земли, сняли завёрнутую в плотную ткань ношу и направились к дому. Тамача распахнул перед ними створки дверей и, пропустив вперёд, последовал за ними.

Таймас поднялся с колен.

– Встаньте всё! – приказал Джамбулат.

Воины начали медленно подниматься.

– Мы всё исполнили, как ты велел, господин! – не поднимая головы, сказал Таймас. – Там никто не выжил. Твою пленницу не трогали. На последнем привале я дал ей воды с отваром, как ты и велел. Крепкий! Сон сморил её, лишь только чаша опустела. До утра не очнётся.

– Почему женщин всего две? Где дочь Каюма?

– Господин! Твоя сестра сказала, её убили.

Джамбулат скривился.

– Кто?

– Она не говорила.

Достав из-за пояса тяжёлый позвякивающий мешок с монетами, Джамбулат подал его Таймасу.

Тот развязал верёвку, высыпал несколько золотых на ладонь и показал воинам. Налетевший ветер унёс в степь радостные крики. Из мазанки вышли двое и, слегка склонив головы, встали рядом с остальными.

– Скройтесь до поры, Таймас. Я пришлю за вами, как понадобится, – велел Джамбулат.

– Как прикажешь, господин! Мы в твоей власти! – ответил чёрный воин.

Поклонившись, «каарганы» вскочили на коней и усаkali прочь. А спускавшиеся на Гургандж сумерки надёжно укрыли от сторонних взглядов, удаляющихся к каменистым холмам всадников. И никто из обитавших в этой части столицы Хорезма ремесленников, спешивших до темноты укрыться в своих жилищах, не обратил внимания на тусклый свет в маленьком окошке одиноко стоящей на отшибе мазанки.

Из дверей дома показался Тамача с горящей лучиной. Он зажёл слюдяную лампу над входом и в нерешительности мялся у входа, с опаской поглядывая в сторону грозного военачальника, вызывавшего страх даже у чёрных каарганов, дерзость и отвага которых были известны далеко за пределами Хорезма, а одно упоминание о них приводило в ужас бывалых воинов.

Суюма, сидела на лавке у крошечного окошка и, лишь только Джамбулат показался в дверях, вскочила на ноги.

– Брат мой! Почему меня привезли сюда? Шаху Икенджи известно о моём возвращении в Хорезм?

Джамбулат не взглянул на сестру и не ответил. Молча положил суму на низенький столик, снял висевший у дверей фонарь и направился в дальнюю комнату. Там, на соломенном сеннике, прикрытом рогожей, спала пленница. Приблизившись, он склонился над ней. Тусклые отблески огня озарили её красивое лицо.

– Моё слово закон! – прошептал он, разглядывая спящую и борясь с искушением дотронуться до неё. – Я обещал вернуть тебя, моя Магрура! А я всегда держу слово!

Резко выпрямившись, Джамбулат развернулся и вышел. Плотнo прикрыв за собой двери и опустив запоры, он подошёл к Суюме и уставился на сестру, словно никогда не видел её прежде.

– Кто посмел убить Агын? Отвечай! – грозный рык окутал всё вокруг.

Суюма сжалась и попятилась к лавке.

– Гляжу, ты позабыла, как следует говорить со старшим братом? Разве Каюм не научил тебя почтению?

– Дамир велел убить её, – пряча глаза, пробормотала Суюма. – Мне сказали, ей перерезали горло. Но перед тем...

Женщина поёжилась, задрожала, будто от холода, а глаза наполнились слезами. Отвернувшись, дабы не смотреть на страдание сестры, Джамбулат недовольно хмыкнул и принялся расхаживать по комнате.

– Куатан¹ не угодила хану в его желаниях и прихотях? Не смогла ублажить, и Дамир расправился с ней так же, как с рабами для утех?

– Нет, брат! Агын не стала его куатан.

¹ Куатан – жена.

– Ты что такое говоришь? Разве мои «каарганы» не во время наречения напали на стан её отца, этого нечестивца, посмеявшегося отказаться от дара хорезмшаха?

– Всё так. Только с тех пор, как Дамир сходил на Русь, всё переменялось. Агын созрела, но о завершении обряда хан не думал. В шатёр не звал. Ни на неё, ни на кого иного не смотрел. Видел только пленённого им княжича. А моя девочка, моя Агын... – Суюма подавилась слезами. – Она узнала то, что он скрывал. Запретное. И расплата была скорой и страшной.

– И что же это за тайна такая, лишившая твою воспитанницу жизни?

– Я просила её не смотреть в сторону русича. А она всё твердила, мол, княжич – девица, и Дамир предпочёл дочери хана Каюма, дочь Рязанского князя.

Джамбулат остановился и резко повернулся к сестре. Да так, что Суюма попятилась и повалилась на лавку.

– Пленник Дамира – княжна? Ты от горя совсем ума лишилась? Была у Рязанского князя дочь, да сгинула давно. Если бы пленник был девицей, кыпчаки об том узнали. Но до меня вести из диких степей не доходили о княжне в становище Дамира. А о пленнике хана, бывшемся супротив моих «каарганов», мне известно.

– Ты прав, Джамбулат. Дамир брал в битву княжича. Когда тот чуть не погиб, он на тебя в поход собирался. Да только живуч пленник оказался. Ни сабли воинов твоих, ни хитрости Агын не сгубили его. Видать, не впервой с духами тёмными один на один выходить. Вот и в этот раз уберегли они русича.

– Так, стало быть, у Дамира два пленника?

– Один. Рязанская княжна. Только вот...

– Что? Говори! – расхаживал в нетерпении Джамбулат.

– Скачет верхом она не хуже кыпчаков. На мечях бьётся крепко. Сила и ловкость в руках её не девичья. Агын моя с малых лет в седле. Сабля и лук со стрелами заместо гребня и лент ей были. А всё же в ловкости и силе с воинами не сравнится. А эта княжна с ними на равных.

Джамбулат остановился перед сестрой и, сощурившись, заглянул ей в лицо:

– И никто подмены не увидел?

– Нет, – замотала головой Суюма. – У мужчин глаз зоркий там, где сражения и охота. А девица, да если она ещё и под мужским платьем скрыта, тут им никакой заботы нет. А уж если за то мать Дамира возьмётся, и захотят увидеть, да не смогут.

– О чём это ты?

– Мара во все котлы с отварами особые травы подмешивала, дабы отвести глаза тем, кто был зорче остальных и мог разглядеть подмену. Да только мы с Агын из этих котлов не пили. И хотя я сама подмены не увидела, моей девочке поверила.

– Что же, Дамир! Вот и ещё одна причина растоптать тебя. Я хотел Агын в гареме Маджида поселить. Она женой его первой должна была стать.

– А разве Икинджи ещё не выбрал сыну жену? – Суюма удивлённо уставилась на Джамбулата.

Но он не ответил и даже не взглянул в её сторону. Его удивили речи сестры о странном пленнике. Но более того занимали его думы о Магруре. После стольких лет она находилась так близко, здесь, за дверью. Такая беспомощная. Такая желанная.

– Брат мой!

Джамбулат резко остановился и полыхающим злобой и ненавистью взглядом уставился на сестру. Но, видя, как она отшатнулась от него, смягчился.

– Не бойся. Мой гнев тебе не страшен.

Суюма облегчённо вздохнула и спросила:

– Скажи, Джамбулат, зачем тебе Мара?

– Она принадлежит мне! Я обещал её отцу, сделать непокорную гордячку своей. А я всегда держу слово!

- Ты всё ещё любишь её? После стольких лет?
- Я любил её, даже тогда, когда все были уверены, что она мертва.
- А я всё диву давалась, и чего это твой «каарган» так расспрашивал о ней...
- Я стольких людей потерял, пытаюсь заполнить её.
- Не только своих...
- Мне нет дела до прочих. Если потребуется, я смету всех на пути, но получу то, что желаю. Но ты, Суюма! Ты, моя сестра, добыла её для меня!
- Если бы не Мара, брат мой, ты и не вспомнил обо мне, – с грустью, низко опустив голову, произнесла Суюма.
- Джамбулат схватил сестру за плечи и с силой тряхнул, заставляя поднять голову:
- Вместо того чтобы стать для Хорезма залогом верности Каюм-хана, ты опозорила отца. Ты опозорила меня. Твой наречённый выбрал другую. Мне нет дела до терзающих тебя горести и печали. Но я прощу тебя. Исполни мою волю, и жизнь твоя вновь будет прежней.
- Суюма вздохнула.
- Я всё сделаю, Джамбулат!
- Он посмотрел на сестру и ухмыльнулся:
- Уговори Магруру покориться мне.
- Ты же знаешь, она не склонит голову перед тобой.
- Заставь! Её! Подчиниться! – прошипел Джамбулат.
- Что ты задумал?
- Джамбулат приблизился, навис над сестрой:
- Я желаю, чтобы она сделала Дамира моим клинком – яростным, непреклонным, неустрашимым и непобедимым.
- Разве твоих «каарганов» тебе недостаёт? Что один супротив целого войска?
- Джамбулат усмехнулся.
- Может и ничто. Но я поклялся отомстить Дамиру. Так и будет.
- Но как?
- Когда Магрура сделает сына послушным моей воле, я заставлю его исполнить задуманное мной. А после велю ему убить мать. Когда же её чары падут, и он увидит содеянное, буду наслаждаться мучениями моего врага. Я заставлю Дамира лишиться себя жизни.
- Этого не будет. Его боль будет велика, но и ненависть к тебе тоже. Дамир выстоит.
- Тогда я сам убью его.
- А если Мара не покорится? Не станет исполнять твою волю?
- Лучше будет ей подчиниться. Или я заставлю её смотреть на смерть сына. А погибель его будет лютая!
- Дамир силён. Он, как и его отец, властвует над духами. Что станет, если ворожба Мары не подействует?
- Тогда я убью Магруру на глазах у сына. Дамир пожалеет о том, что встал у меня на пути. Слава о моей мести разойдётся по всем землям. И никто больше не посмеет оспорить мою власть.
- Странная любовь твоя, брат. Ты так жаждешь исполнения задуманного. Не щадишь даже ту, что тебе дороже сестры...
- Снаружи послышался стук копыт, и сразу за ним в дверях возник Тамача.
- Господин!
- Кто посмел потревожить меня? – зарычал Джамбулат.
- Это я, господин! – дрожа от страха всем телом, пробормотал молодой воин. – Посланник...
- От кого? – бросив на него гневный взгляд, перебил Джамбулат.

– Слуга прислал весть, мой господин! Хорезмшах повелел тебе немедля явиться во дворец.

Военачальник Хорезма на миг задумался, потом распрямился и вскинул голову.

– Женщин запри и не выпускай, пока я не велю. Понял? Случится что, голову с плеч сниму!

И не взглянув на сестру, Джамбулат ушёл.

Глава 1

– Владелина! Гляди, аки высоко я взобрался?

На ветке одинокого дерева, что росло рядом с самым большим холмом в округе, сидел голубоглазый княжич десяти годков и болтал ногами. Лёгкий ветерок перебирал его льняные кудри, рассыпавшиеся по плечам, шелестел листвою, окутывая долгожданной прохладой.

– Ох, братик! Вона ты где! А я гляжу – токмо был да канул, аки не было тебя. Спускайся немедля! Коли Гридя прознает, враз батюшке сказывать станет о шалостях твоих, – подперев бока, выговаривала княжна того же возраста и с таким же светлым ликом, синими глазами-озёрами и льняной косой до пояса.

– Недосуг ему жалобиться-то. Вишь, он с младыми ратниками бьётся! Вон тот, длинный аки эсердь – хилый. Ему токмо стрелы подавать, да за лошадьми ходить. А тот, тощий, с отметиной на лице – шибко изворотливый.

– И откель тебе, Владислав, то ведомо?

– Полезай ко мне – сама всё узришь!

Не хотелось Владелине нарушать батюшкино веление и озорничать, но посмотреть на шутейные бои она любила. И вот так, чтобы свысока да скрытно...

Княжна огляделась. В одном месте у широкого ствола из земли торчали сплетённые мощные корни. Над ними «красовался» уродливый глубокий след от топорщица. По всему видать, кто-то желал срубить дерево, да не с руки оказалось. Взобравшись по стволу и уцепившись за нижнюю ветку, она изловчилась и уселась рядом с братом.

– Вона, какой крепкий! Всяко от удара уходит! – не отрываясь от созерцания поединка, подпрыгивал раззадоренный зрелищем Владислав.

– Не скажи! Нешто ты эсеребёнок? – огрызнулась княжна. – Поди, сам свалишься и меня вослед утянешь.

Но Владислав не слушал сестру.

– Гляди! Гляди! Аки ловок! Аки силен! Добрый воин из сего молодца станется!

Владелина покрепче ухватилась за ветку и, взором окинув зелёный луг, увидала дружинников. Бой, и правда, оказался знатный! Ратники смотрели друг на друга зверьми и ходили окрест бывалого воина, готовясь к броску. Меч то одного, то другого взлетал к небу, изредка глухо стучаясь о щит Гриды, наставника в ратном деле и верховой езде. Он тут же отбрасывал молодых и наносил меткие удары, легко и ловко уклоняясь от их неуверенных выпадов. Чаще всего наземь валился хилый. Тощий же всякий раз уворачивался, отскакивал назад на добрые два шага, изловчившись, пригибался. Лишь однажды меч вскользь коснулся его кольчуги. Ратник отпрыгнул в сторону, покрепче ухватил щит и вновь принялся ходить кругами.

Неожиданно налетели сизые тучи, и лёгкий прохладный ветерок сменился мощными порывами.

– Будет ноне! – остановил бой Гридя, пытаясь перекрыть злое завывание, невесть откуда взявшегося ненастья. – Почернело небушко-то! Эко духи гnevаются!

Ратники отступили. Хилый принялся собирать разбросанные ветром щиты и плащи. Невдалеке беспокойно заржали кони, до того мирно пасшиеся на лугу. Завидя тощего ратника, попытались взбрыкнуть, но он ловко ухватил за узду сперва одного, потом второго и третьего.

– Где княжичи? – оглядевшись и не увидев детей, схватился за меч Гридя.

– Вона они! На дереве сидят, – указал хилый, когда очередной порыв ветра открыл взору прячущихся в листве детей.

– Надобно княжичей поскорее в терем возвернуть! – покачав головой, вздохнул Гридя, и пошёл к дереву.

– Ох, братик! Не к добру шалость твоя! – глядя на приближающегося наставника, испугалась Владелина. – Ужо Гридя батюшке не убоится всю правду сказывать.

– Стало быть, на верхние ветки взберёмся. Будто нас тут и нет. Пуцай пощупут, – отмахнулся княжич и полез выше.

Владелине ничего не оставалось, как последовать за братом.

А меж тем ветер крепчал. Чем выше забирались княжичи, тем тоньше становились ветки. Мелкие сучки кололи руки, мешая надёжно ухватиться. Листья больно хлестали по лицу.

Оступившись, и едва не упав, княжна вцепилась в ствол.

– Братик! Доколе лезть нам? Дерево долу клонится.

– Боязно? – усмехнулся княжич.

– И без того навета не миновать. Батюшка заругает! – насупилась Владелина, давясь наворачившимися слезами.

Сквозь беснующуюся крону лицо оросили первые капли дождя.

– Эка напасть! – отмахнулся Владислав. – Гридя завсегда вступался за нас. Побранит, погрозит без меры, но батюшке хулить² не посмеет.

– Твоя воля. Токмо я дале не полезу.

– Стало быть, меня на поругание отдашь?

Владислав перестал карабкаться наверх и с укором посмотрел на сестру. Владелина лишь качнула головой и отвела глаза.

– Пустая затея, братик, в листве хорониться. Кабы худо не случилось. Вона как ветви гнёт...

И в тот же миг над головой раздался треск. Ломая сучья и крича, Владислав полетел на землю. Всё, что успела увидеть княжна, это огромные, полные ужаса, глаза брата.

– Гридя! Гридя! – в страхе закричала она, и ухватилась за дерево крепче крепкого.

Сверху удалось разглядеть, как засуетился подле брата подбежавший наставник, как мелькали покрытые бармицами макушки ратников.

Над головой сверкнуло, и по небу прокатился гневный глас вышних Богов.

– Сказывала я тебе, братик, худо будет! – всхлипывая и причитая, Владелина осторожно стала спускаться. – Не послушал меня! Как я теперича перед батюшкой ответ держать стану?

Резким порывом ветра дерево накренило. Да так низко! Княжна еле успела вцепиться в висевшую над головой толстую ветку. Меж ратников она разглядела сильно выгнувшегося на витом корневище Владислава. Бледное лицо, приоткрытые, будто в немом крике, губы и глаза... Закрты. Испугавшись пице прежнего, княжна закричала:

– Гридя! Вызволи меня!

Свист ветра подхватил её слова и унёс ввысь. Владелина прижалась к стволу, боясь пошевелиться. В лицо больно ударялись крупные капли с неба. Мелкие ветки хлестали по ногам, рвали подол, расплетали косу. Руки в кровь исцарапала шершавая кора. Княжна лишь на миг ослабила хватку. Продолжая держаться одной рукой, она опустила вторую – обтереть о сарафан. Крону сильно качнуло, и ветка, на которой она сидела, со страшным треском обломилась. Крича и хватаясь за листья, княжна полетела вниз...

Гридя широкими шагами шёл к дереву, размышляя над тем, как станет бранить княжичей за ослушание.

Порученные его заботе, они особых хлопот не доставляли. Смьшлённые и легко постигающие всяческое учение отроки прилежно исполняли наставления. И если бы не страсть Вла-

² Хулить – поносить, порочить, доносить, ябедничать.

дислава к шалостям... Всякий раз, стоило Гриде отвернуться, он принимался озорничать. И добро коли сам проказничал. Каким-то чудным образом ему удавалось увлечь не по годам благоразумную Владелину. Это сильно расстраивало князя Мстислава. Народившись в один день, схожие лицом, будто две дождинки, они с малых лет заметно отличались друг от друга и усердием, и послушанием. Владелина, или как батюшка ласково её звал Влада, была прилежна во всём. Наставникам и толмачам внимала с должным почтением. К учениям относилась старательно. Коли что не выходило с первого разу, повторяла заданное снова и снова, пока не постигала учение или степенный Фёдор, сжалившись, не отпускал её с миром во двор отдохнуть и подышать свежестыю. Князь Мстислав частенько сказывал думному боярину Яру Велигоровичу Магуге:

– Владелина-то не кокошники да коруны носить народилась, а княжить. Хватка не девичья. Смьшлѣная больно. Как есть княгиня!

Оттого он и прощал дочери проказы и озорство, коих, впрочем, было куда меньше, чем у брата. И только одно его огорчало – не девичье увлечение Влады шутейными боями. Не сиделось ей с мамками да няньками в светлице, не вышивалось, не рукодельничалось. Вместе с братом дни напролёт Владелина проводила с ратниками. Вытребовав у воеводы Артемия Сильча деревянный меч, она велела учить её с не меньшим усердием, чем Владислава, сокрушаясь и грозя собственным озорством. Воевода же и наставники, памятуя о проказах княжича, побаивались ослушаться Владелину, опасаясь, что в её тихой головке могут народиться шалости пострашнее, чем у брата. Косились на князя, и, видя, как он снисходителен к дочери, покорно учили княжну ратному делу.

А Владислав, хоть и схватывал на лету, даже за свитками умудрялся шалить, чем вызывал сильное неудовольствие у строгих наставников. Особенно горевал и печалился князь-батюшка. И виной тому неосторожно брошенное слово. Стоило перед думными боярами похвалить его за усердие, и княжич возгордился: кичился смьшлѣностью, уверял, будто учение ему без надобности, подтрунивал над упорством сестры. А как только толмачу или иному наставнику доводилось отвернуться – проказам не было числа. То спрячет в стог сена щит или плащ Гриди. То, как бы ненароком, утопит булаву воеводы, а после радуется, глядя, как тот лезет в стужѣную реку. То лягушку в тряпнице принесёт и под шапку Фёдору подложит. То лучины водой зальёт. То и вовсе свитки попрячет и, хохоча, наблюдает, как почтенный толмач ползает по полу светёлки и, кряхтя, выуживает их из-под лавок. Вот и теперь Гридя был уверен – мысль взобраться на дерево пришла именно Владиславу. И всё ничего, если бы не налетевшее невесть откуда ненастье.

Ветер принёс в лицо облетевшую раньше срока листву с острыми, как иглы старой ели, сучками. Гридя уже видел перепуганные лица озорников, когда обломилась ветка. С криком на выступающие из земли корневища рухнул и сразу затих княжич. Наставник кинулся к нему. Подоспевшие ратники отбросили в сторону злосчастную ветку с острым, как лезвие меча, сколом.

Крупные капли дождя упали на ставшее белым лицо Владислава.

– Ох, беда-беда! – покачал головой Гридя.

Ледяная роса покрыла его чело. Он поднял взор. С неба упали две крупные капли.

– Боги вышние и те слёзы роняют, – смахнув дождинки, он попытался разглядеть в густой листве Владелину.

– Держись крепше, княжна! Я мигом тебя достану!

Владелина что-то прокричала в ответ, но мощным порывом ветра слова её унесло к холму.

– Надобно князю дать знать! Скачи в терем, – велел наставник хилому. – Как есть, всё сказывай ему. Да передай, княжича на заимку к Агафье свезу. Окромя неё токмо Зоремиру под силу с хворью сей справиться. Да вот где его сыскать, ведуня этого?

Гридя склонился к груди княжича. Приложил ухо. Вслушиваясь в каждый шорох, он отчаянно желал услышать жизнь в маленьком теле.

– Худо! Ой, худо! Будто корневища эти, княжич наш. Лежит, недвижим.

Лицо наставника помрачнело. Он медленно поднялся. Увидев рядом хилого, прикрикнул:

– Ну! Почто стоишь?

Хилый вскочил на коня. Хлестнул его плетью. Гнедой взвился на дыбы, едва не уронив всадника. Заржал! Тряхнул гривой и помчался по лугу к стенам города.

Ветер обрывал зелёную листву и сыпал на голову. Гридя склонился к корневищу, бережно поднял на руки княжича и посмотрел на тощего.

– Скачи во весь дух к Агафье. А я Владелину вызволю и следом буду.

Передав Владислава ратнику, Гридя проводил их взглядом и пошёл к дереву. С тоской бросив взор на корневища, где ещё недавно лежал княжич, он поднял голову – Владелина вжималась в ветку, обхватив её руками. Осмотревшись и заметив зарубину, наставник принялся отстёгивать меч.

Новый порыв ветра зашумел листвой над головой. Гридя услышал оглушительный треск веток и девичий крик. У него похолодело нутро. Зажмурившись, страхась неизбежного, Гридя в тот миг желал сразиться с десятком врагов, только не испытывать вновь страх, ещё бродивший внутри. Сбравшись с духом и открыв глаза, он застыл от ужаса. Владелина упала на ту самую злосчастную ветку, с которой свалился её брат.

Поборов страх, шатаясь, словно травинка на ветру, наставник приблизился и опустился возле Владелины на колени. Острый как лезвие скол вошёл в живот. Выхватив из-за пояса кинжал и обрубив ветку, Гридя перевернул девочку на спину. Она простонала и затихла. На губах показалась алая пена.

– Княжна! Открой очи ясные! Княжна!

Дрожащая рука наставника коснулась растрёпанных волос.

– Влада! – в отчаянии позвал он.

Но девочка не шелохнулась!

Вскочив на ноги, Гридя закричал, будто раненый зверь:

– Боги вышние! Молю! Спасите княжцу! Самой себя отдам, только верните её на русь³!

Леса и окрестные луга сменили изумрудные ковры и сарафаны на рубиновые душегрейки и золотые кокошники. К приближающимся холодам крепостная стена, башни и ворота, княжеские палаты, да и весь город после бывшего пожарища почти полностью отстроили. Многие горожане и крестьяне окрестных деревень терпимо относились к живущим на восточном склоне половцам. Обучали при случае обычаям русичей, языку и ремеслу. Те же, учили русичей объезжать лошадей, готовить под седлом мясо впрок, определять приближение непогоды по ветру и беспокойному поведению животных, поили ребятню кумысом, учились земледелию, рыбалке и строительству. Никто из степняков неудовольствия не проявлял и неудобств местным жителям не доставлял. Размеренная жизнь вновь потекла как река.

Но не все рязанцы приняли половецкий народ добром. Одни косились в их сторону и не упускали случая крикнуть вдогонку бранное слово, другие плевали вослед и сторонились, спеша сойти с тропки. Были и те, кто роптал, жаловался непрестанно городским старостам. Те, устав от наветов, кланялись боярам, чтобы донесли до князя и хана о бесчинствах. Яр Велигорович с каждой грамоткой разбирался лично. Вызывал жалобщиков не в княжеский терем, а

³ Русь – в старину так называли свет, мир, светлое место, место силы. «Вернуть на русь» в данном случае – вернуть к жизни, в этот мир, вернуть к свету.

к себе в хоромы, допрашивал тщательно, и почитай каждый раз выяснял, что писанное навет. За хулу полагалось уплатить деньгой али зерном в княжескую казну и отработать на чёрных работах от одной полной луны до другой. Тяжкое наказание быстро поубавило желающих возносить хулу на половцев и рязанцы поутихли, особого недовольства не выказывали, ждали, что решит дума и каково будет слово князя Владислава.

Владелину всё больше тяготил княжеский венец. Теперь, когда её возлюбленный хан был рядом, так хотелось скинуть с себя платье погибшего брата и стать той, кем она рождена. Но увы... Этому не бывать. Потому лишь только светило выглядывало из-за леса, Влада звала Дамира покататься верхом. Она понимала, кочевому духу её басурманина нужны поля, луга, степи, и сама не отказывалась от прогулки, если он просил. Да и простор за стенами Рязани был тем единственным местом, где они могли побыть наедине, не страшась быть услышанными, не опасаясь, что их увидят. А стража...

Артемию Силыч так и не успел вернуть себе воеводство. Князь Мстислав захворал и не оставил изволений. Так он и остался в сотниках. Зато службу нёс за двоих. И в стражу Владелине подобрал ратников надёжных, неболтливых. И с делами дружины управлялся, пока Симеон Тихонович, ненавистный всем воевода, глотку драл на торжище и народ смущал речами погаными, что де половцы в ночи всех порежут. За то приходилось Владелине прилюдно его отчитывать. Воевода унимался, но ненадолго.

В тот раз Владелине не суждено было отправиться за стену вдвоём с ханом. Прихватив с собой воеводу и ратников, князь Владислав отправился объезжать ближние и дальние окраины княжества. Стража доносила, что на границах всё чаще стали видеть басурман. И то были не живущие по изволению князя в рязанских землях половцы хана Дамира, коим велено носить на рукаве ленту зелёного сукна, чтобы стража ненароком стрелой не догнала, признав во всаднике чужака. На границы повадились половцы хана Осолука и мелких степных князьков. Непокойно было в округе. Что-то затевалось. Только вот как понять, кто супротив Рязани подняться удумал?

Лёгкий ветерок подхватил и унёс в поля глухое ржание резвых коней. Держась поодаль ото всех, Влада и Дамир, ехали впереди. Всякий раз, как воевода желал приблизиться, хан бросал в его сторону такой свирепый взгляд, что Симеон Тихонович бряцал мечом, кривился, недовольно бурчал, но приближаться не осмеливался. Вот и теперь, когда князь остановил коня перед большим холмом и воевода поспешил к правителю, яростный взгляд половца заставил его придержать жеребца.

– Вольготно супостату в землях рязанских! – пробурчал Симеон Тихонович и покосился на сотника. – Князь-то русичей не чтит. Мы его из плена басурманского вызволяли, а он хана и воинов его в Рязани призрел⁴.

– Молчи, Симеон! Не нам с тобой за князя решать. В том, что басурмане в землях наших живут и нам выгода, – огрызнулся Артемий Силыч.

– Вот за твои гнилые помыслы князь Мстислав и изгнал тебя. Али запомнил?

– То лишь моё дело, да князя, мир ему! – пробурчал сотник.

Натянув поводья, он подъехал ближе к Владелине, встав между ней и воеводой. Хоть Мстислав Игоревич и лишил в сердцах должности, но, всё же до последних дней считал воеводой его, а не трусливого и болтливового Симеона. Обещал вновь должность пожаловать. Жаль не успел. Да и разве в воеводстве дело? Дружина его слушается, Владелина совета спрашивает, с басурманами управляться получается, да и хан его чтит. Чего ещё желать? Покосившись на недовольного воеводу, Артемий Силыч перевёл взгляд на рязанского правителя.

А Владелина смотрела на высокое старое дерево. Иссохшим корневищем оно вспахало землю, разметав сплетённые отростки у подножья. Словно множество костлявых рук обнимали

⁴ Призреть – приютить.

они ствол и тянулись далеко вокруг. Горькие воспоминания удушающим комком подкатили к горлу.

– Об чём печалишься, княгиня моя? – услышала она тихий голос подъехавшего ближе Дамира.

Владелина вздохнула и посмотрела на возлюбленного:

– Да вот, думаю... Ты всё на своём пути спалил. Город мой в прах и пепел обратил. Пошто дерево это оставил?

Дамир выглядел смущённым. Нечасто она упрекала его в содеянном.

– Так ты только вели, княгиня моя! – услышала она глухой голос. – Враз от него щепы да комель останутся.

– Не тронь! – Влада отвернулась и вновь устремила взор к дереву, принёсшему ей столько бед. – Пущай растёт.

Постояв немного, она натянула поводья и, подъехав к Дамиру, встала рядом с ним:

– Сказывай лучше как оба раза незаметно к Рязани подошёл? Как стражники войско твоё не заметили? Пошто до сего дня тайное от меня скрываешь?

Дамир вздохнул:

– Ворога во мне всё видишь, княже? Беды от меня ждёшь?

– Не от тебя, – смягчилась Влада. – Думал, ежели я тут за стенами прячусь да степных погорельцев привечаю, так про беды твои с Джамбулатом ничего не ведомо мне? Знамо дело! И как под стены твои он пришёл, и как в западни, тобой расставленные, попал, как бежал постыдно с поля брани, и как ты с остатками народа на гнилом озере от него прятался. Обо всём ведаю!

– Откуда? – удивился Дамир, но потом посмурнел.

На его потемневшем от горя лице отразились боль и печаль. Владелина его хорошо понимала. Слишком свежа была рана. Слишком тяжела ноша. Слишком неведомы пути.

– Кто рассказал тебе об том? – прохрипел он.

– Слухами земля полнится. Я так разумею, Джамбулат не отступится. Придёт он за тобой, Дамир. Посему сказывай без утайки, какими путями окольными пришёл, как хоронился от стражи, где тропки потаённые сыскал. Велю на каждой такой дорожке дозорных поставить. Скажешь, али нет?

Вскинул голову Дамир. Вспыхнул взор. Рука легла на рукоять сабли.

– Скажу, княже. Обо всём поведаю. Токмо дай мне слово верное, что исполнишь всё, как велю. Коли ты супротив Джамбулата подняться отважилась, я и воины мои по перед тебя и дружины рязанской стеной встанем. Сколько я поливал землю кровью сынов и дочерей княжества твоего? Но она же, простив всё зло, боль и обиды, приняла и домом мне стала. Как за родную биться буду, себя не щадя.

– Добро! – кивнула Владелина и, дёрнув поводья, поскакала к лесу, где у кромки появилась сгорбленная фигура.

Дамир и остальные последовали за ней.

Деревья, окрасившиеся в багряный с золотым отливом наряд, встретили знатных всадников тихим перешёптыванием листвы, словно знали о них то, что другим знать не следовало. Влада и Дамир молча ехали вдоль леса. Им не нужно было вести речей, чтобы понимать друг друга. Достаточно было находиться рядом. Ловить украдкой взор и знать, что, едущий рядом, не предаст.

Наслаждаясь уходящим теплом, они поравнялись со старухой, шедшей вдоль деревьев. Знахарка и повитуха Агафья жила в этом лесу на заимке очень давно. Влада помнила, как её батюшка, князь Мстислав, сказывал, будто мальчишкой он отправился со своим отцом в эти ещё нехоженые земли и повстречал Агафью. Как она поила его ягодным соком, ворожила на корешках и заклинала его батюшку не ходить в глухие земли.

С тех пор многое переменилось. Вот и батюшка её ушёл к матушке и духам. Но Агафья всё так же жила на заимке, лечила разные хвори, принимала младенцев и ворожила. Старики сказывали, что она знает с самим ведуном Зоремиром, коего в рязанских землях да и по всей Руси почитали и боялись. Многие о нём слыхали, да никто не видал. Злые языки и вовсе уверяли, что то всего лишь слух, и никакого Зоремира нет и не было. Другие рассказывали о чудесах, что творит этот ведун. И клялись, что слыхали о них от тех, кто эти чудеса видал. Иные не верили ни тем ни другим. А о том есть Зоремир или нет высказывались осторожно, мол раз слухи ходят, значит, кто-то да есть. А коли многие старики Агафью помнят ещё с малых лет, стало быть, что-то в этой старухе есть, и, видать, она и правда с ведуном знает, коль столько лет по земле ходит. И откуда одни только догадывались, Владелина и Дамир знали наверняка, что Зоремир живёт в дальних лесах у чёрного валуна и всякий народ его по-своему кличет. А коли так, то и про Агафью, видать, верно сказывают.

Поставив на пенёк полную трав и кореньев корзину, знахарка отвесила земной поклон подъехавшему князю:

– Здрав буди, князь-батюшка! А я иду к себе, дай, думаю, на лужок выйду, вдруг тебя встречу? – покосившись на Дамира, старуха принялась ковыряться в корзине, но, не найдя искомого, махнула рукой.

– И тебе не хворать, Агафья! – кивнула Влада.

– Вели девке сенной поутру прийти. Я тебе травок для отвара ароматного беру: думы тяжкие разогнать, силы укрепить, дух подбодрить и беспокойство ночное унять. Да, коли позволишь, настойку стряпухе передам. Третьего дня жалобилась она на боли колючие. Сказывала, лытки окаянные её совсем измотали. Я и сама бы пришла, да мне в деревню за реку надобно. Дитятко там у жинки мельника того гляди народится. Вот травок насбираю. Пойду! Здрав буди, княже! – и ещё разок поклонившись, старуха пошла вглубь леса.

– Чудная она! – поглядел ей вслед Дамир.

– Она мне заместо матери была, – тяжело вздохнула Влада.

От её взора не украдась тоска во взгляде любимого.

– Ты так и не поведал мне, отчего не привёз с собой Мару, – продолжив путь, смущаясь, неуверенно спросила она. – Ей бы понравилось в моих землях. В лесах много целебных корешков, грибов да ягод. Травами спелыми луга поросли. Да и с Агафьей, мне думается, они бы поладили.

Лицо Дамира почернело, он осунулся, будто груз тяжелой битвы вновь навалился на его плечи. Владе стало не по себе оттого, что всколыхнула былые воспоминания. Ей и раньше-то казалось, что неспроста её хан не привёз Мару, а теперь и вовсе совестно стало.

– Мара сгинула, – не своим голосом просипел хан. – В пламени пожарища канула в шатре своём.

– Не гневайся, что былое тронула, – подъехав ближе, Влада коснулась руки Дамира.

– Нет в том твоей вины, – Дамир сжал её пальцы и покосился на приближающихся ратников и воеводу с сотником. – Права Мара была. Коли оставил бы тебя при себе тогда, не выжила б ты в битве. Джамбулат становище моё коварством взять хотел. Да сам в мою западню, аки зверь, угодил. Токмо всё одно многим в землю лечь суждено было. Усман своими руками Негудера в курган уложил. Земли те ещё многие лета гиблыми будут.

– Отчего же ты тогда сразу не открыл мне, что батюшка мой посольством у стен стоит?

– Желал, чтобы ненависть в тебе огнём полыхала. По-иному ты бы не ушла. А я так и не ведал бы, что значу для тебя, – голос Дамира дрогнул.

Владу разозлили последние слова, хотя она и не понимала отчего.

– Теперь ведаешь! – сорвались с уст полные горечи слова.

Владелина хлестнула коня и поскакала навстречу ратникам. Она не слышала, ни тяжёлого вздоха любимого, ни его слов:

– Ведаю! Токмо знамо ли тебе, что значишь для меня ты?

Поравнявшись с воеводой и сотником, Владелина посмотрела в сторону дальних лесов:

– Симеон Тихонович! Пошли в Рязань за дюжиной верховых и свежими лошадьми. Дождись и догоняй. Мы поедем на дальние подступы. Хан Дамир нам тропки тайные укажет. Поглядим, где посты худые, а где их и вовсе нет. Надобно границы стеречь получше. Коли хан Дамир смог неприметно к граду подобраться, то и прочие смогут.

– Чтобы я, воевода, да басурманина слушал? – возмутился Симеон. – Ты кому, княже, просишь меня, русича, покориться? Тому, кто Рязань сжёг? Ты половцев в стенах приветил. То дело твоё. Токмо у каждого из них на нас кинжал припасён. Слово моё верное, гляди...

– Ты что мелешь, Симеон? – пробасил Артемий Силыч, покосившись на подъехавшего Дамира. – Коль знаешь чего за людьми хана, так слово делом подкрепи, толком сказывай за кем какая вина есть. Не то сам на расправу лютую напросишься.

– И ты с ними заодно? – замотал головой воевода. – Твоего слова, сотник и вовсе не спрашивали. Я завсегда говорил князю Мстиславу, что ты к басурманам переметнулся!

Дамир выхватил кинжал, а Симеон, увидав ярость во взгляде Дамира, вдавил сапоги в бока кобылки и что есть духу помчался к Рязани. Промеж ратников послышались смешки. Один подъехал ближе:

– Дозволь, княже, мне за людьми и лошадьми в Рязань отправиться. Да и за воеводой присмотреть надобно. Не свалился бы где в канаву! А то вона его как хан спужал! Кобылка подковами, что деньгой сверкает.

Послышался сдавленный смех. Владелина обернулась. Ратники, что есть сил сдерживались, глядя на удаляющегося воеводу.

– Поезжай! – махнула рукой Влада. – Поди и вправду куда свалится, али того пуще – с пути собьётся!

На сей раз рантики расхохотались, да так, аж слёзы на глазах выступили.

– А я с тобой поеду, княже! – выехал вперёд Артемий Силыч. – Пущай хан Дамир мне укажет, где у нас худо стерегут.

– Добро, Артемий Силыч! – согласилась Владелина. – Мудрость твоя и сметливость всем ведомы!

Светило уже пошло к закату, когда у кромки дальнего леса Владелине померещилось, будто кто-то прячется за кустами. Она всматривалась в скользнувшие за деревья тени, вслушивалась в затихающий шелест облетающей листвы. Ничего. Влада подняла руку, велел ратникам отстать, и поманила Силыча.

– Глянь-ка туда? – указала она подъехавшему сотнику. – Разбойный люд тайными тропами пробирается?

– Дозволь, княже, поглядеть, – Борич, всегда неотступно следовавший за Артемием Силычем, спрыгнул с коня и бросил ему поводья.

– Токмо понапрасну на рожон⁵ не лезь, не медведь, – велела ему Владелина.

– Княже, может лучше я? – Дамир подъехал ближе.

– Вместе пойдём! – спешившись, Владелина вытащила из ножен меч и, стараясь ступать тихо, пошла за Боричем.

Дамир последовал за ней. У раскидистого куста, всё ещё одетого в густую зелёную листву, Влада остановилась и подняла руку, указывая куда-то вперёд. Дамир замер на миг и крадучись, подошёл ближе.

⁵ Рожон – длинная толстая палка с заострённым или металлическим наконечником, с X века использовалась на Руси в качестве орудия при охоте на медведя.

Трое разбойников, так же как и они, прятались за кустом и бранились промеж собой.

– Тихо ты, Шельма! Спугнёшь!

Рябой замахнулся на тощего, но тот оказался столь прыток, что увернулся от удара и отскочил в сторону.

– Шам ты, Кутя, шельма! Шумишь, а пошле бранишьца. Глянь-ка! Поди оборотитца. Жаприметит наш, тогда гиблое дело.

– Цыц, вы оба. Вот взрежу ножичком! Останетесь тут, зверью на забаву, – пригрозил третий, явно старшой.

– А чего он, пёс брехливый... – огрызнулся Кутя.

Старшой смерил подручников недобрым взглядом.

– Вот я вас...

Опустив мешавшую ветку, он вглядывался в сгущающийся сумрак:

– И откель он тут взялся? Прочих не видать... – прислушавшись, старшой махнул подручникам. – Кажись, один! Слышь, Кутя! Иди вона той тропкой. Как в низину спустится, так и выскакивай перед ним. Понял? А ты, Шельма, голдень ты, шелудивый, дубину бери. Вона за те кусты ступай. Как Кутя выскочит, так ты ратника-то по головушке и отходи, чтобы не поднялся. Доспех у него вишь, какой, знатный! За него деньгу добрую выучим.

– Плащ – мне! – потирая руки, обрадовался Кутя.

– Чего это? Ишь, чего удумал? Плащ и кинжал – мне! Доспех, меч и щит – сбудем на ярмарке по случаю, – возмутился старшой. – С тебя и рубахи хватит.

– А я шебе шапку вожму и шопоги! – переминаясь с ноги на ногу и поигрывая дубиной, гундел Шельма.

Дамир посмотрел на Владу. Она молча кивнула.

– А мне головы ваши! – выскочил из-за куста хан.

Разбойники присели от испугу, увидав басурманина, а после и вовсе бросились врассыпную. Старшого поймал Дамир и, не дав ему опомниться, одним ударом сабли снёс голову. Шельма выронил дубину и кинулся бежать. С перепугу налетев на Владу, он повалился ей в ноги.

– Шпаши меня, добжий воин! Тут по лешу башурман шаштает!

– Может и спасу, коли скажешь, чего это вы тут замышляли?

Владелина ухватила его за шиворот и, подпихнув вперёд мечом, повела к кромке леса. Шельма, видать, сообразив, что и воин, и басурманин заодно, скулил, но шёл. Когда же увидел верховых, бросился наземь и завыл:

– Ох, беда мне, горемышному! Ох, беда!

– Ещё один! – Борич выволок из лесу Кутю, и кинул в руки Силыча небольшой мешочек. – При нём было. Видать, я не первый, на кого они тут в кустах прятались.

– А это у старшого сыскалось, – появившись из-за деревьев, передал Владе мешок побольше Дамир. – Тяжёл, будто камень. Не с руки, видать, такой за пазухой носить было, да от этих прятать!

– Вот хмыстень⁶! – надулся Кутя. – Брехал, что поровну хабар⁷ делил, а сам...

– Что с ними делать станем, княже? – выпрямившись в полный рост, Борич встал над лежащими на земле разбойниками.

– С собой возьмём, – Владелина бросила мешок с монетами Силычу. – Поутру совету предъявите. В хлеборост⁸ или страдник⁹ и не сыскали бы. Возьмите их! – кивнула она ратникам. – Вяжите крепко, чтобы не сбёгли.

⁶ Хмыстень – обманщик и вор; тот, кто ворует у своих.

⁷ Хабар – добыча, прибыль.

⁸ Хлеборост – месяц с середины июня по середину июля.

Ратники схватили разбойников, скрутили и отвели в сторонку.

– Стражу на границах по-иному устроить надобно, – обернувшись на лес, Влада поглядела на Силыча и, подумав немного, махнула рукой, подзывая Борича. – Она-то по верхам ездит, в низинки и лесочки не заглядывает. Тут и войско пройдёт, никто не приметит.

Владелина покосилась на Дамира.

– Лесок этот в овраг широкий спускается. Там тропа широкая, деревья высокие. Верховые по три зараз проходят. Вот где стражу припрятать надобно. По тому оврагу я оба раза шёл, никто мне путь не преградил. Стало быть, и Джамбулат, коль на Русь пойдёт, тем же путём пробираться станет.

– Значится, так тому и быть! – кивнула Влада, похлопав коня по морде. – Борич! Доставь в Рязань этих, – она кивнула на разбойников. – Чтобы не сбёгли. А то ведь гляди, Симеон Тихонович не поверит нам.

Ратники вновь расхохотались и принялись готовиться в обратный путь.

⁹ Страдник – месяц с середины июля по середину августа.

Глава 2

Светило вынырнуло из-за крыши терема и лениво заглянуло на ратный двор, где шестеро мальчишек лет по пять, вооружившись малыми щитами, деревянными мечами и водрузив на головы мохнатые шапки, словно на дворе лютень¹⁰, внимательно слушали пожилого дружинника. Выслушав очередное наставление, они встали друг против друга. И началась битва. Стук деревянных мечей разносился по двору, вперемешку с визгами малышей и грозными окриками наставника.

В ожидании князя и сотника Дамир стоял на заднем крыльце гридницы¹¹, выходящим на широкий двор. Постукивая ладонью по рукояти сабли, он глядел на мальчишек. Взгляд всякий раз цеплялся то за одного, то за другого мальчика. Один казался слишком медлительным и оттого получал удары чаще остальных. Другой чересчур вертлявым, настолько, что путался в ногах. Третий, хоть и был ростом выше остальных, казался ещё совсем маленьким и не понимал чего от него хотят.

С шумным гомоном и смехом на двор из избы выскочила дюжина отроков. Одетые, как и положено ратникам, в кольчуги поверх плотных рубах, шеломы с бармицами, со щитами и настоящими, а не деревянными мечами, они выглядели очень неуклюже. На миг Дамир подумал, что они и мечом-то взмахнуть ни разу не смогут. Но когда на дворе появился Борич, отроки притихли и подбежали к нему за наставлением. И вот уже взметнулись ввысь мечи и оглушительный звон, крики и брань огласили двор.

– Ах ты, басурман! Я тебя!

– Поди сюда, супостат! – кричали те, кому выпало изображать русичей.

– Вот вспорю брюхо, поглядим кто супостат!

– Сам ты басурман! – вопили те, что изображали врагов.

– В ратном поединке речи вести, что самоё себе голову снести! – наставлял Борич.

В груди у Дамира больно кольнуло. Он глядел на отроков и внутри него всё переворачивалось, бурлило, подступало мутью к горлу и ухало к ногам.

– И думать не моги об том! – услышав гневный шёпот Влады над ухом, Дамир от неожиданности вздрогнул и резко обернулся. – Я-то помню твои...

Она недоговорила. Смерила хана тяжёлым взглядом и посмотрела на будущих ратников.

– Тронешь кого – от моего меча падёшь! – глядя на появившегося из ратной избы Силыча, прошипела она.

– Княже! Тебе ведомо всё обо мне. О былом и не помышляю, – Дамир подошёл к Владе и встал за её плечом. – Я в толк не возьму...

– Чего? – вмешался в разговор Силыч, подходя ближе.

– Пошто мечи у мальцов деревянные?

Силыч усмехнулся:

– Княже, если не передумал со мной в становище ехать, то пора!

– Поедем! Давно за стену не хаживал, – кивнула Влада.

– Добро! – и глядя на спускавшихся с крыльца Владу и Дамира добавил. – А у вас, что, не так воинов учат?

Дамир обернулся на мальчишек:

– Кыпчаки сыновей сызмальства в седло сажают и к сабле приучают. Но деревянных не дают. Кинжалу или малой сабле из-под руки кузнеца выйти должно. Воину и клинок под стать.

Силыч покосился на Владу:

¹⁰ Лютень – время с середины января по середину февраля.

¹¹ Гридница – большое помещение в княжеском дворце для дружинников.

– Ежели княжичам да не деревянный меч, а кинжал с пылу с жару даден был, половину дружины извели бы и без набегов басурманских.

– Пошто так? – от Дамира не укрылось, как зарделась Влада.

– Да они так яростно мечами махали, что к вечерней зорьке всякий раз искать наставника приходилось. Прочие, что были, к утру ещё не могли подняться. Любо княжичам было пошалить да позабавиться. Особливо княжич Владислав этим славился. Верно сказываю, князь-батюшка?

– Верно! – вздохнув, отозвалась Влада, с грустью покосившись на сотника.

Дамир видел, как Силыч, потупив взор, отвернулся, чтобы не смущать Владу, и без того огорчённую упоминанием погибшего брата.

На конюшне их уже ждали. Три запряжённых коня стояли у ограды, нервно перебирая ногами, помахивая хвостами и всхрапывая.

– Ты так и не сказал, отчего мечи деревянные, – решив прервать гнетущее молчание, Дамир подъехал к Силычу, как только они выехали в поле.

– Деревянный меч не может причинить большой вред. Больно ударить, оцарапать – да, но жизнь не отнимет. Потому мальцы не боятся наносить удары. А когда становятся старше и опытнее в бою, получают из рук наставника первый настоящий меч. К отрочеству они ведают всё, что должно знать ратнику. И лишь окрепших силой, их берут в малую дружину. Вот так! – покосился на всю дорогу молчавшую Владелину Силыч.

Дамир тоже поглядывал на неё. Его тяготило то, что Влада решила, будто он прельстился отроками. Он старался не вспоминать о том, к чему вынуждала его злоба и ненависть Агын к пленницам. Но Влада помнила. Она так и не простила ему гибели отроков. И, хотя с тех пор как половцы поселились рядом с Рязанью, она впервые упомянула о его былой жестокости, её слова острым клинком вонзились в тело, разрывая нутро на куски.

– Глядите! Усман! – услышал он голос Владелины.

Указав на быстро приближающегося всадника, она вдавила сапоги в бока коню и поскакала вперёд.

Дамир и Силыч помчались следом за ней.

Они встретились с Усманом у раскидистого старого дерева. Спрыгнув с коня, половец взял за узду жеребца князя и погладил морду.

– Усман! – окликнул его Дамир, подъехав ближе и спешившись. – Ведомо ли тебе, отчего русичи столь отважны в бою?

– Нет, мой хан!

Он раскрыл рот, хотел было что-то сказать, но благоразумно решил промолчать.

– Оттого, что их дитя уже в три года обучают ратному делу. В четыре малец получает в руки меч. Но не как нам с тобой атасы поднесли малую саблю, а из дерева.

– Как с деревянным мечом можно стать воином? – удивился Усман и покосился на князя и сотника.

Силыч хмыкнул и кивнул в сторону князя.

– Ты летами постарше меня будешь, Усман? – Влада выбралась из седла и скинула плащ. – Стало быть, я для тебя как отрок из малой дружины для ратника. Сразись со мной, коли полагаешь, что с таким мечом воином не стать.

Усман тряхнул головой:

– Помнишь наш лёгкий бой, княже? – он вынул кинжалы и бросил их рядом с плащом князя. – Вы с Гайлисом супротив нас с ханом? Тяжко поверить, что наставники тебя учили мечом, выстроганным из дерева. Уж больно ты прыток и ловок.

Владелина усмехнулась. Дамир залюбовался лёгкой улыбкой, тронувшей губы любимой. Так захотелось прижать её к груди.

– Сразись со мной! – услышал он голос Влады.

Она достала меч, взяла в руки щит и отошла подальше от расползающихся, что земные гады в траве, корневищ старого дерева.

– Ну, коли князь просит, отказать не смею, – вынимая саблю, Усман покосился на Дамира.

От его слов внутри у хана полыхнуло. Дамир лишь взглянул на Усмана и тот под тяжёлым взором убрал саблю в ножны и отступил.

– Неужто ты спужался быть поверженным? – усмехнулась Влада. – Коли твоё правда, Усман, и с палкой воином не стать, тебе нечего страшиться.

– Ежели, княже, правда твоё, и воином даже с палкой становятся, то сразись со мной. Отважишься? – выхватил саблю Дамир.

– Не убоишься супротив князя сваво выступать? – ухмылка засияла на лице Владелины, на миг заставив Дамира усомниться в верности задуманного. – Что же! Быть по сему! Токмо биться со всех сил, не отлынивать.

– Княже, разве мы за тем в становище ехали, чтобы ты ребячеством забавлялся? – Дамир уловил тревогу в голосе и взгляде сотника.

– Тебе нечего страшиться, Артемий Силыч! – попытался успокоить его Дамир. – До крови биться не станем, тем паче головы рубить.

За разговорами он пропустил первый удар, оказавшийся столь мощным, что сбил с ног.

– В бою речи вести, что самое себе голову снести! – повторила Влада слова Борича. – Притомился, хан? Пошто собой землю согреваешь?

Дамир сцепил зубы, вскочил и кинулся на Владу. Его удар она еле успела отбить.

– Нешто тебя то не касаемо? – оскалился он, скрестив клинки и отпихнув от себя Владу.

Она сжалась и бросилась на него. Больше сшибки речами не прерывалась. Оба противника лишь изредка покрикивали, бросаясь друг на друга. Рычали, скрипели зубами, сверкали гневными взглядами.

Трижды Силыч желал остановить битву. И трижды ему казалось, что Дамир отступал. Всякий раз, когда рука хана, сверкая саблей, взлетала над головой, сотник хватался за меч, готовый броситься на подмогу. С тревогой он косился на Усмана. Тот тоже сжимался и хватался за саблю, когда хан начинал брать верх. Он явно готовился кинуться на него и закрыть князя собой или оттащить в сторону яростного степняка.

Засмотревшись на Усмана, Силыч пропустил тот миг, когда Дамир стал теснить Владу к торчащему из земли корневищу. И не успел сотник подумать, что Влада споткнётся и упадёт на спину, как и её брат когда-то, Дамир бросил саблю под ноги Владелине.

– Твоё взяла, княже! – коснувшись груди и склонив голову, прохрипел он.

Тяжело дыша, Влада глядела на хана с нескрываемым раздражением:

– От битвы лытаешь¹², Дамир?

– Не гневайся, княже! – поднимая саблю, он старался говорить тихо, желая потушить пламя недовольства любимой. – Не желал тебя ранить.

– Я велел в полную силу биться, а ты...

Силыч подошёл к Владелине и положил ей руку на плечо:

– Княже, Дамир прав. Как ему супротив тебя биться в полную силу, ежели он клялся верно служить, да клинка на тебя и народ твой не обнажать?

Владелина покосилась на Усмана. Тот лишь кивнул соглашаясь:

– Ты, княже, и вправду противник отважный! Ловкий, сноровистый! С таким в бою нелегко сладить. И хану непросто пришлось, я-то его не раз в бою видал. Но и битва была не за жизнь, а лишь забава. В кровавом поединке тебе супротив него не выстоять. Да и никто из

¹² Лытать – уклоняться, отлынивать.

воинов кыпчакских, что многие битвы с ханом прошли не отважатся супротив него выйти. Не сыскать равного по силе хану Дамиру!

– То ты лишку хватил, Усман! – ухмыльнувшись, замотал головой Силыч. – Хан твой воин знатный, коли сам Джамбулат от него бежал. Токмо на сей раз он пострашился в полную мощь перед князем предстать.

Силыч взглянул на хана. Тот смотрел на лошадей, словно его те речи и не касались. Влада подошла и встала перед ханом:

– Усман верно говорит?

– Верно! – вскинув голову, тихо заговорил Дамир. – Ежели я призову духов, дабы в полную силу биться, то никому предо мной не устоять. А и не призову, в пылу битвы не отступлю, покуда враг повержен не будет. Чтобы меня остановить, придётся меня убить. Но покуда не сыскался воин равный по силе. Был один. Улубий. И тот от моей руки пал.

– Коли так, ворогам, что на подступах к Рязани бродят, худо придётся. И коли хан столь силен, то не убоится же он супротив меня выйти? Я на голову выше и в плечах вдвое шире хана буду, да и бить стану вполсилы.

Дамир покосился на сотника:

– Мы в становище не для забавы ехали, Артемий Силыч! – попытался он уйти от сражения.

Но Силыч уже выхватил меч и поигрывал тяжёлым клинком, что веткой ракиты.

– Ну, нет! Ты тут силушкой похвалялся, так покажись!

Дамир поглядел на Владу, Усмана, Силыча и отвернулся. Сделав пару шагов к мирно пасущимся жеребцам, он выхватил саблю и, рыча, бросился на Силыча.

Воеводой Артемий Силыч славился самым сильным и отважным среди всех воевод княжеств Руси. Равного ему не было от Чернигова до Новгород-Северского и от Полоцка до Тьмутаракани. И, впав в немилость к князю Мстиславу, став сотником, былой хватки не утратил. Посему коварный замысел хана разгадал мигом и был готов. Отразил и первое его нападение, и второе. Мощные удары меча сыпались на Дамира, словно орехи. Но и хан не промахивался. И когда клинок обагрила кровь сотника, он бросил саблю к его ногам, отступил и опустился перед ним на колени.

– Гиблая то затея была, Артемий Силыч! – склонив голову, прохрипел хан, боясь поднять взор на Владелину. – Видят духи, не желал я того. И коли клялся, что сабля моя русича не коснётся, приму волю князя и твою.

– Об чём ты сказываешь, в толк не возьму? – Силыч зажал неглубокий порез на руке, покуда Владелина развязывала мешочек с сухими листьями, который сотник всюду носил с собой. – Вот посыплю трухой на царапину и хвори как не бывало.

– Встань! – не глядя на него, недовольно пробурчала Владелина. – В становище с Усманом поезжайте. А то, что было тут, наперёд нам всем ученье!

Когда половцы удалились, Силыч убрал за пазуху мешочек и поглядел на Владелину:

– А и правду сказывал Усман, нет хану равного в битве. Одолеть его не под силу даже мне. И то добро, то ладно, что хан Дамир и воины его Рязанское княжество стерегут. Супротив силы такой не сыщутся глупцы в битву идти.

Влада молча смотрела вслед удаляющемуся Дамиру.

– А что хан про духов сказывал? Нешто он и вправду их призвать может? – призадумался Силыч.

Она посмотрела на сотника и вздохнула:

– Дамир обладает властью над духами и потому его не одолеть. Но силу ту токмо на правое дело направить можно. Задумай он с такой властью напасть, и духи покарают его и всех, кто ему дорог.

Сотник тряхнул головой, глядя на всадников вдалеке. Влада коснулась его руки:

– Артемий Силыч, поезжай в становище сам. Я в Рязань ворочусь.
На лице её отразилась глубокая печаль. Сотнику стало жаль воспитанницу.
– И пошто я его на эту сшибку уговорила? Твоя рана – моя вина! – ругала Влада себя.
Вскочив в седло и не взглянув на Силыча, Владелина ускакала прочь.

После обеденной трапезы бояре, воевода и сотники, вельможи, городские старосты и знатные горожане собрались в думных палатах на большой совет. Из половецкого становища воротились и Силыч с Дамиром. Бросая косые взгляды на лавку, где они сидели, и под гулкие разговоры поглядывая на тяжёлые двери, все ждали князя.

– Сказываю вам, князь наш к басурманам переметнулся, коли уж на совет хана ихнего позвал, – склонясь к стольникам, бубнил воевода. – Припомните моё слово верное, мы ещё им в ножки кланяться будем.

– Да уж твоя спина точно не переломиться поклоны бить, Симеон Тихонович, – маленькая боковая дверка в стене раскрылась и в палаты вошёл князь Владислав. – Ты и при батюшке моём, князе Мстиславе, мир ему, не больно-то спину гнул. А чего же нынче заколготился¹³?

В палатах враз стало тихо. Воевода сжался, как от удара плетью, заозирался по сторонам, ища одобрения. А не найдя его, подскочил с лавки. Глазки его сузились, забежали:

– Ты, князь-батюшка, летами-то молод, опыту тебе недостаёт. Для того мы тут и собираемся, чтобы думам твоим княжеским подсобить. Погляди, сколько мужей собралось на совет! А ты на нас, тьфу, и сапожком-то растёр! Не слушаешь речей, не внемлишь советам. Всё по полям с басурманом своим скачешь. Обо всём его по первой спрашиваешь, а наше слово пустое. Так, что ли, княже?

Владелина окинула взором совет, подмечая, как вельможи от таких речей воеводовых головы повжимали в плечи. Медленно пройдя через палаты, села в отцовское кресло и задумалась, разглядывая шитый узор на кафтане. Потом подняла голову и уставилась на Симеона:

– То ты верно подметил, воевода. Не у тебя совета по превой спрашиваю, а у того, кто земли наши пожёг и разорил. У хана Дамира подмоги ищу, потому как на совет надеги нет!

Вельможи зашумели, заволновались, загомонили. И только бояре Яр Велигорович и Велимудр Крутович молчали.

– Как же так, князь-батюшка, – поднялся староста ремесленников. – Нешто мы град свой не ведаем? Нешто руки наши ремесло позабыли, что тебе с нас спрос мал да не важен?

– Не о ремесленниках веду я речи, староста, не о купцах или рыбаках, – говоря с ним, Влада поглядывала на Силыча и Дамира. – Ты на свой порог сие не принимай. О воеводе речи мои! А скажи-ка нам, Симеон Тихонович, хороша ли стража в дозоры ходит? Не видать ли степняков на границах наших? Не попадались ли разбойнички лихие в лесах да оврагах?

– Ты и в дружине своей сомнения имеешь, княже? Дозоры и посты княжества Рязанского половцам стеречь велишь? – огрызнулся воевода.

– Отвечай, коли спрашивают, Симеон Тихонович, – подал голос Яр Велигорович. – Али по-твоему нам тут до вечерней зорьки сидеть должно?

– Тихо на границах наших, – оглядываясь на совет, пробурчал воевода. – Спокойно всё!

Влада бросила короткий взгляд на Силыча. Он поднялся и вышел, но тут же вернулся вместе с Боричем и двумя разбойниками. Подтолкнув их на середину палат, он разом надавил на плечи обоим, заставляя опуститься на колени.

¹³ Колготиться – суетиться.

– Вот, узрите вельможи на то, как спокойно на границах наших, – забасил сотник. – Сих лихоимцев поймали князь наш Владислав, хан Дамир и ратник Борич. Был ещё третий тать¹⁴, но хан Дамир по горячности своей голову ему снёс.

– Деньги у них сыскали два мешка, – Борич подошёл к княжескому месту и с поклоном взял стоявший у кресла ларец.

Показав совету, ратник поднёс его к боярину Магуте, поставил рядом на лавку, достал два мешочка и потряс. Запустил руку в тот, что поменьше, достал монеты, показал и со звоном высыпал обратно. Открыл второй, побольше:

– Тут и рязанская деньга, и муромская, и ростовская. Вот, – Борич поднял, показал всем, а потом передал боярам, – даже деньга, что у болгар в ходу есть. А вот ещё... Такая мне неведома. И таких тут поболее всего будет.

Велимудр Крутович взял монету, покрутил в руках:

– А это деньга из Хорезма!

– Что скажете, совет? Хорош хабар? – Влада уставилась на перешёптывающихся вельмож. – Хорезмскую деньгу в реке или поле не сыщешь, – покосилась она на Дамира. – Стало быть, сие подкуп!

Силыч пнул Кутю в спину:

– Отвечай, злыдень, ваше добро?

– Не-нет, не наше, – озираясь по сторонам, забубнил Кутя. – Старшой мешок. Наш с Шельмой тот, меньший.

– Кто отсыпал столько? Не разбоем же у купцов натрясли? Сказывай! Ну! – замахнулся на него Силыч.

Кутя заскулил, озираясь по сторонам:

– Третьего дня ждали мы у реки. Прискакал один. Одет чудно. Речи вёл не по-нашему. Старшой с ним об чём-то долгонько перешёптывался. А потом принял сей мешок с монетами. Сказывал, на троих поделит, когда дело справим. В лесок привёл. Ждать велел. А тут вы...

– Кого ждать велел старшой? – поднялся с лавки Дамир и подошёл ближе.

Увидав его, оба разбойника затряслись от страха.

– Сказывайте! – пнул их в спины Силыч. – Кого в лесочке ждали? Его?

Силыч кивнул в сторону хана.

– Штагшой шкаживал князя ждём, – шмыгая носом, забубнил Шельма.

– Какого князя? – схватил его за шиворот Силыч.

– Не ведомо нам! – заскулил Кутя. – Старшой не сказывал.

– Силыч, убери этих прочь с очей моих! – велела Влада и с укором поглядела на воеводу. – Ежели в наших лесах такие людишки в одном месте завелись, стало быть, и в прочих сыскаться могут? А, воевода? Спокойно в землях рязанских, сказываешь?

Перешёптываясь, вельможи неодобрительно качали головами, косились на воеводу, на ратников, уводивших разбойников из думных палат.

– Земли княжества стерегутся худо! – бросив украдкой взгляд на Владелину, вышел вперёд Дамир. – Дозоры лишь по верхам ездят. В леса да овраги не заглядывают. В низинах так и вовсе ходи кто хошь, ни стражи, ни ратников не повстречаешь.

– Пошто хулу на дружину нашу возводишь, – подскочил с места купеческий староста. – Тебе, басурман, князь слова не давал.

– Сядь! – пробасил Силыч. – Коли сам князь молчит да внемлит словам хана, то и тебе пристало.

Гул, поднявшийся было среди вельмож, тут же прекратился.

– Сказывай, хан Дамир! – велела Влада. – От речей твоих всем польза.

¹⁴ Тать – вор, грабитель.

– Вокруг Рязани сторожевые посты надёжные. Да поодаль, мало ходят, худо глядят, а где и вовсе не бывают. Мои воины зоркие, быстрые, неприметные. Возьми их на дальние подступы. И дружине твоей подмога, и тебе спокойнее.

– Ответь мне, князь, и совету своему, – перекрикивая зашумевших вельмож, поднялся с лавки воевода. – Отчего доверяешь ты басурманину пуще, чем воеводе и боярам? Али позабыл кто Рязань сжёг, людей в полон угнал и тебя едва живота не лишил? Не из его ли басурманской неволи князь Мстислав тебя вызволять ходил? Не по его ли вине от тяжкой хвори он в землю лёг? Гляжу, запоматывал ты, князь, сколь много горестей принёс в земли рязанские сей хан?

Обведя взором совет, Владелина заговорила тихо, так, что даже шёпот, доносившийся из углов, стих.

– Правдивы речи твои, Симеон Тихонович! Повинен хан Дамир в бедах наших. Токмо и ты позабыл, что Рязань мы отстроили не без подмоги половцев. Да, верно! Они же град наш и пожгли. Но скажи мне, воевода, где то на Руси видано, чтобы вороги с миром воротились, головы свои побеждённому княжеству принесли, всё, что вывезли из стен воротили, да подмогу в делах наших предлагали? Ответь мне и боярам, Симеон Тихонович, слышал ли ты об том?

– Не бывало того на Руси!

– Не слыханное дело то!

– Такого издревле не бывало! – послышались возгласы отовсюду.

Воевода, поджав губы, лишь озирался по сторонам и молчал, а Владелина продолжала:

– От союза с ханом Дамиром Рязань только пользу имеет. А о былых обидах и скорбях позабыть надобно. У нас и пострашнее беды имеются. Слыхали, что разбойники сказывали? Кто-то супротив княжества Рязанского худое замышляет.

Вельможи и совет зашумели, заохали.

– Воевода недоглядел!

– Нешто нам сызнова к битве готовиться?

– С таким воеводой нас одним махом разобьют!

Симеон Тихонович потряхнул головой:

– Ты, князь, как хошь. Токмо покуда басурман в терем как к себе в шатёр входит, я тебе служить не стану!

И не склонив головы, воевода зыркнул на совет злобным взглядом и направился к дверям.

– Я тебя не неволю, – раздался твёрдый голос Владелины, – но и ты, гляди! Ни у батюшки моего, князя Мстислава, мир ему, ни у меня – крамола¹⁵ не в чести! Прознаю худое за тобой – не помилую!

– Не страшай, князь! Не из пужливых! – оскалился Симеон Тихонович.

Смерив Владу презрительным взглядом, он развернулся к дверям. Перед ним стоял Дамир.

– Коли князя не страшишься, меня бойся! – прошипел он. – Попадёшься на пути – пощады не проси! Враз головы лишишься!

От его зловещего шипения не только у воеводы, но и у всего совета под одеждой холодок пробежал. Симеон Тихонович сжался, попятился, а потом оттолкнул Дамира и рванул к дверям:

– С дороги, басурман!

Тяжёлые двери, скрипнув, громко ухнули в полной тишине.

– Ты гляди! Убёг воевода, порты обмочив! – расхохотался городской староста.

– Токмо пяты и блестели!

– Аки заяц!

¹⁵ Крамола – бунт смута восстание мятеж.

Думные палаты огласили смех и бодрое похрюкивание боярина Яра Велигоровича. Тяжело поднявшись с лавки, он, сдерживая усмешку, оглядел совет, вышел вперёд и поклонился князю:

– Дозволь сказать, княже! Рязань теперича без воеводы осталась. А дружине без него никак нельзя! Надобно нам нового избрать.

– Верно!

– Нам надёжный воевода нужен!

– Артемия Силыча хотим!

– Старого воеводу давай! – совет забурлил.

Сотники повскакали с мест. Старосты сидели, но, подпрыгивая на местах, шумно спорили и выкрикивали, требуя вернуть к должности старого воеводу.

– Тише вы, вельможи! Не на торжище! – поднял руку Яр Велигорович. – Дайте князю слово молвить!

Владелина окинула взором притихшие палаты, задерживая взгляд то на одном, то на другом, да и повернулась к лавке, на которой сидели хан Дамир, сотник Артемий Силыч и ратник Борич, коему было велено остаться.

– Ну, что, Артемий Силыч! Служил ты моему батюшке исправно. За мою провинность, не свою, от должности тебя отлучили. Преданней тебя воина не сыскать. Даже когда ни в ком веры в тебя не осталось, ты не щадя живота службу не оставил. Послужи, коли желаешь, ещё. Стань воеводой в Рязани, как прежде!

Артемий Силыч поднялся, вышел на середину палат, поклонился князю, боярам, совету:

– Благодарствую, князь-батюшка! Великой милостью ты меня одарил! Коль воля твоя в том, приму воеводство, и, как прежде служил тебе, так и дале служить стану.

– Добро! – кивнула Влада. – Ты поразмысли, кого в сотники заместо себя возьмёшь? А не сыщешь достойного, так я сам тебе подберу.

– Отчего же не сыскать-то? – покосился воевода на Борича. – Тебе, княже, ратник сей хорошо ведом. Встань Борич! Покажись совету!

Борич поднялся, вышел вперёд и встал рядом с воеводой. Вельможи закивали соглашаясь.

– Эко мы с тобой, Артемий Силыч, об одном и том же помыслили. Быть Боричу сотником!

– Благодарствую! – поклонился ратник князю и воеводе.

– Дозволь, княже, коль совет в сборе, мыслишкой поделиться? – воевода извлёк из-за пазухи малый свиток и подал Владе. – Грамотку второго дня у пришлого путника взяли. Он в корчме у Ряхи рыбарей да мастеровых на крамольные речи подбивал, сказывал, что де кто лучшей жизни хочет, с ним идти должно.

– В Тьмутаракань зазывал, поганец! – прочитав свиток, Влада поглядела на Силыча. – И куда делся сей лиходей?

– Канул! Ряха за стражей мальчонку сваво послал. Те прибёгли, а его ужо и нет. Так поспешал, что суму на столе бросил. Вот в ней грамотка сея и была найдена.

Вельможи и старосты зашумели:

– Сызнова Гориславич воду мутит!

– Може это об том князе разбойнички-то сказывали?

– Нам бы тож к ним заслать кого, разведать!

– Видать, не успокоился-то Гориславич! – замотал головой городской староста. – Не вышло по-доброму, покуда князь Мстислав правил. Не отдали ему в жены княжну нашу Владелину. А потом уж и её не стало, мир ей! Теперь, видать, князь худое замыслил.

Неприятные воспоминания подступили к горлу удушающим комом. Владелина покосилась на Дамира. Его колючий, настороженный взор не предвещал ничего доброго.

– Об том опосля думать станем, – Владелина кивнула боярам.

Совет умолк.

– Поведай-ка совету, Яр Велигорович, всё ли добро, что хан Дамир в казну княжескую передал посчитано? Всё ли некогда похищенное и возвращённое учтено? Во всех ли делах порядок?

Яр Велигорович, кряхтя, поднялся и поклонился князю:

– Всё исполнено и учтено по твоей воле, князь-батюшка. Деньга посчитана и разделена по печатям, камни, злата, жемчуга и прочее описаны в свитки. Табунам и всякой животине вели счёт поголовно, – тяжело дыша, боярин разворачивал свитки и показывал их князю и совету.

Владелина довольно кивнула. Указав на лавку, велела боярину Магуте сесть.

– Коли всё обещанное исполнено, повелеваю совету внимать мне. А ты, толмач, – кивнула она Фёдору, – пиши грамоту, да оплошности не допускай! Объявить в граде Рязани и по деревням княжества рязанского! Половецкого хана Дамира отныне велю боярином Далемиром величать. Быть его голосу в совете равным боярскому.

Лёгкий ропот пробежал меж старост и вельмож, но под твёрдым взглядом князя, недовольные смолкли.

– Также велю из казны каждому двору, разорённому половцами, по урону и утраченному скарбу уплатить деньгой. В деревнях к положенному выделить каждому двору тяговую скотину, дабы в будущем годе могли они пахать и сеять.

Совет одобрительно загомонил.

– Велю выделить каждому двору за павшего мужа без оглядки на лета – три цены, – продолжала диктовать толмачу Владелина. – За каждую павшую жену, без оглядки на лета – две цены, за скотное хозяйство, утраченное при пожарище, согласно описи. Податей деньгой в этом годе не брать.

В думных палатах поднялся шум. Старосты, вельможи и сотники, довольные велением князя, славили правителя и благодарили духов и вышних богов за мудрое решение.

Владелина довольно улыбнулась и поглядела на Дамира. На его напряжённом лице нельзя было разглядеть ничего, кроме беспокойства.

– Говорил ли ты с народом своим, боярин Далемир, об чём я тебе поутру сказывал? – повысив голос, чтобы заглушить шум, спросила Влада.

– Да, княже! – слегка склонив голову, поднялся с лавки Дамир. – Половецкий народ до единого покорен твоей воле.

Влада одобрительно кивнула:

– Пиши, толмач! Объявить в граде Рязани, по деревням княжества и в половецком становище! Клятву верности, принесённую степным народом, принимаю и велю носить на рукаве тесьму зелёного сукна, дабы стража завсегда признать их могла. Также велю каждому двору в подмогу выделить двух мужей из рода половецкого. То, что ещё не отстроено к студёной поре надлежит исправить. Ещё велю выделить пять дюжин мужей степного народа на речные ворота, мосты и причалы, дабы привести утраченное в надлежащий вид и рыбаки могли лов вести, а купцы возить товары по реке.

И вновь одобрительный гул разлетелся под сводами палат:

– Верно! Что пожгли, теперича пусть строят!

– С подмогой до студёной поры справимся!

– Ещё бы лбды залатать, и самим можно по реке товары возить!

– Повелеваю, – продолжила Владелина, – народу степному препятствий не чинить, бранью не осыпать, девиц половецких не насильничать. Коли кто степнячку в жены за себя взять пожелает, противиться не стану. Но токмо ежели род ея согласие даст...

– А они-то наших девок... – послышалось горестный возглас из дальнего угла.

– За наговор, бесчинство и причинённое бесчестие, повинных обоего народа и рязанского, и половецкого ждёт прилюдная кара по вине их с уплатой урона.

– Это что же, князь-батюшка! – слышалось из другого угла. – Нам примириться должно?

Старосты, сидевшие рядом, зашипели на недовольного, и он умолк. Яр Велигорович поднялся и вышел вперёд:

– Все ли слышали указы князя нашего Владислава Мстиславовича?

– Все! – вельможи закивали соглашаясь.

– Стало быть, совет окончен! – и, отдуваясь, Яр Велигорович поклонился.

Вельможи, старосты и старшие дружинники стали расходиться, шумно обсуждая указы князя.

– Воевода, а ты останься! – дёрнул его за рукав боярин Магута.

Когда все разошлись, в думных палатах, кроме Влады и Дамира, остались только Яр Велигорович, молодой боярин Велимудр Крутович, воевода Артемий Силыч и сотник Борич.

– Об чём печаль твоя, княже? – глядя на то, как Влада в раздумьях расхаживает по палатам, спросил Артемий Силыч.

– Хорошо бы нам в терему у Олега Святославовича кого сыскать, – обернулась Владелина. – Может чего путного разузнать доведётся?

Силыч подтолкнул к князю Борича.

– Дозволь, княже! В Тьмутаракани, недалеко от хором княжеских дядька мой живёт, кузнец, – поглядывая на Силыча и хана, заговорил Борич. – Сынок его, Самоха, хилым уродился. К ремеслу кузнецкому его никак не приспособить. Но смышлёный! Вот его в терем-то и взяли, служкой. В том годе видились мы с дядькой-то. Сказывал он, у князя с княгиней не всё ладно выходит. Княгиня де всё по полям скачет, клинками забавляется, а князю то не по нраву. Он её желает в терему под запоры посадить, да из светлицы не выпускать. Князь заказал сделать запоры крепкие, чтобы изнутри не открыть. Ещё дядька сказывал, что княгиня дюже Самохе доверяет, за надобностями всякими его посылает, о печалях своих сказывает. Клинок у дядьки маво заказала. Щедро деньгой отсыпала. Самоха завсегда при ней. Как князь со двора, он княгиню-то и выпускает. Может через него что надобно разузнать?

– Дельная мысль, сотник! – похвалил его Дамир. – Мне вот и не ведомо было, что князь Олег уговорил-таки хана Осолука и дочь его Карасу Осолуковну в жены взял.

– Да нешто среди наших княжон лихих не водится? – удивился боярин Велимудр. – Пошто решил, что это половчанка?

– Слышал я, что с той поры, как князь Олег из Византии воротился, он союза с ханом Осолуком снискать желал. – Дамир поглядел на Владу. – По всему видать сыскал, в жены его дочь приняв.

– Худо то или нет, опосля решим, – Владелина села в кресло и откинулась на спинку. – Ступайте все, мне подумать надобно. Да и к трапезе вечерней уже, небось, всё готово.

– Борич, разведай! – послал сотника Силыч и, лишь только за ним закрылись двери, приблизился к Владелине и покосился на бояр и хана.

Дамир тоже решил выйти из палат, но Влада, чуя, что разговор будет непростым, велела ему остаться.

– Сказывай, Силыч! Об чём тайном ты обмолвиться хотел, что Борича за двери спровадил?

– Да нам бы о давнем сговоре перемолвиться? – с опаской поглядывая на бояр и хана, ответил воевода.

– Об чём ты, Артемий Силыч?

Влада поднялась и отошла к дальнему окошку, из которого хорошо был виден теремной двор. Она знала, что однажды разговор о былом вновь потревожит её покой. Знала и страшилась этого едва ли не больше набега басурманских полчищ.

– Да помнишь ли, – озираясь на вельмож, боярин Магута медленно приблизился к Владелине, – в тот день, когда пришла весть о приближении войска хана Дамира, я о свадьбе обмолвился? Княже! Медлить боле не пристало. Посольство собрано. Велимудр Крутович хоть завтра поутру за невестой отправится. Пока не завьюжило, до студёной поры успеть бы...

– О какой свадьбе ты, Яр Велигорович, рассказываешь? – Дамир в несколько шагов оказался подле боярина, заставив его отшатнуться.

– О свадьбе князя нашего, Владислава Мстиславовича и Дарины Всеволодовны, племянницы муромского князя Ярослава Святославовича, – запинаясь на каждом слове, ответил боярин.

Глаза Дамира заблестели. На миг Владе показалось, что он готов растерзать Магута.

– Что за речи ты ведёшь, Яр Велигорович?

Смерив молодого боярина недовольным взглядом, хан развернулся к воеводе, заходил по думным палатам широкими шагами.

– А ты чего молчишь, Артемий Силыч?

Дамир замер посреди палат, резко развернулся и зашипел. От его тихого грозного голоса, пробиравшего насквозь, вельмож передёрнуло:

– Вы чего удумали, мужи почтенные? Виданное ли дело девицу за девицу сосватали? И кому только на ум это пришло?

Собравшись с силами, Яр Велигорович тяжело выдохнул и произнёс:

– Ты, боярин Далемир, терем-то понапрасну не сотрясай. Не нами то решено, не нам и переиначивать. То воля князя Мстислава была последняя.

– И союз сей лишь с виду беспутный, – осмелел молодой боярин. – Свадьба сея укрепит оба стола, и муромский, и рязанский. Случись с князем Ярославом какая напасть, князь Владислав стол муромский примет и в обоих княжествах править станет.

Дамир внимательно посмотрел на бояр, воеводу, безучастно стоящую у окна Владу:

– Не возьму в толк, то ли вы кислых щей объелись, то ли с мёду сытного вас так разморило... Вы себе-то внемлите, вельможи? Девицу за девицу замуж отдаёте?

Вельможи, потупив взор, молчали.

– Ну а ты чего, княже, безмолвствуешь?

Владелина подняла на Дамира виноватый взгляд. От её печального вида у него защемило в груди.

– Ой, не спрашивай меня, Дамир! – тихо ответила она. – Мне о свадьбе сей и думать в тягость. Даже речи об том мне постылые.

– Так ты только вели! – бросился он к ней. – Соберу войско и пойду на Муром. Коли нужен стол, так я тебе его поднесу. Но в безумии сём подмоги от меня не жди. Где то видано – баба-муж и баба-жена?

Яр Велигорович тяжело вздохнул, покосившись на воеводу, сделал к Владелине шаг, другой, раскрыл было рот, да так и остался стоять, не зная, как утешить.

– Ты, княже, рассказывал, речи мои для тебя ту же ценность имеют, что советы бояр. Так ли? Дамир попытался заглянуть Владе в лицо, но она отвернулась и пробубнила:

– Так. От сказанного не отрекусь.

– Без утайки тебе скажу – я против союза этого. Горести он принесёт всем и печали.

Дамир коснулся руки Влады и, сжав пальцы, прошептал:

– Одумайся, прошу!

– Не в моей власти сговор батюшки порушить, – прошептала она в ответ.

Дамир отпустил руку, отошёл от Влады и, повернувшись к боярам, спросил:

– И когда сие совершиться должно?

– До беспутицы¹⁶ успеть надобно, – опустил голову Велимудр.

Мотанул головой Дамир:

– Затеяли вы буйство насущное¹⁷! Как винить мужей в младоумии¹⁸? Ох, хлебнёте вы лиха с затеей сей. Быть беде, коли не отступитесь.

Хан смерил тяжёлым взглядом бояр и воеводу, задержал полный тоски взгляд на Владе-лине и вышел из думных палат.

– Как ни крути, а прав он, – опустил на лавку воеводу. – Младоумие одолело нас! Буйство!

– Думаешь, мне то не ведомо Артемий Силыч? – присел рядом с ним боярин Магута. – Да то князя решение и сговор сей не отменить. Был бы Мстислав Игоревич, может и сладилось, а теперича что? Токмо подчиниться должно воле его. Эх...

Владелина, не выдержав тяжких речей, бросилась из думных палат прочь.

– Княже! Стой! – окрик воеводы застал её в дверях. – Что с посольством делать велишь?

Она зло поглядела на вельмож через плечо и бросила на ходу:

– Делайте, как сговорено, коли ничего уже не исправить.

И тряхнув головой, выбежала из палат.

Опасаясь, что горячий нрав Дамира может принести ей больше бед, чем женитьба на Дарине, Влада бросилась в покои Дамира.

Он сидел на лавке у сундука с доспехами и клинками.

– И помышлять не смей о походе на Муром! – набросилась она с порога на Дамира. – Рязанское княжество в зависимости у муромского князя. Коли супротив пойдёшь, многие подымутся. И тогда не сносить тебе головы. Найдутся и те, кто нашёптывать станут, что ты по моему наущению войско своё поднял. И тогда мне милости ждать неоткуда будет.

Дамир откинул в сторону клинок, подскочил с лавки, сжал Владе плечи:

– Ты вели! Я всё устрою так, что на нас никто и подумать не сможет!

– Дамир! – Владелина прижалась к его груди. – Не могу я воле батюшки противиться. Я ведь никчёмная. Да и какой с меня муж. Батюшка сказывал, что и Дарина та не без изъяну. Слухи ходят, что она токмо сына родила. Без наследника княжеству никак. Если можно то было, батюшка не решился бы на подмену. Княжеству нужен князь и наследник. Нешто у степного народа не так заведено?

– Хан без кеде, не хан! – прижимая её к себе, ответил Дамир. – Верно сказываешь.

Владе так не хотелось выбираться из его нежных объятий, но она отстранилась, подошла к столу и села на лавку.

– Вот и слухи вокруг Рязани недобрые бродят. Гориславич опять в нашу сторону очи обратил.

– Об чём на совете сказывали? Нешто и правда к тебе князь Тьмутараканский сватался?

Влада вздохнула. Хоть и было это давно, в ту пору, когда она ещё только перешагнула возраст отрочества, но вспоминать о тех днях до сей поры было муторно. Она помнила, как тяжело было батюшке всякий раз, как приходилось искать повод и отказывать князю, много старше её годами. Помнила она, сколько слёз пролил князь Мстислав, оплакивая сына. И как обрядили её в платье брата и велели отзывать на имя его она тоже забыть не могла. Зато князь Олег, услышав о кончине княжны, боле не досаждал и, казалось, позабыл дорогу. А теперь вот вновь в сторону Рязани смотрит. Не иначе силой окреп.

¹⁶ Беспутица – середина ноября.

¹⁷ Буйство насущее – настоящее безумие.

¹⁸ Младоумие – неразумные поступки. Незрелость ума.

Рассказывая Дамиру обо всём, Влада запиналась, подолгу молчала, а, упоминая батюшку и брата, и вовсе роняла жемчужные слёзы. Он слушал молча, не торопил, и когда она смолкла, взял её мокрое от слёз лицо в ладони, коснулся губами глаз, щёк, губ...

– С Гориславичем управиться невеликое дело. А вот с девицей, что в жены тебе предназначена делать чего велишь?

Владелина обтёрла лицо и встала:

– Ничего не велю! Исполню волю последнюю батюшки моего. А дальше как пойдёт, так и видно будет, что делать.

Оправив кафтан, и не взглянув на Дамира, она вышла из его светлицы и отправилась в свои покои.

Глава 3

Мара открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Пробуждение оказалось долгим и тягостным. В голове гудело, а тело затекло и болело. Пошевелилась. Руки и ноги связаны. Оглядевшись, она попыталась понять, куда её привезли: полутёмная крохотная комната с двойными широкими дверями. Даже отсюда с соломы видно было, что они слишком низкие. Маленькое окошко, в которое робко проникал свет, гора подушек в углу, низенький столик. Мара попыталась лечь на спину и упёрлась спиной во что-то твёрдое. Подняв голову, увидела столб, подпирающий балки на потолке...

...Когда, очнувшись после похищения, увидела чёрных всадников, сразу поняла к кому её везут. И оттого мысль о побеге не оставляла её не на миг. Последнее, что Мара помнила, это как остановились напоить лошадей. После долгого изнурительного пути на последнем привале она и зубами развязывала руки, и о камень тёрла. Но, крепкая верёвка никак не поддавалась, чтобы она не делала. Освободиться не вышло. Да и солёный привкус во рту муторно напоминал о том, что она давно хочет пить. А потом пришла Суюма. Насмехаясь над её беспомощностью и попытками освободиться, она влила ей в рот приятный травяной отвар. Тёплая пряная жижга, обволакивая, согрела нутро, утолила жажду и потянула в сон...

... Что было дальше? Пытаясь вспомнить, Мара прислушивается к звукам за дверьми. Но там было тихо. Словно издалека потянуло дымом костра. Вспомнив, Мара вздрогнула. Последнее, что она видела в своей земле – пылающий шатёр. Её шатёр Стало быть, Дамир будет думать, что она погибла и ждать помощи не от кого.

Стукнул засов, и двери раскрылись. В комнату вошла Суюма, неся перед собой миску с лепёшками и кувшин.

– Куда меня привезли? Зачем?

Удушающая тревога горечью подкатывала к горлу, но Мара старалась казаться спокойной.

– Ты знаешь ответы.

Она поставила еду на столик.

– Хорезм... – сомнений больше не осталось. – Думаешь, Джамбулат заплатит тебе за меня?

– Джамбулат – мой брат, – с усмешкой сказала она.

Услышав эти слова, Мара шарахнулась в сторону. Словно бурлящее варево, жар разлился по нутру. Суюма наклонилась к ней, чтобы развязать руки.

– Когда мы с Агын оказались в становище Явуз-хана, ему этого знать было не нужно. Он думал, что я прислуживаю дочери Каюма. Но рядом со мной всегда были те, кто оставался верен Джамбулату. Назовись я, и они служили бы мне. Но я выжидала. Я знала, что мой срок ещё придёт. И даже когда Явуза не стало, и народ принёс клятву верности Дамиру, всё осталось, как и прежде. А когда он привёз тебя, я сразу поняла, кто ты. Да, Магрура! Это у меня ты отняла победу в состязании лучников, оставила без роскошного коня, которого брат обещал мне. Это я послала ему весть о том, что ты не погибла в пожарище.

– Думаешь, месть поможет тебе вернуть то, чего ты была лишена? – Мара попыталась понять, что задумала Суюма, но та всякий раз выворачивалась, будто змея, и уползала.

– Он винил себя в том, что ты погибла в огне. Ты знала?

– Нет.

– Немудрено! Тебя долго не было в становище. Я не поверила в то, что Явуз смирился с твоей гибелью и не стал мстить Джамбулату. Поначалу попыталась узнать, где он тебя спрятал.

Но все были уверены, что ты погибла. А потом Дамир привёз тебя из дальних земель – поселил в отдельный шатёр, дал всё, что ты попросила. Я смотрела на него, а он на тебя. И вскоре поняла, кто ты есть. А когда он взял тебя в поход на Русь и вы привезли оттуда израненного княжича. Или, надо сказать, княжну?..

Мара вскинула голову и наткнулась на колючий взгляд Суюмы. Та улыбалась.

– Так и есть! Агын оказалась права. Твой сын променял её на княжескую дочь.

– Мой сын? – изобразила удивление Мара.

– Да, Магрура, твой сын. Дамир. Неужели ты думала, что я не догадаюсь?

Магрура оперлась спиной о столб и постаралась успокоиться.

– Хан Дамир для меня лишь сын моего предречённого. У Явуз-хана и кроме меня были женщины.

– Явуз спас тебя, но позволил погибнуть вашему сыну? – Суюма усмехнулась. – Можешь говорить всё, что пожелаешь. Тебе нет веры. Как и Явуз, ты будешь защищать того, кто тебе дорог. Но знай! Вы оба будете принадлежать моему брату. И ты! И твой сын...

Она сказала это очень медленно и так тихо, что по спине у Мары пробежал студёный ветерок.

Когда за Суюмой закрылись двери, Мара дёрнулась и попыталась подняться. Вспомнила, что ноги все ещё связаны, она принялась распутывать верёвку. Её трясло. Страшнее собственной гибели для неё был страх потерять сына. В глазах потемнело оттого, что она вспомнила давнее пророчество Хамзира...

...Они шли по берегу реки. Явуз-хан увлечённо рассказывал о том, каким сильным и храбрым растёт Дамир. Она слушала не перебивая и жалела только об одном, что он не привёз кедь сюда. Когда солнце пошло за лес, Явуз обнял её:

– Хамзир сказал, нам больше не суждено свидеться.

– Мне он ничего не говорил.

Мара замотала головой, верить его словам совсем не хотелось.

Зловещими тенями из-за кустов поползли страшные мысли и сомнения.

– Я не возьму другую куатан, если ты подумала об этом. Хамзир сказал, так решили духи.

Явуз притянул её и коснулся губами волос. Мне пора.

Вскочив на коня, он поскакал к ожидавшим его воинам. Даже не обернулся.

Внутри всё заклокотало. Обида и злость переросли в ярость. Она вскинула руки к небу, и верх взметнулись водяные столпы, разбрызгивая по сторонам ледяные брызги. Ещё взмах, и налетел ветер, принялся ломать деревья, вырывать с корнем старые комели, гнуть ракиту у воды.

Внезапно всё стихло. Она обернулась. За спиной стоял Хамзир с кинжалом в руках. Взмахнув клинком, старик срезал с её шеи амулет. Не долетев до земли, кусок кожи в форме листа с нанесёнными символами, вспыхнул в воздухе огнём, зеленоватым с золотым отливом. Старик пробубнил заговорные слова, и чёрные всполохи разрезали пламя. На камни даже пепла не упало. От могущественного амулета не осталось и следа.

Мара смотрела на Хамзира, и ледяная дрожь окутывала тело. Вновь налетел сильный ветер, река вышла из берегов и поднялась водяной стеной, деревья загудели. Старик распрямился, словно вырос и стал на две головы выше себя прежнего. Глаза налились, почернели, он завыл подобно ветру, а когда заговорил голосом похожим на шелест листвы, её кожу опалило огнём:

– Они знают, что ты нарушила обет. Говорят, ты недостойна их дара, – шелестел старик.

Потом заревел. Сверкнул потемневшими глазами:

– Духи злятся. Они говорят, ты заслуживаешь погибели. Но тебя они не возьмут. Ты не можешь уйти... Других принесут в жертву вместо тебя. Они велят тебе постигать мудрость земли...

Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Река успокоилась и вернулась в берега. Покачнувшись, Хамзир принял обычный облик, тряхнул седой головой и с укором уставился на Мару потускневшими глазами:

– Духи большие не хотят с тобой говорить. Духи отвернулись от тебя.

– Кого?.. Кого они принесут в жертву за мою вину? – Мара бросилась к Хамзиру, но он отстранился.

– Я не знаю.

– Хамзир! Молю! Тебе всё ведомо! Ответь!

Старик посмотрел на неё с укором.

– Ты совершила страшное деяние, Магрура, позволила гневу овладеть тобой. И не желая того, ты направила силу амулета во вред. Ты знаешь законы духов. Расплата будет долгой и мучительной.

– Кто? Ответь мне, кого заберут духи?

Хамзир посмотрел на неё и отвернулся:

– Они возьмут двоих, – сказал и побрёл по тропинке в лес.

Мара схватила ртом воздух и задохнулась немым рыданием.

«Двое! Духи возьмут двоих! Что же она наделала?»

Покачиваясь, Магрура сделала шаг к валуну, ещё один, ещё и рухнула в высокую траву, обхватив голову и рыдая. Лишь ради двоих она могла отдать себя без остатка, только бы они были живы. Дамир и Явуз! Явуз и Дамир... Духи возьмут у неё самое ценное, что осталось. Когда сами того пожелают. Ей останется только терзаться неизвестностью и ждать кого они возьмут первым? Как? Когда? Но если решили забрать – возьмут. И в этом повинна она...

В тот день она видела Явуза в последний раз. Но когда его не стало, Мара почувствовала сразу. В тот день ледяной холод окутал её. И согреться она не могла не под лучами жаркого светила, ни у огня печи. Холод выкручивал её, вытягивал из неё жизнь, словно это её положили в курган. А потом приехал Дамир...

Мару затрясло. Неужели теперь его черёд? Горечь подступила к горлу. Она завывала, закричала... Заламывая руки, она билась головой о мазанные глиной стены, проклиная себя. Так и не сумев развязать верёвку, она всё же смогла её немного распутать и удлинить. Подскочив на ноги, она зашаталась, схватилась за столб, заголосила. Хотела броситься к двери, но запуталась в верёвках и упала. Извиваясь, ужом стелилась по соломенной подстилке, и кричала, кричала, кричала...

... Когда спустя время Суюма заглянула в комнату, Мара лежала ничком на подстилке и, казалось, не дышала. Она бросилась к ней. В ужасе увидав запутавшуюся в верёвку Мару, Суюма принялась поскорее её развязывать. Аккуратно сняв с шеи петлю, освободила руки, ноги и бросила конец у столба. Мара захрипела. Суюма подскочила и бросилась к столику. Отлила из кувшина в пиалу немного пряной жижи.

Приподняв голову, аккуратно по чуть-чуть влила отвар. Глядя на то, как исцарапала и изранила себя Мара, Суюме стало её даже жаль. Вскоре хрипы прекратились. Дыхание стало ровным. Мара спала...

Маджид, юный шах Хорезма, восседал на троне в зале советов и размышлял. Ещё накануне ему доложили, что из похода воротился его дядя, военачальник Джамбулат. Но на сей раз, вопреки обыкновению он не спешил порадовать правителя дарами. Да и сам не торопился

предстать перед повелителем, не пришёл во дворец, как того требовал обычай, а прислал слугу разузнать, примут ли его. Странное поведение дяди вынудило Маджида призвать советников, появлению которых Джамбулат вряд ли обрадуется.

До хорезмшаха доходили слухи о том, что однажды дядя сильно разгневался на ловких и искусных персидских воинов Яшана и Турсуна, служивших ему. Он велел им покинуть Хорезм и никогда больше не возвращаться. Но те, разузнав о Джамбулате тайну, что он тщательно ото всех скрывал, вернулись и поведали об этом ему, юному правителю Хорезма. Маджид не сразу поверил в сказанное и спросил визирей о деяниях военачальника. Те в точности подтвердили слова персов. Так Яшан и Турсун заслужили доверие и обосновались во дворце, став новыми советниками шаха.

Вот и теперь персы поведали ему о том, что поход Джамбулата не принёс славы хорезмийскому войску, а изрядно сократил его численность. Поведали они и о цели похода Джамбулата в Дикую степь, разозлившую Маджида. Сбывались слова почившего отца, шаха Икенджи о том, что Джамбулат верен Хорезму до тех пор, пока его желания совпадают с интересами трона.

– Повелитель! – голос хранителя дворца вырвал юного правителя из раздумий. – Военачальник Хорезма Джамбулат вновь прислал узнать, примет ли его Великий шах?

– Вели ждате, Илчин, – задумчиво произнёс юный хорезмшах. – Много говорят о дяде. Надо понять, чему верить.

– Как прикажет господин! – поклонился Илчин и неслышно покинул зал советов.

– Позволит ли повелитель сказать? – боковая дверь тихонько открылась, и в неё протиснулся воин. Задев чалмой свод, он склонился ещё ниже, подхватывая полы халата и придерживая саблю, висевшую на боку.

– Войди, Яшан. Правдивы ли слухи о том, что Джамбулат вернулся с пустым караваном?

– Правдивы, повелитель. Ни коней, ни утвари, ни зерна, ни рабов дядя не привёз.

– Значит, и то правда, что Джамбулатом овладела жажда мести, а не чувство праведного служения трону.

– Так и есть, господин! – склонился перед ним Яшан. – Что велит шах Маджид?

– Я хочу, чтобы ты и Турсун предстали предо мной, когда я призову Джамбулата. Желаю, чтобы он увидел вас. Послушаем, как военачальник станет оправдывать свои деяния в Дикой степи.

– Да свершится воля Великого шаха! – поклонился Яшан и так же тихо, как появился, вышел, оставив юного правителя предаваться думам и сомнениям.

Светило спустилось в пески. Маджид стоял в маленькой комнате, примыкавшей к залу советов, и ждал, пока слуга поправит его расшитые шёлком одежды. Вот-вот появится дядя, Джамбулат. Что-то он будет говорить? Как оправдает свои неудачи?

– Пусть у него заберут саблю, – не поворачивая головы, тихо произнёс Маджид.

– Как прикажет повелитель, – раздался голос из тёмного угла.

К дверям метнулась тень и исчезла в узкой полоске света. Маджид ещё не закончил облачаться в парадные одежды, как створки тихо распахнулись. Тень скользнула обратно и растворилась в сумраке тёмного угла.

– Повелитель! – в комнату вошёл Илчин. – Военачальник Хорезма Джамбулат ожидает, когда его примет Великий шах.

Маджид молча кивнул, повернулся к маленькой двери, помедлил, собираясь с мыслями, и махнул слуге.

Тот почтительно склонился и, распахнув перед повелителем двери, отошёл в сторону.

Обычно ярко освещённый зал советов на сей раз утонул в полумраке. Маджид сам пожелал, чтобы факелы освещали только трон и середину зала, оставляя углы тёмными. Именно там и притаилась стража, которую предусмотрительно привёл Яшан.

Расправив дорогие одежды, Маджид сел на трон и подал знак, повелевая впустить военачальника.

Джамбулат вошёл в зал, оглядываясь по сторонам. В его движениях чувствовались и раздражение, и злость, и сомнения.

– Приветствую тебя, мой господин и повелитель! – сделав несколько шагов, Джамбулат отвесил глубокий поклон и медленно пошёл к трону.

Маджид жестом запретил приближаться.

– Тебя долго не было, дядя! – сдерживая желание наброситься на него с обвинениями, стараясь придать голосу приветливый тон, произнёс шах. – Спокойно ли на границах? Не готовиться ли нам к битве?

– Нет, повелитель. В Хорезме и за его пределами всё как должно.

Джамбулат говорил ровно и сдержанно, но Маджид слышал в его голосе и подозрительность, и сомнения, и неуверенность. Что-то тревожило военачальника и он, Маджид, знал что именно. Джамбулат, не спросив дозволения, увёл войско в Дикую степь без причины, повинувшись только своим желаниям и прихоти, ведомый ненавистью и жадой мести. И то, что открытый по обыкновению взгляд военачальник теперь прятал, исподволь посматривая на шаха, только утвердило Маджида в вине дяди.

– Как должно, говоришь? – стараясь не выказывать раздражение, спросил шах.

– Всё так, мой господин! – и сделал несколько шагов к трону.

Маджид поднял руку, повелевая остановиться.

– Что-то мрачно в покоях твоих, – озираясь по сторонам, Джамбулат встал посреди зала. В его голосе появились уверенность и твёрдость. – Илчин непочтителен. Воинов полон дворец. Где те стражи и советники, что я оставил для твоего покоя и защиты?

– Разбежались, как только узнали о поражении Великого военачальника Хорезма в битве с ханом Дамиром, – Маджид стиснул зубы и состроил, для верности, недовольную гримасу. Но тут же хмыкнул и, переменившись в лице, принял добродушный вид. – Теперь у меня новая стража и советники. Им я доверяю больше, чем твоим шакалам, дядя.

– Те, кто донёс о поражении, хотят настроить тебя против меня, повелитель. В Хорезме и на его границах всё спокойно. Верь моему слову!

– Всё спокойно? – Маджид терял терпение. Ему наскучили оправдания дяди. Взгляд шаха наполнился гневом и разочарованием. – И потому ты увёл в Дикую степь половину войска, а вернул жалкую горстку измождённых и покалеченных воинов? Как хану Дамиру удалось перебить моих всадников? Отвечай!

– Повелитель! Этот нечестивец заманил войско в ловушку. Много славных воинов пало в битве во имя величия Хорезма. – Джамбулат выглядел растерянным.

– Что за надобность была тебе идти на Дамира? В чём его вина? Мне сказали, дань Великому государству Хорезма он платит в срок и сполна. Коней войску доставляет щедро, женщин присылает с избытком. – Маджид уже с трудом сдерживал раздражение.

– Всё так, повелитель. Но своенравный хан Дамир дерзнул нанести мне урон. Он напал на караван и похитил добычу. Ты знаешь мою щедрость. Я отдаю в казну половину того, что имею. А этот непокорный поступил так же, как однажды его отец, Явуз-хан. Всё это началось задолго до твоего рождения. Тебе, верно, не сказывали, но эти нечестивцы, поклоняющиеся земле, ветру, светилу и каарганам, великая угроза нашему государству.

– Моему государству, дядя. Моему! Или я по малолетству забыл, что назначил хорезмшахом тебя?

Терпение Маджида иссякло, как пересохший родник. Внутри klokотали злость, ярость и жгучее желание лишить Джамбулата головы.

– Отец говорил, ты обещал ему положить конец вражде с Явуз-ханом. Столько лет прошло. Явуза давно нет, а твоя ненависть к его роду жива. Ты дал слово, что вокруг границ Хорезма будет спокойно, и не сдержал его, дядя. Вместо того чтобы служить мне, укреплять и защищать моё государство, ты ищешь ссоры с соседями, что исправно платят дань. Теми соседями, которые случись беде, должны стать на нашу сторону и пополнить всадниками войско Хорезма. Ты меня огорчил, дядя. Отец говорил, ты способен поставить свои желания выше интересов Хорезма. Предупреждал, что нельзя всецело доверять тому, кто возвышает себя над властителем. Только он по немощи полагал, что ты будешь верностью служить роду и мне. Видимо, потому и поручил тебе управлять войском. Отец говорил, ненависть, особенно та, что уходит корнями далеко в прошлое, способна ослепить. И твоя злоба к Дамиру за отвоёванный караван ничто по сравнению с необузданной жадой мщения ему и его народу. Что вы не поделили с Явуз-ханом? Земли? Табуны? Женщин?

Маджид смотрел на Джамбулата, и его руки сжимались в кулаки. Военачальник Хорезма его предал! Дядя пограл интересы семьи. А за предательство полагалась смерть. Маджид нащупал рукоять кинжала. Да, он уже не ребёнок, чтобы слепо верить каждому слову Джамбулата. Он, Маджид, способен принимать решения и отныне не позволит никому управлять собой.

– Что скажешь, дядя?

Под сводами зала советов его твёрдый как камень голос звучал жёстко. Каждое слово острым лезвием клинка разрезало воздух. Будто на троне сидел не юный правитель, а закалённый в боях, умудрённый опытом шах Великого Хорезма.

– Молчишь? Всё это время ты подчинялся не мне. Воспользовавшись положением военачальника, ты служишь себе и своим интересам. Значит, отец был прав, велел присматривать за тобой. Взять его!

Не дав военачальнику сказать и слово в оправдание, Маджид махнул рукой и за спиной Джамбулата выросли четыре крепких воина. Из тени на свет факелов вышли две фигуры – новые советники шаха Яшан и Турсун – и встали рядом с троном.

Маджид с презрением взглянул на помрачневшего дядю. На миг ему показалось, что он увидел страх на лице несгибаемого и грозного военачальника.

– Повелитель, прошу тебя! – падая на колени, взмолился Джамбулат. – Дай мне всё изменить.

– Что изменить? Твою верность мне?

– Я верен тебе, повелитель! Ради тебя я сделаю всё, что пожелаешь. Я любил моего брата, твоего отца. И ты мне как сын.

От этих слов у Маджида в груди больно кольнуло.

– Который из трёх? – юный хорезмшах встал и в сопровождении новых советников сделал несколько шагов к Джамбулату. – Старший, которого ты задушил собственными руками, потому что он посмел возжелать одну из твоих юных наложниц и, пока ты пребывал в походе, сделал её своей? Что стало с бедняжкой? Её, кажется, казнили вместе с твоим нерождённым внуком?

Сам Маджид этого не видел, но в памяти прочно засело негодование отца о несдержанности и небывалой жестокости брата.

– Или как средний сын? – остановившись возле дяди и склонившись над его головой, тихо произнёс шах, удивившись тому, что Джамбулат вздрогнул. – Твоего сына отравили по твоему приказу, помнишь, дядя? Вся вина его заключалась в том, что он питал слабость к одному из наставников. Защищал, оправдывал перед тобой. А тот, желая навредить нашему роду, обвинил ученика в подготовке заговора против тебя? Позже оказалось, что это гнусная ложь. А ты по горячности не внял разуму и отдал приказ убить сына.

Этот день Маджид и рад бы забыть. Они с отцом и стражниками опоздали всего на миг. Ворвались в шатёр и увидели извивающегося в агонии сына Джамбулата и военачальника, стоящего над телом умирающего. Когда выяснилось, что никто заговор не планировал, Джамбулат не сказал ни слова. Без сожаления усакал на войну в Византию. А Маджид, закрывая глаза, ещё долго видел предсмертные муки несчастного.

– А может как младший сын?

Звонкий голос хорезмшаха звуком лязгающих клинков разнёсся под сводами зала советов. Юный хорезмшах остановился перед Джамбулатом и, слегка склонившись, заглянул ему в лицо.

– Младший родился хворым, – выпалил военачальник.

– И потому ты собственной рукой лишил его жизни? Зарезал младенца, не дав возможности окрепнуть?

– Он бы всё одно не выжил, – пытался оправдаться военачальник.

Хорезмшах грустно кивнул и медленно вернулся на трон. Советники тут же заняли место по обе стороны.

– Так что скажешь, мой военачальник? Какого сына ты во мне видишь?

Джамбулат молчал.

– Тогда я скажу. Нет веры тому, кто не пощадил собственных детей.

– Я верен тебе, повелитель. Позволь доказать и покарать своевольного и дерзкого Дамира. Только прикажи, и я сожгу его поселение, кровавым ковром из тел покрою земли. Я пополню казну богатствами. Всем известно о его роскошных табунах. Ты же любишь лошадей, мой повелитель? Они будут твоими.

– И сколько коней себе оставишь? А сундуков с добром? Скольких из моего войска ты бросишь на погибель, выполняя обещание? Дамир уже показал, что хитрее тебя, и смотрит дальше да зорче. Как ты собираешься одержать над ним верх?

– Я заманю его в ловушку. Коли не вышло одолеть острым клинком, возьму коварством и хитростью.

– В ловушку, говоришь? А разве не ты попал в его западню? Разве не винил Дамира в неудаче?

– Да, мой повелитель, ты прав. Я гонялся за ним повсюду, а он коварством превзошёл даже Персидского шаха. Я более не стану бегать за ним по степи. Теперь он сам придёт ко мне. У меня то, что ему очень дорого. То, что для него ценнее золота и табунов.

– И что же это?

– То, ради чего он не пожалеет жизни.

– Так открой нам скорее, что за сокровище Дамира попало тебе в руки? – покосившись на новых советников, заёрзал на троне юный хорезмшах.

– Прости, повелитель. Но если я назову то ценное, что удалось мне отобрать у кыпчакского хана, до него могут долететь слухи, и он придёт за своей драгоценностью. А я должен успеть подготовить ловушку.

– Ты так уверен, что для него это столь ценно? Что же! Оставьте... – Маджид махнул рукой, повелевая страже отпустить военачальника. – Я дам тебе возможность доказать преданность Хорезму и мне, твоему повелителю.

Турсун склонился к шаху и что-то прошептал на ухо. Юный правитель поднял руку, повелевая советнику отступить. Тот поклонился, отошёл на шаг назад и положил ладонь на трон.

– Раз уж кроме тебя у меня не осталось родственников, – продолжил Маджид, – я тебя пощажу на этот раз. Расправься с непокорным бунтарём и докажи верность. Принеси мне голову хана Дамира или сложи свою. Если явишься ни с чем, я велю изрубить тебя на куски и скормить тиграм. Моему войску слабый военачальник не нужен.

Турсун склонился перед шахом, когда за Джамбулатом закрылись двери.

– Что прикажет повелитель?

– Я желаю, что вы не спускали с него глаз. Чтобы ни один стервятник не пролетел над головой, ни одна песчинка не поднялась с земли без моего дозволения. Мне нужно знать о каждом шаге Джамбулата, обо всём, что он делает, кого принимает, где бывает. Разузнайте, что это за таинственное сокровище хана Дамира попало в руки моему дяде.

– Он не скроется от нас, повелитель, – склонил голову второй советник.

– Стань для него кошмаром, Яшан. Пусть мой дядя вздрагивает от каждого шороха за спиной. Я хочу, чтобы он боялся – тени на стене, воды в кувшине, лепёшки на столе.

– Так и будет, повелитель! – переглянувшись, советники довольно усмехнулись, поклонились и скрылись за дверьми.

– Что же ты скрываешь от меня, дядя? – вслух произнёс Маджид, оставшись в одиночестве.

Всю ночь военачальник Хорезма не мог сомкнуть глаз. Мысли о ловушке, куда он сам себя загнал, не покидали его. И только к концу дня он понял, что нужно делать. Джамбулат отправился на окраину столицы. Он скакал по улицам Гурганджа, что есть сил, стегая коня плетью по бокам, поднимая столб серой пыли, мчался к неприметным мазанкам, примостившимся у подножья холма.

Светило, медленно спускавшееся к пастбищам, застило взор и согревало приятным теплом. А там, далеко, земли ненавистного ему хана Дамира скованы стужей, укутаны белым саваном. Седые тучи роняют замёрзший пух и прячут остывшие лучи. Джамбулат поёжился.

Остановив коня возле вросшего в землю дома-мазанки, он спешился, набросил на кол ограда поводья и стремительно вошёл внутрь. Щурясь, осмотрелся. В полумраке глаза не сразу различили сидевшего у входа мальчишку.

– Тамача, скройся! – немного привыкнув к тусклому свету, гаркнул он. – Воды коню дай, да корма насыпь.

Мальчишка встал, поклонился и вышел из мазанки, плотно затворив створчатые двери.

С низенькой скамейки поднялась женщина.

– Суюма! – Джамбулат холодно посмотрел на сестру.

– Что случилось, брат? Ты был во дворце? Что сказал шах Икинджи? Что тебя тревожит?

– Икинджи? – хмыкнул Джамбулат. – Разве ты не знала? Его больше нет.

– Как так, брат? – Суюма подошла совсем близко и заглянула в лицо. – Что стало с правителем? Почему ты не защитил его?

– Наш старший брат желал, чтобы я неотлучно находился у его трона, – презрительным тоном заговорил Джамбулат, отстраняясь от сестры. – Требовал исполнять каждое его желание, всюду следовать за ним. Запретил мстить моим врагам, заставляя гоняться по степям и горам за теми, кто был негоден ему. А когда я возвратился с великой добычей, он лишил меня части богатств и урезал жалование. Я приказал Яшану и Турсуну убить его. Ты помнишь их?

Суюма обхватила голову руками, а её глаза стали влажными. Но Джамбулату не было печали до горестей сестры.

– Никто не узнал от чьей руки пал шах. Я щедро заплатил им золотом, оружием, конями и велел убраться из Хорезма в Византию, и дальше в Персию. Посадил на трон Маджида – малолетнего сына Икинджи. Я желал сам править Хорезмом. Я наставлял Маджида! Но пока гонялся за дерзким ханом Дамиром по степи, эти шакалы посмели вернуться. Они встали за спиной Маджида и нащёптывают ему, как поступать.

Пока Джамбулат говорил, его трясло от злости. И он не понимал, вызывали в нём больший гнев требования шаха, или то, что его место у трона заняли приближенные им же наёмники.

– Брат мой! Что ты наделал? – качая головой, ужаснулась Суюма, и без сил опустилась на подушки. – Убил родного брата! Не врага, не предателя... Когда жила в Хорезме, я просила тебе сторониться интриг. Ты обещал. Говорил, что не обагришь руки кровью рода. Уверял – твоё обещание крепче камня. «Я никогда не отступлюсь от сказанного!» И ты не сдержал слово... Об этих наёмниках во многих землях ходит дурная слава.

– Я сдержал слово, – бросил на Суюму гневный взгляд Джамбулат. – Кровь брата не коснулась моих рук.

– Потому ты и выбрал их? Сам не захотел пачкать руки в крови, чтобы тебя не упрекнули в том, что слово не держишь, да? Но, подослав этих шакалов, ты всё же замарался. Знаешь, чем тебе грозит их возвращение?

Джамбулат сделал вид, что не слышал вопрос, не желая обсуждать свои поступки с сестрой.

– Как она? – кивнул он в сторону запертой на засов двери.

Суюма вздохнула.

– То кобылицей мечется, то волосы на себе рвёт, а то сидит, будто каменная. От пищи отказывается. Что с нею делать? Не знаю!

Джамбулат покосился на дверь, приблизился к сестре, навис над ней, словно гора и, сжав её плечи, зашептал, опасаясь, что пленница раньше времени узнает о его планах.

– Что хочешь с ней делать, Суюма. Она нужна мне живой. Маджид, и тут явно не обошлось без его новых советников, велел принести голову её сына. Пригрозил – не исполню воли правителя – своей лишусь. Так что если не хочешь оказаться пищей стервятникам, образумь её. Она должна сделать так, чтобы Дамир стал послушным рабом в моих руках. Или никому из нас не уцелеть. Ты поняла меня?

Суюма в ужасе, смотрела на брата. А Джамбулат, отшвырнув сестру на подушки, взял светильник, кувшин с кумысом и направился к запертой двери.

С трудом разлепив глаза, Мара не сразу поняла, где находится. Тяжёлый сон, сползая грубым овечьим покрывалом, медленно покидал, растворяясь в тусклом свете крошечного мутного окошка, под которым у невысокого столика небрежно валялись подушки. От подстилки, на которой она лежала, пахло свежей соломой. Из-под створчатых дверей в стене напротив просачивался дрожащий тёмными бликами свет. Возле очага в передней комнате ходили. По тихим глухим голосам было не разобрать, кто.

Мара пошевелила затёкшими руками – верёвки на них уже не было. Собрав остаток сил, она села и огляделась. За спиной всё так же стоял массивный деревянный столб, вросший в пол и подпиравший собой тяжёлые балки потолка. На подстилке свободно лежала длинная крепкая верёвка, привязанная к столбу у самой земли. Осмотрев себя и убедившись, что ноги свободны от пут, она встала. Слабость навалилась на плечи, в голове зашумело. Кто бы поведал, как долго пролежала она здесь во власти дурного сна?

Голоса в передней комнате смолкли. Мара прислушалась и, решив подойти к двери, сделала шаг. Голова закружилась. Во рту пересохло. Она покачнулась и чтобы не упасть, ухватилась руками за столб как раз в тот миг, когда снаружи раздался стук засовов. Противно заскрежетав, тяжёлые двери раскрылись.

На пороге появился могучий воин, облачённый в дорогие одежды. В тусклом свете очага, усыпанная камнями сабля, висевшая на боку, отбрасывала вглубь комнаты кровавые блики. В руках он сжимал кувшин и светильник.

Наклонившись и протиснувшись сквозь двери, воин невольно озарил лицо.

Увидев Джамбулата, Мара застыла как камень. Опомнившись, она в страхе попятилась, а упёршись спиной в стену, вскинула голову, гордо взглянув в глаза давнему врагу.

– Помнишь меня! – довольно ухмыльнувшись, Джамбулат, поставил кувшин на столик и, повесив светильник на стену, прикрыл двери.

– И хотела забыть – так ты не даёшь, – пытаясь собраться с мыслями и успокоиться, дрогнувшим голосом ответила Мара.

Быстрыми шагами, преодолев комнату, военачальник Хорезма подошёл вплотную, резко поднял руку и, едва коснувшись растрёпанных волос, слегка сдавил шею. Наклонившись к лицу, замер и, с трудом пересилив себя, чтобы не коснуться её губ, тихо сказал:

– Моя Магура! Как и прежде, хороша! Знаешь, зачем ты здесь?

– Не на праздник позвал. На пиры во дворец шаха по своей воле приходят. Только в такие стены привозят в мешке через седло.

– Не бранись, моя красавица! Ветер столько песка разнёс по степям, а я... – Джамбулат запнулся, словно ему не хватало воздуха. – Я всё не в силах позабыть юную красавицу, что встретил на состязании лучников. Твоя стрела крепко засела в груди, причиняя боль, не давая вздохнуть.

Он разжал пальцы и протянул руку к щеке, желая дотронуться до лица. Но Мара, стиснув зубы от нахлынувшей боли воспоминаний, отвернулась. Сколько раз она жалела о том, что упростила отца взять её тогда с собой в Хорезм!..

Джамбулат ухватил Мару за подбородок, и с силой повернул к себе. Она скривилась.

– Не смей отворачиваться от меня, Магура! – твёрдо, но всё так же тихо, произнёс он.

В его голосе не было угрозы, лишь тоска – горькая тоска о минувших днях.

Джамбулат заглянул в потемневшие глаза. Едва касаясь пальцами, притронулся к губам, провёл по щеке. Подхватив Мару под спину одной рукой, он оторвал её от стены, прижал к себе, и, отбросив тяжёлую прядь волос, склонился к шее и шумно втянул ноздрями воздух.

– Мои лета уже прошли, зачем я тебе?

Справившись со страхом, цепляясь за призрачную дымку надежды, Мара уперлась Джамбулату руками в грудь. Отстранилась, она высвободившись из крепких объятий и, отступив, уставилась ему в лицо:

– Я хочу, чтобы ты стала моей, – опуская руки, произнёс он.

В голосе воина звучало столько нетерпения, что Мара растерялась. Неужели Джамбулат действительно любил её? Или им двигало что-то иное?

– Разве тебе недостаёт нарсугур? Мне ли тягаться с их свежестью?

– Ты для меня молодой побег сочной травы, Магура! Бутоны диковинного цветка в саду дворца. Так же прекрасна, как и в ту пору, когда я увидел тебя! Ни одна из моих наложниц с тобою не сравнится. Только вели – всех сошлю.

– Почему?

– Придёт срок, и ты станешь моей.

Мара не верила тому, что слышит. Столько лет прошло, а Джамбулат всё ещё надеется, что она ему покорится.

– Никогда! – медленно произнесла она и отвернулась.

Джамбулат приблизился, схватил её за плечи и резко развернул лицом к себе.

– Не упорствуй, Магура! Ты сама будешь меня умолять об этом!

– Не бывать тому!

– Я так хочу! И ты будешь моей!

Мысль, что многие лета назад Джамбулат уже говорил ей эти слова, всколыхнули в душе Мары былую злость.

– Лучше убей меня! – с вызовом бросила она.

– Убить? Нет! Я подожду!

Он выпустил её из крепких рук и, отойдя к окну, взял со столика кувшин, неторопливо поднёс ко рту и сделал глоток. Белесый напиток тонкой струйкой побежал по бороде.

– Ты передумаешь! Или я велю моим каарганам растерзать Дамира. И заставлю смотреть на его страдания. Что? Жизнь сына ничего не значит для тебя?

От страшных слов Мара поёжилась. Она смотрела, как Джамбулат ставит кувшин, как медленно идёт к ней. Стараясь говорить спокойно, она, понизив голос, твёрдо произнесла:

– А кто тебе сказал, что хан Дамир – мой сын?

Ей удалось справиться с волнением. Голос окреп и стал жёстким:

– У Явуз-хана и при мне, и после много наложниц в шатре побывало.

Джамбулат посмотрел ей в лицо, схватив за подбородок. Мара скривилась от боли, высвободилась и отступила.

Джамбулат усмехнулся:

– Явуз после твоей... смерти ни одну женщину не приблизил. Не думаю, что хан принимал в шатре наложниц при тебе.

Он подошёл совсем близко, навис сверху, словно раскалённый песчаный бархан, обдал жаром дыхания:

– Твои чары! Тыводишь с ума. Сильных воинов делаешь покорными рабами. Когда Явуз увёз тебя, я не мог ни о чём думать. Кусок баранины в горле застревал, кумыс мимо рта проливался. Решил – сколько воинов положить придётся, сколько золота потребует твой хан, что ни пожелает получить от шаха Хорезма – всё дам, но верну тебя. Ты и только ты должна была стать моей первой женой. И ты станешь.

Мара удивлённо уставилась на Джамбулата.

– Не смотри на меня так, словно пред тобой диковина какая, – отвечая на немой вопрос, Джамбулат протянул пальцы, хотел дотронуться до её плеча, но отдернул руку и отошёл к дверям. – Наложниц у меня много. Жены нет.

Он посмотрел на Магруру долгим взглядом и произнёс:

– Я вернусь, когда светило вновь спустится в степь. Вернусь за ответом. Ты всё одно будешь моей – тебе лучше принять это. Или увидишь, в каких муках падёт твой сын.

Джамбулат вышел и запер двери. Суюма угрюмо посмотрела на него и отвернулась к очагу.

– Когда Тамача сказал, что твои каарганы похитят мать Дамира по пути на гнилое озеро, я не могла взять в толк зачем она тебе? Неужели ты и правда любишь её? – не глядя на него, она копошилась у очага.

– Думаешь, мне неведома любовь? – тихо ответил Джамбулат.

Уйдя в дальний угол, он опустился на подушки.

– Если это так, то я понимаю, что лишает тебя покоя, заставляет совершать поступки, на которые ты никогда бы не отважился.

Суюма тяжело вздохнула и принялась помешивать варево. Комната наполнилась густым ароматом мясной похлёбки. Бросив в котёл щепоть трав, она положила на камень длинную палку, подошла и села рядом с Джамбулатом.

– Ты говорил, Мара нужна тебе для мести Дамиру.

– Так и есть. Я отомщу этому непокорному.

– Ты пообещал сохранить ему жизнь, если она подчинится? Нарушишь слово? Что ты задумал, брат?

Джамбулат сощурился, будто от яркого света, посмотрел на сестру и, тихо, почти шёпотом, заговорил:

– Магрура сделает с Дамиром то, что велю или я убью ее.

– Зачем тебе это? Ты хочешь заставить страдать любимую женщину?

Джамбулат посмотрел на запертую дверь и заговорил ещё тише.

– Дамиру подчиняются духи земли, светила, ветра, воды, он повелевает всему живому. Я желаю владеть этой силой. Ходят слухи, что Хамзир чары наложил на амулет и любой, кто наденет его, тут же падёт. Я желаю знать, так ли это. Если это не так – убью Дамира. Если слухи правдивы, велю Магруре заморозить сына, сделать его покорным. Дамир станет моим рабом, непобедимым воином во всех землях, что за степью, горами, за большой водой. С ним я завоюю и Русь, и Византию, и Персию. Мне поклонятся ханы, шахи и беи. Даже купцы Великого шёлкового пути будут платить мне дань. Я буду править всеми землями, а ты, сестра моя, будешь жить во дворце. У тебя будет всё, что пожелаешь. Уговори Магруру покориться, не по принуждению, а по доброй воле. Только тебе это подвластно. И, может, я пощажу её.

Взгляд Джамбулата полыхал недобрым огнём. Когда он сел и протянул руку к кувшину, сестра отшатнулась от него.

– Что если Мара станет упорствовать? – Суюма не сводила с него испуганный взгляд.

– Ты жила рядом с ней. Найди тот волос, за который можно потянуть. Или хочешь до конца дней оставаться в этих стенах?

Она вздохнула и опустила голову.

– Я сделаю всё, что ты пожелаешь, брат мой.

Джамбулат ухмыльнулся.

– Заставь её поесть, – велел вставая. – Без сил она ни на что не годна.

Входные двери стукнули и раскрылись.

– Тебя кто звал, Тамача? – взревел Джамбулат. – Я тебе уши отрежу!

– Господин! Молю, пощади! – рухнул на колени мальчишка. – Прискакал гонец. Велел сказать – Тай Чу прибыл.

– Старый лис! – обрадовался Джамбулат. – Я давно его жду!

Дрожа всем телом, Тамача жался к полу.

– Скройся! – бросив на него презрительный взгляд, прорычал Джамбулат.

Прислужник подскочил с колен, кланяясь, попятился и исчез за дверьми.

– Образумь её! – глядя ему вслед, велел он сестре и вышел из мазанки.

Ветер принёс в лицо колючую песчаную пыль. Джамбулат скривился, стараясь укрыться от очередного порыва, и посмотрел на мальчишку.

– Ты знаешь, что делать. Не справишься – скормлю стервятникам.

Глава 4

Джамбулат спрыгнул с коня и поспешно вошёл в шатёр:

– Тай Чу! – радостно закричал он. – Говори скорее, что за добрые вести ты мне привёз?

Военачальник Хорезма уселся на подушки и махнул рукой. У дальней стены засуетился служка. Шатёр наполнился терпким запахом трав. Приблизившись, он подал на подносе парующий отвар господину и повернулся к манзы. Тай Чу взял чашу и опустился на подушки у ног Джамбулата.

– Тай Чу ездил далеко. Тай Чу привёз почтенному сарыбеку диковинные травы. Вели наполнить большую чашу из котла.

Джамбулат махнул рукой и служка тут же налил в широкую чашу парующей воды и поставил перед господином на низенький резной столик.

Манзы вытащил из висевшего на поясе мешочка крупную мохнатую горошину и бросил в парующую воду.

– Гляди, почтенный сарыбек! – склонил голову манзы. – Такой диковины ты не видывал.

Джамбулат посмотрел в чашу. То, что он увидел и правда было похоже на чудо. Горошина стала расти, растопырив в разные стороны травинки, казавшиеся поначалу мелкими иголочками. Она распускалась всё сильнее, меняя цвет тёмной травы на светлый, почти белый. Когда внутри горошины вспыхнул красный огонёк, Джамбулат взглянул на Тай Чу:

– Что это? – удивился он.

– Гляди! Ты всё увидишь, великий сарыбек! – восхищённо ответил манзы.

Вскоре горошина превратилась в большой красивый цветок, распустив тонкие лепестки, подобные кровавым ручейкам.

– Тай Чу говорил, это диковинная трава. Вели подать малые чаши, почтенный сарыбек.

Джамбулат вновь махнул рукой и служка тут же поднёс две маленькие чаши и поставил рядом с большой.

Манзы вытащил из мешочка два маленьких корешка, бросил на дно маленьких и, ухватив длинными рукавами большую, разлил пахнущую цветами жижу. Отпив пару глотков, манзы кивнул Джамбулату:

– Тай Чу желает, чтобы почтенный сарыбек испил диковинный цветок.

Джамбулат посмотрел на Тай Чу, на распустившуюся в чаше диковину и сделал маленький глоток. Не на что непохожая доселе жижа разлилась обжигающим потоком по телу. Приятная сладость растворилась во рту, а удивительный запах окутал всё вокруг.

– Что ты привёз мне, Тай Чу? Прежде я не пил ничего лучше.

– О! Великий Джамбулат доволен! И Тай Чу доволен! Этот цветок дозволено пить только властителям. Его очень любит правитель Бодойского царства.

– И ты привёз его мне? – Джамбулат осушил чашу и поставил чашу на поднос.

Он внимательно разглядывал манзы, словно искал что-то потаённое, спрятанное от взора. Под его тяжёлым взглядом Тай Чу сжался, опустив взгляд.

– Что ещё ты привёз мне, – заговорил наконец Джамбулат. – Я знаю тебя очень много лет, Тай Чу. Говори!

Манзы забубнил по своему, заёрзал на подушке, оглядываясь на вход, словно обдумывал, удастся ли ему сбежать, а потом ещё ниже опустил голову и произнёс:

– Тай Чу много где бывал. Тай Чу узнал то, что придётся не по нраву великому сарыбеку.

– И что же это?

– Тай Чу узнал о клятве верности тех, кому великий сарыбек доверил опасное дело.

– Говори! – тихо рыкнул Джамбулат.

– Тай Чу узнал, что персидские воины Яшан и Турсун поклялись в верности властителю рода сельджуков. Это случилось, когда на троне Хорезма сидел отец великого сарыбека. Шаху сельджуков не нравилось то, что все торговые караваны идут через Хорезм. Он желал их повернуть в свои земли. Но купцы отказались. И тогда шах возжелал завладеть тронном Хорезма...

Джамбулат хлопнул в ладоши и в шатёр, кланяясь, вошёл старый слуга.

– Пошли весть Таймасу. Пусть явится.

Когда слуга ушёл, Джамбулат соскочил с подушек и принялся расхаживать по шатру:

– Что ещё слышал?

Манзы, следивший за каждым жестом Джамбулата поднялся:

– Тай Чу был в персидских землях. Там говорят, что среди степных ханов есть тот, кто подчинил себе духов, может управлять ветром и водой. Великий сарыбек знает о ком так говорят. Шах велел сыскать хана Дамира. Шах назначил награду тому, кто скажет, где укрылся хан Дамир. Шах желает договориться с ханом. Шах...

– Хватит! Молчи! – зарычал Джамбулат. – Хан Дамир мой! Он будет служить только мне!

Манзы поклонился:

– Слово великого сарыбека закон! Тай Чу много раз был у хана Дамира. Тай Чу не знает, правда ли то, что говорят о нём в персидских землях. Но Тай Чу говорит – хан Дамир не склонит головы. Хан Дамир никому не покорится.

– Он склонится предо мной. Я – Джамбулат, и моё слово закон.

Джамбулат подошёл ко входу и выглянул из шатра.

– Тай Чу бывал в разных землях. Тай Чу много чего слышал. Тай Чу знает, как великому сарыбеку заставить Дамира покориться, – услышал он за спиной скрипучий голос манзы.

– Говори! И если твой совет окажется таким же дивным, как цветок, проси у меня, что хочешь.

Глаза манзы заблестели. Предвкушая щедрую плату, он склонился перед Джамбулатом.

– Помнит ли великий сарыбек о слабости хана Дамира?

– Ты о княжиче русичей?

Манзы кивнул.

– Тай Чу узнал, что княжич русичей не княжич вовсе, а княжна. Ходят слухи, что хан Дамир очень опечален с тех пор, как вернул княжну отцу. В персидских землях Тай Чу слышал, что каарганы великого Джамбулата не нашли хана Дамира. В персидских землях Тай Чу слышал, что хан Дамир на Руси укрылся. Тай Чу думает, хан Дамир пошёл к княжне.

Джамбулат задумался. Суюма тоже говорила, что Дамир променял красавицу Агын на княжну русичей. И если правда то, что княжич девица, Дамир, став слабым от любви к женщине, пойдёт за ней.

В шатёр вошёл воин, с ног до головы закутанный в чёрные одежды. Даже лицо его было скрыто.

– Господин! Ты звал меня? – покосившись на манзы, поклонился воин.

– Таймас! – Джамбулат оживился. – Я ждал тебя! Вели моим каарганам собираться в долгий путь. Нам нужно поскорее покинуть Хорезм.

– Твоё слово закон, господин, – поклонился Таймас и вышел из шатра.

– Ты принёс мне добрую весть, Тай Чу! – Джамбулат так резко повернулся к манзы, что тот отпрыгнул от него и, споткнувшись, повалился на подушки. – Я обещал исполнить всё, что ты попросишь. Но скажи мне, в мешочке на поясе у тебя только один цветок был?

– Тай Чу привезёт великому сарыбеку столько цветов, сколько он пожелает. Каждый из них можно заваривать по счёту пальцев на руке. Но цветы властителей в саду не растут. Тай Чу платил за цветок золотом.

– Ты получишь золото. Только привези мне самые красивые цветы.

Тай Чу поднялся и поклонился.

– Ступай! Явишься, когда доставишь мне цветы властителей.

Манзы скривился.

– Я гляжу, ты недоволен, Тай Чу? – зарычал Джамбулат. – Или тебе мало моего слова?

– Тай Чу исполнит волю великого сарыбека! – кланяясь, попятился к выходу манзы. – Тай Чу верит великому Джамбулату.

И поклонившись, манзы выскочил из шатра.

Джамбулат тяжело опустился на подушки. Он вспомнил и непростой разговор с Маджидом, и ухмыляющиеся лица персидских наёмников, стоявших за его трон. По всему выходило, что Тай Чу поведал правду и сельджуки решили прибрать к рукам и Хорезм, и купеческие караваны, обогатить казну данью всех подвластных Хорезму земель в степи и княжествах на Руси.

Откуда-то потянуло холодом и Джамбулат поёжился. Ему не было дела до того, что станет с Маджидом и Хорезмом. Его не интересовали степные ханы. Когда ещё был жив отец, он говорил: если сельджуки захотят отобрать Хорезм, то сделают это без войск и сражений. Никто не поймёт, что произошло. И теперь Джамбулат понимал, что отец был прав. Во дворце хорезмшаха он не увидел никого из верных его роду людей, кроме Илчина – хранителя покоев. Но верен ли он Маджиду? Да и стоит ли думать о мальчишке, когда и над его головой уже занесена сабля сельджуков? Теперь только сила, способная справиться с духами, может вернуть ему величие, Хорезм и власть.

В шатёр скользнула тень и встала у входа.

– Господин! – услышал Джамбулат голос Таймаса.

– Говори!

– Господин! У твоего шатра я видел двух хабиров¹⁹! Велишь убить?

Джамбулат поднялся:

– Излови и убей. Но сначала разузнай у них, кто послал и для чего.

– Всё исполню, господин! – склонился Таймас, и тенью выскользнул из шатра.

Выйдя следом, Джамбулат поглядел на удаляющегося кааргана и, оседлав коня, отправился на окраину.

Двери за Джамбулатом закрылись. Суюма тяжело вздохнула и медленно опустилась на подушки. Снаружи ещё гудел грозный голос брата, но мысли её, подхваченные колючим ветром, унеслись далеко.

Страх тугими путами скрутил тело: что стало с Джамбулатом? Суюма не узнавала его. В детстве она жила во дворце хорезмшаха. Братья любили её и исполняли все желания. Особенно Джамбулат. Она хорошо помнила, как однажды холодным днём воины пригнали с гор роскошный табун. Какая там была белоснежная кобыла! Суюма так просила отца подарить кызырак²⁰ ей, но он не соглашался. И тогда Джамбулат пообещал его уговорить. Икенджи сомневался, что ему удастся убедить отца. Но брат слово сдержал. Утром, когда Суюма вышла прогуляться в сад, её ждал чудесный дар – белая кобыла с вплетённой в гриву золотой лентой и украшенным камнями седлом. А когда пришло тепло, Суюма на подаренной ей белой лошади покинула дворец, отправившись в становище Каюм-хана. Джамбулат переживал, что не может проводить сестру к предречённому байэру²¹ и обещал – однажды они вновь встретятся.

И Джамбулат сдержал слово. Они встретились. Только брат с тех пор переменился. В нём расцвели жестокость и коварство. Каждое слово, слетевшее с уст – пропитано ядом. Каждый

¹⁹ Хабир – шпион, осведомитель.

²⁰ Кызырак – молодая, не жеребившаяся кобыла.

²¹ Байэр – муж.

взгляд жалил подобно змее. Движения резкие, будто удар острого клинка. А помыслы – чернее самой тёмной ночи.

Суюму затрясло, когда она вспомнила, какую судьбу уготовил Джамбулат Дамиру и его матери. Разве мог брат так поступить?

Нет, она не забыла ту боль, что причинил ей Дамир. Проснувшись утром и не найдя в шатре Агын, Суюма пошла к нему. Но взгляд Дамира был холоден, а речи остры:

«Забудь Агын. Ты вольна жить так, как пожелаешь».

После тех слов, Суюма до вечерней зори металась по становищу. Никто не мог сказать, куда подевалась Агын. Никто не видел предречённую куатан²² хана. Когда же Суюма спросила о ней Негудера, он лишь отвёл взор:

«Воля хана для меня закон!»

В тот миг Суюма поняла, красавицы Агын больше нет.

Вскочив с подушек, Суюма оглядела комнату, надеясь увидеть забытый Тамачой кинжал или саблю. Но в этот раз нерасторопный прислужник прихватил оружие с собой. Суюма сжала кулаки. Злость на Дамира переполняла её. И хотя ненависть к Маре была столь же сильна, горькой участи видеть растерзанное тело сына, она ей не желала.

В котле паровало пряное варево, наполняя комнату терпким запахом. Суюма бросилась к очагу, налила в небольшой кувшин пахучей жижи и достала из-за пазухи тряпицу. Негнущиеся пальцы дрожали, словно их сковало лютым холодом. Оглядываясь на двери и вслушиваясь в тишину, Суюма развязала узелок, взяла щепоть порошку и всыпала в кувшин. Подумав, набрала ещё, добавила в питьё и легонько встряхнула. Она долго стояла у дверей комнаты, не решаясь войти, пока снаружи не раздался стук и тихое конское ржание. Суюма вздрогнула и прижала к груди кувшин. Неужели вернулся Джамбулат? Но в мазанку так никто и не вошёл. Понимая, что медлить нельзя, Суюма отодвинула засов.

Мара сидела на подушках и глядела в пустоту. Сколько песка ветром унесло, сколько раз белым, студёным саваном землю накрыло, а Джамбулат всё о том же твердит. И как узнал, что она жива?

Стукнули запоры. Двери раскрылись и вошла Суюма. Прижимая двумя руками к груди кувшин, она переступила порог и остановилась, не решаясь приблизиться. Они смотрели друг на друга и молчали. Но по растерянному взгляду Суюмы Мара всё поняла. Поднявшись с подушек, она подошла к ней и заглянула в глаза:

– Ты хочешь моей гибели. Я знаю.

– Да. Хочу.

Голос Суюмы дрогнул. Она ещё крепче прижала к себе кувшин.

– Когда хан Дамир привез тебя в становище, я поняла кто ты, хоть и минуло не одно лето с тех пор, как мы встретились в Хорезме. Ни на кого он не смотрел с таким теплом во взоре. В глазах Дамира вспыхивал огонь, когда он думал, что ты этого не видишь. Даже на мою красавицу Агын так не смотрел... – Суюма запнулась. – Она должна была стать куатан-хан²³, а Дамир... он отдал её табунщикам на расправу.

– Дамир не был жесток с теми, кто ему предан, – Мара отвернулась и отошла вглубь комнаты. – Явуз-хан учил его ценить верность, надёжность и отвагу, чтить духов, быть достойным рода. Но, когда в становище обосновалась Агын, то потребовала, чтобы её, будущую куатан-хан, чтили наравне с духами. Тихая и скромная, она стала мстительной и жестокой. Это обернулось для Дамира карой за то, что он её спас. Не успеет мой сын пригнать полонян, а она уже прознала, сколько там мастеровых, в каких летах мальчики для продажи Тай Чу и где в

²² Куатан – невеста.

²³ Куатан-хан – жена, старшая женщина в семье.

анбарах²⁴ прячут девиц. Агын злилась, когда Дамир брал одну из них в шатёр. Кричала, что не потерпит рядом с ханом нарсугур²⁵. А наутро... В дальнем ли анбаре или в шатре на окраине становища, мы находили пленниц с перерезанным горлом. Агын погубила их всех. Разве не так? Я спрашивала тебя, а ты твердила, мол, она всю ночь спала и в том, что случилось с рабынями, её вины нет. Но от меня вам правды не укрыть. Мне было ведомо, что Агын добавляла в питьё пленниц сонные травы, а когда те засыпали, расправлялась с ними. И ладно бы только девицы. Она питала злобу даже к княжичу русичей...

– Княжне, – перебила её Суюма. Горькая ухмылка тронула сухие губы.

Мара повернулась.

– Что? О чём ты говоришь?

– О рязанской княжне, Магрура. Я знаю, что Дамир пленил знатную девицу. Едва не потерял! Но ты её выходила. И с той поры твой сын Агын в шатёр не призывал. Променил дочь хана на княжескую дочь.

Суюма больше не сдерживалась. Она почти кричала, приближаясь всё ближе и ближе.

– Агын желала погубить княжича много раз, – твердила Мара.

– Очень желала, но не смогла. А твой сын... – Суюма подавилась наворачнувшимися слезами и прокричала ей в лицо. – Дамир не раздумывая, расправился со своей куатан.

– Агын превратила жизнь моего сына в пытку. Она сделала его жестоким.

Мара остановилась посреди комнаты и прижалась спиной к столбу. Суюма стояла прямо перед ней. В глазах полыхал огонь ненависти. С силой сжимая в руках кувшин, она разглядывала Мару. Её губы кривились злобной ухмылкой и подрагивали. Но пламя как вспыхнуло в глазах, так и погасло. Суюма отвернулась и направилась к выходу. У самых дверей она остановилась.

– То, что случилось с Агын давно прошло. Следы укрыло песком. Ветер унёс в степь стоны и мольбы. Моей Агын больше нет! Твой сын погубил её. Он заслужил участь, что ему уготована.

– О чём ты говоришь? – голос Мары дрогнул. – Где Дамир?

– Этого я не скажу. И что с ним станет тоже. Но ты... – Суюма повернулась и посмотрела Маре в глаза. – Магрура! Моя ненависть к тебе велика. И не только оттого, что сделал Дамир.

– За что ещё ты ненавидишь меня? – не понимая, Мара удивлённо смотрела на Суюму.

– Джамбулат... – вскинув голову, чуть слышно произнесла она. – Он так лютовал, когда Каракюрт-хан отказался ему тебя отдать. Брат гонялся за ним по степи, пока не поймал. Грозил убить всех, если твой отец не скажет, где спрятал дочь. Но Каракюрт-хан отказался говорить с ним и тогда Джамбулат на его глазах вырезал весь народ, а потом расправился и с ним. Лишь вернувшись в Хорезм, он понял, что тебя увёз Явуз-хан. Брат бросился за вами, дошёл до запретного леса и дальше до чёрного озера. Но когда вернулся и сказал, что ты погибла в огне, горе его было велико. Долго он ещё ходил как тень, виня себя в гибели той, что ему так дорога. Я видела, как он любил тебя.

Горький ком встал в горле у Мары. День побоища на чёрном озере замелькал у неё перед глазами так, будто это случилось только что. Крики, стоны, бушующее пламя. Под саблех Джамбулата пал каждый, кто оказался на пути. Храбрые и отважные воины, старики, женщины, дети. Он сжёг и уничтожил всё, до чего смог добраться...

– Мой брат жесток ко всем и всегда, – не обращая на нее внимания, продолжала говорить Суюма. – Лишь меня любил, со мной становился иным. Я помыслить не смела, что он может кого-то так любить. Думала, за столько лет брат позабыл тебя, и оттого послала ему весть. Я желала вернуться домой, Магрура. А его любовь вспыхнула вновь. Он стал одержим желанием

²⁴ Анбар – у степняков сарай для скота и хозяйственной утвари.

²⁵ Нарсугур – наложница.

тебя заполучить и приказал Тамача сделать так, чтобы все думали, будто ты сгинула в огне. Дамир видел сгоревший шатёр. Он полагает, ты погибла. Горе твоего сына было столь велико, что на миг я позабыла о желании мстить.

Суюма замолчала, глядя перед собой. Да и Маре было о чём подумать. Она всегда видела в Джамбулате только ненасытность. Всё, что ему оказалось по нраву, он старался заполучить: купить, обменять, взять силой. Золотом ли, вострой саблей – всё одно. Джамбулат поднимал всадников всякий раз, когда видел выгоду для себя. Ввязывался в битву даже тогда, когда её губительный исход для него был предreshён. И неважно, сколько воинов падёт. Джамбулат всегда шёл до конца. Мара понимала – в этот раз он тоже не отступит...

Хриплый, дрожащий голос Суюмы прервал тяжёлые думы.

– Магрура! Все, кого ты касаешься, гибнут и страдают. Каракюрт-хан, Явуз-хан, Дамир... Ты погубила Джамбулата. Сделала его беспощадным. И потому заслужила участи страдать. Но я не желаю, чтобы ты познала мою боль.

Суюму трясло. Глаза стали влажными от слёз.

– Потому и хочешь убить меня...

Мара вздохнула и протянула руки к кувшину. Суюма отшатнулась от неё. Казалось, будто она передумала.

– Ты уже принесла его сюда. Так чего медлишь? Что у тебя там? Яд? Дай! – потребовала Мара, желая поскорее прекратить эту муку.

– Я знаю, что значит терять тех, кого любишь. Да! В кувшине отравленное питьё. Ты ничего не почувствуешь... Просто уснёшь...

Дрожащими руками Суюма оторвала кувшин от груди и протянула Магруре.

Посмотрев в заплаканные глаза Суюмы, Маре стало её жалко. Суюма любила брата. Отправляя весть Джамбулату, она надеялась вернуться в любящую семью. Но встретилась с братом, которому неведомы ни жалость, ни сострадание. Вздохнув, Мара взяла кувшин и поднесла к губам. Суюма отвернулась.

– Джамбулат задумал что-то. Он будет мстить и не остановится. Дамир ему нужен.

Брошенные напоследок слова обожгли, как удар хлыстом. Мара опустила кувшин.

– Где мой сын? Ты знаешь? – с тревогой в голосе спросила Магрура.

Суюма выглядела растерянной. Казалось, и сама не понимала, отчего с уст сорвались слова, которые она не желала говорить.

– Нет... – тихо произнесла она. – Брат сказал, что оставит твоему сыну жизнь только, если...

Входные двери с грохотом распахнулись. Джамбулат возник на пороге, преодолев в несколько шагов комнату с очагом. Суюма увидела брата, покачнувшись, как иссохшая травинка на ветру и затрясаясь от страха. Высоко подняв голову, Мара смотрела на него, не отводя взор.

Джамбулат подбежал к Магруре, выбил из рук кувшин, резко повернулся к сестре. Глядя ей в глаза, он выдернул из-за пояса кинжал и размахнулся...

Схватившись за горло, Суюма захрипела и повалилась к их ногам. Сквозь пальцы на одежды и соломенные подстилки сочились багряные ручьи. Она смотрела, как с кинжала по капле стекала её жизнь... Взгляд вспыхнул и погас. Глаза закрылись, оставив прошлые горести и беды тем, кто в этот миг, стоя над телом оставляющей их Суюмы, сжигал друг друга взором ненависти.

– Всё, что она тебе тут говорила – ложь! – прорычал Джамбулат в лицо Маре. – Тебе ведомо, я держу слово. Будет так, как я сказал.

Мара смотрела на распростёртое у её ног тело Суюмы, и не могла вымолвить ни слова. Она многое знала о жестокости военачальника Хорезма. И вот теперь он не пожалел сестру. Ту, что так любила его и защищала. Мара ощутила, как по щеке побежала слеза.

Джамбулат схватил её за руку и выволок в комнату с очагом. Споткнувшись, она чуть было не упала. Но он удержал ее. Толкнул на гору подушек, сложенных в углу. Ударившись об оставленный Суюмой на подушках пустой кувшин, она замерла, стиснула от боли зубы. Глядя, как Джамбулат зачерпнул из кувшина варево, как повернулся и пошел к ней, она молча ждала.

– Пей! – подал он ей пряный отвар.

Мара сделала несколько глотков. Приятное тепло разлилось внутри, согрело и немного успокоило.

– Я велел тебе подумать о себе и Дамире. Что ты решила?

Мара допила отвар и подняла на Джамбулата взор:

– Кто тебе сказал, что я не погибла в огне? – не глядя ему в лицо, спросила она.

Джамбулат хмыкнул.

– Ты думала, я не узнаю? Явуз, прикрываясь пожарищем, спрятал тебя у Хамзира, сказав, что ты погибла, спасая сына? Я ведь просил его отдать тебя. Посулил много золота, лучших скакунов. Я грозил ему битвой. Он не склонился. Тогда я сказал, что сожгу становище вместе со всеми, кто там будет. Но он и тогда не отступился от тебя. И даже когда я пришёл жечь его, он мог спасти всех. Но Явуз решил сразиться со мной. А когда всё полыхало, и я сказал, что отступлю, если он отдаст тебя. Явуз обвинил меня в твоей гибели. Он сделал всё, чтобы я поверил в это. Ты знала, что Явуз до последнего вздоха оплакивал тебя? А я... Я сожалел. О, Магрура, если бы ты знала, как я сожалел о том, что не спас тебя, не уберёг! Я винил себя в том, что потерял тебя. То пожарище ещё долго стояло у меня перед глазами.

– А потом, чтобы утешиться, ты взял ещё несколько наложниц, – не сдержавшись, ухмыльнулась Мара.

Джамбулат подлетел к ней, схватил за руки и, встряхнув, поставил на ноги:

– А ты ждала, что я, как и Явуз, буду до самой гибели о тебе горевать?

Джамбулат нагнулся к её шее и шумно втянул запах.

– Прошли годы, прежде чем я узнал, что попал в ловушку Явуза. До меня доходили слухи, что у ведуна Хамзира появилась ученица. И когда Дамир привёз в становище травницу Мару, поселил рядом с собой, стал заботиться... Думали, я не понял кого он привёз? Думали, военачальник Хорезма столь глуп, что не узнает правды? Это я помог Улубию восполнить урон, что нанёс его чести Каюм-хан, а заодно получить отмщение, убив Явуза.

– Отчего в тебе столько злости на Дамира? – Мара высвободилась из крепких рук Джамбулата и, устало, опустилась на подушки.

Джамбулат наклонился и произнес вкрадчиво, заглядывая ей в лицо:

– У тебя и твоего сына есть то, что мне нужно. Я хочу владеть этой силой. Скажи, как подчинить духов и я отпущу вас. Даю слово.

Мара хмыкнула, а потом, не сдержавшись, расхохоталась.

– Что с тобой, Магрура? – взор Джамбулата потемнел от гнева.

– Тебе нужна моя власть над духами земли? – усмехалась она. – Ты опоздал. Они потребовали вернуть то, что принадлежит им по праву. Я больше не властвую над ними. Если я нужна была тебе только за этим, лучше убей меня.

– Ты нужна мне, Магрура. Ты должна была стать моей, и ты станешь. А убить... – прорычал Джамбулат, – этого не будет!

Мара подняла на него удивлённый взор:

– Ты можешь взять любую красавицу. Отчего я?

– Мне не нужна любая. Мне нужна ты. И всегда была нужна, моя Магрура!

Джамбулат сильно сжал её плечи:

– Мне больно, – она посмотрела ему в лицо так холодно, что неустрашимый военачальник Хорезма дрогнул.

Отдёрнув руки, он отступил и заговорил очень тихо:

– Не желал я этого. Услышь меня, моя Магрура, я лишь тебя люблю!

«Нет!» – пронеслось в голове Мары и с губ сорвался легкий стон.

– Я уже в летах, – попыталась возразить она.

– Не для меня. Ради тебя, моя Магрура, я всё сделаю, чего бы ты ни попросила.

Сказав это, Джамбулат сжал губы и отвернулся к очагу. Мара тут же поняла, что он уже пожалел о сказанном. Кулаки сжимались. Лицо перекосилось. Рыкнув, Джамбулат повернулся к Маре:

– Я не хочу убивать Дамира. И не убью, если ты сделаешь всё, что мне нужно. Забери у него амулет. Твой сын! Он должен был пасть в битве с Улубием. Но духи вступились и уберегли его от гибели. Дамир каждый раз встаёт у меня на пути. Отбивает мою добычу...

Мара хмыкнула:

– Ты о том табуне, что Дамир отбил у хазар, а ты решил отобрать у него? Твои табуны больше, чем у любого степного властителя, а тебе всё недостаёт? Тебе мало?

– Этих лошадей я желал подарить хорезмшаху на обряд наречения. Но твой сын отнял их и женщину, что была предназначена для шаха Маджида.

– Агын? – удивилась Мара.

– Да! Агын! Дочь Каюм-хана и Ай-Бике, сестры Улубия. Она должна была стать куатан²⁶ хорезмшаха. Но твой сын убил её, а себя отдал в дар княжне русичей.

У Мары сдавило нутро. Никто не должен был узнать о слабости её сына к княжне. Ох, если бы Дамир послушал тогда! Но нет, любовь одурманила его. Лишила разума. Дамир потерял осторожность и оказался в страшной опасности. Если пожелает, Джамбулат погубит его!

– Кто тебе сказал, что княжич – девица?

– Мне всё ведомо! И о том, что любовь к этой девке лишила твоего сына разума – тоже. Твой сын... он столько раз заманивал моё войско в ловушку. Из-за Дамира я впал в немилость к хорезмшаху. Сын моего брата больше не слушает советов. А твой – заслуживает смерти.

Мара вспыхнула и приподнялась на подушках, бесстрашно глядя в лицо жестокому военачальнику.

– Убьёшь его и тогда забудь обо мне. Я брошусь под копыта коням, но никогда не стану твоей. Отпусти Дамира.

– Отпустить? Нет! Но сохранить ему жизнь я могу. Ты всё одно останешься со мной. Сделай Дамира покорным мне, чтобы стал послушен моей воле, и я не трону его. Пусть отдаст мне амулет власти и будет жить.

– Ты только что пообещал? Что отпустишь нас, если получишь амулет. Ты стал легко разбрасываться словами, Джамбулат, можно ли тебе верить?

– Ты смеешь сомневаться в моем слове, женщина? – взревел он.

– Да! – с вызовом ответила Мара? Чувствуя свою силу, – дай слово, что сохранишь жизнь Дамиру, и когда он будет тебе не нужен, ты отпустишь его. И только тогда я стану твоей.

Его лицо потемнело, осунулось, он задумался:

– Я ведь обещал.

– Обещал, но слово не давал. Дай мне слово, Джамбулат.

– Как пожелаешь. Я даю тебе слово, Магрура. Но теперь ты должна заставить сына покориться.

– Сделаю, если дашь мне всё, что я попрошу. Мне нужны будут травы. Много.

– Ты получишь всё.

– Я хочу увидеть сына.

– Ты увидишь его.

– Дай мне слово, Джамбулат.

²⁶ Куатан – жена, первая, старшая, главная.

– Не смей меня злить, Магрура! Я уже дал тебе слово, что не убью Дамира. Собирайся. Мы уезжаем. В свою пору, когда я решу, что срок пришёл, ты увидишь его.

Двери распахнулись и на пороге появился закутанный в чёрные одежды воин:

– Всё готово, господин!

Джамбулат довольно кивнул.

– Идём! – поманил он Магруру.

Мара поднялась, огляделась и вышла вслед за Джамбулатом из мазанки.

Когда подвели коня, она не сразу поверила, что связывать её никто не станет.

– Куда везёшь меня?

– Ты хотела увидеть сына. Садись в седло, я отвезу тебя к нему, – бросил через плечо Джамбулат.

Тяжёлая дверь в зал советов скрипнула, и тень медленно скользнула внутрь. Окутанные сумраком холодные стены тут же сдавили её, подталкивая к освещённой факелами возвышенности. Юный правитель Хорезма сидел на троне и о чём-то размышлял, разглядывая орнамент на полу.

– Господин! – послышался тихий голос.

– Подойди ближе, – поднял задумчивый взор Маджид.

Тень прошмыгнула вдоль стен и замерла во мраке за тронном правителя.

– Господин! Джамбулат вместе со своими каарганами бежал из Хорезма. Двое хабиров²⁷, что я приставил к нему, не вернулись. Полагаю, их выследили и убили. Что велишь мне, господин? Послать войско догнать Джамбулата? – зловещий шёпот окутал юного правителя.

Маджид повёл плечами, прогоняя, невесть откуда, налетевший озноб, и поднял смурной взгляд, всматриваясь в окружающую его мглу:

– Нет! Ты сам отправишься за ним. Возьми дюжину-другую верных людей и найди моего дядю. Он хитер и изворотлив. В битву с ним не вступай – тебе не выстоять против каарганов. Разыщи Джамбулата. Заставь поверить, что ты с ним заодно. Я должен знать, что он задумал.

Едва рассвело, дюжина всадников покинули окраину Гурганджа. Взглянув на выползающее из-за гор светило, Джамбулат повернул коня в другую сторону, подальше от Хорезма. Каарганы и Мара последовали за ним. За холмом их ждал Таймас.

– Господин! Сундуки, как ты и велел, отправились с караваном. Стража надёжная, да и моих воинов там много, – старший каарган с трудом сдерживал ретивого коня. – Что ты ещё мне велишь?

– Со мной отправишься и следи, чтобы погони не было, – поглядывая по сторонам, ответил Джамбулат.

Он не зря опасался. Когда миновали холмы и выехали в степь, позади и правда показались всадники. Засвистели стрелы, жалея тех, кто отстал.

– Скорей, Магрура! – подгонял Джамбулат, – нужно укрыться вон в тех холмах, пока нас не настигли!

Мара стегнула жеребца плетью, искоса увидав, как конь Джамбулата вильнул в сторону. Позади раздался его крик, но вскоре он уже скакал рядом, прижимаясь к холке. В какой-то миг она подумала, что для неё станет благом, если стрела догонит и, придерживая коня, Мара попыталась отстать.

²⁷ Хабир – шпион, осведомитель.

Сбоку слышались крики. Она обернулась. На почти догнавших беглецов воинов несли невесту откуда взявшиеся всадники. Одни размахивали саблями, другие осыпали стрелами преследователей. Мара стегнула коня и догнав Джамбулата, закричала:

– У тебя много врагов, Джамбулат! Эти тоже жаждут твоей гибели?

Но грозный хорезмиец не ответил. Он лишь поглядел в ту сторону, куда указала Мара и сильнее вдавил сапоги в бока коню.

У подножья холмов стояла небольшая роща. Остановившись, Джамбулат попытался спешиться, но с диким криком повалился наземь. Подоспевшие Таймас и Тамача едва успели его подхватить.

– Стрела застряла в ноге, нужно её достать, господин! – осмотрев рану, старший каарган выдернул опасное жало.

Джамбулат взвыл от боли. Взглянув на диковинный наконечник с узкими прорезями и ложбинками, Таймас покачал головой.

– Господин! Я видел такие стрелы в землях сельджуков. Их вкладывают в лук, если желают, чтобы враг умирал долго и мучительно. Слышал, они смачивают наконечники ядом, а прорези помогают ему проникнуть глубже в рану.

– Что ты там каркаешь о моей гибели? – прорычал Джамбулат. – Нет того воина, чтобы отважился сразить меня.

Боль, разрывающая плоть, огнём опалила ногу. Хорезмиец взвыл. Царапая землю, Джамбулат бился головой и скулил, словно раненый шакал.

– Магруру позови! – завопил он, когда Таймас попытался придавить его к пожухлой траве.

Мара взглянула на рану, скулящего от боли Джамбулата и подняла тяжёлый взор на Таймаса.

– Ты прав. Стрела отравлена.

– Как его спасти? – подступил он к ней.

– Я могу. Но нужно, чтобы твои каарганы держали его.

Джамбулат снова взвыл и Таймас кивнул.

– Делай, что надо.

Магрура велела запалить костер и подогреть немного воды. Побродив по окрестностям, она принесла горсть корешков и иссохшей коры, бросила в котёл и принялась помешивать парующее варево.

– Дай кинжал, – потребовала она, когда Таймас подошёл узнать, готово ли зелье.

– Убьешь его, я перережу тебе горло, – пригрозил он, доставая клинок из-за пояса.

– Хотела бы убить, оставила бы подыхать от яда, – пробурчала Мара и положила кинжал в огонь. – Держите его. Нужно разрезать рану и выпустить яд.

Таймас кликнул закутанным в чёрные одежды воинам, и они навалились на рычащего, изрыгающего проклятия и угрозы Джамбулата.

Когда запахло палёной плотью, хорезмиец забился, завыл и вскоре стих.

– Принесите котёл, – велела Мара стоявшим поблизости каарганам.

Смочив тряпицу в зелье, она приложила её к ране и туго замотала, чуть выше разреза. Велев перелить зелье из котла во флягу, она осталась ждать пробуждения Джамбулата.

Он очнулся перед рассветом. Заворочался, простонав, сел и огляделся.

– Ты могла избавиться от меня. Отчего спасла? – увидев подле себя Мару, спросил Джамбулат.

– Ты обещал вернуть мне сына, – тихо ответила она.

Из темноты вышел Таймас и сел у костра. Где-то совсем близко взвыл шакал.

– Всю ночь воют, – оглянулась Мара. – Словно чуют кого-то.

– Так и есть, – пробурчал Таймас, – поблизости кто-то бродит. Не разглядеть в темноте. Погоня ли настигла или те, кто от неё нас защищал, мне не ведомо. Но то, что мы не одни...

– Кто преследовал нас, Таймас, ты видел? – Джамбулат с трудом подвинулся ближе к огню.

– Нет, господин, – Таймас поднялся. – Я посмотрю, свободен ли путь. Нам нельзя долго оставаться на одном месте.

Мара взяла фляжку и протянула Джамбулату:

– Испей. Тебе весь день скакать, а такой ты в седле не усидишь.

Джамбулат сделал глоток и скривился. Магрура хмыкнула.

– Сильный яд. Скорого исцеления не жди.

Джамбулат промолчал. Отпив ещё, он отдал фляжку Маре и повалился набок.

Когда светило скользнуло по небу, вернулся Таймас. Следом за ним шёл Турсун. Завидя его, Джамбулат поднялся и нащупал у себя на поясе кинжал.

– Господин! Турсун говорит, погоню послал Маджид.

Турсун опустил перед Джамбулатом на колени:

– Мои воины перебили преследователей. Я тебя не предавал, господин! Держался рядом, чтобы узнать планы Яшана. Это он предатель. Если великий Джамбулат скажет, куда держит путь, я отправлюсь вперёд и посмотрю, не ждёт ли впереди засада.

– Узнаешь в свой черёд, если позволю тебе остаться, – огрызнулся Джамбулат и, отпустив его, подозвал Таймаса.

– Следи за ним и вели собираться в путь. Нам нужно поскорее добраться до старой сторожевой башни русичей, на границе степей и лесов.

– Да, мой господин! – поклонился старший каарган.

Вскоре они продолжили путь. Обжигающий ледяным дыханием ветер, хлестал по лицу, проникая под одежды. Мест, укрыться от ветра и небесной влаги не попадалось уж который день. Чем дальше удалялись они от Хорезма, тем хуже становилось Джамбулату. Он уже не мог прямо сидеть в седле. Кони не летели по степи, как прежде, а медленно ползли между холмов. Тут не то, что верховой погоне, пешие догнали бы. Тамача ехал рядом, прислушиваясь к хрипам и стонам.

– Магрура, скажи, ты излечишь господина? – допытывался Тамача всякий раз, когда на привалах она поила Джамбулата горьким отваром и перевязывала не желавшую заживать рану.

– Если мы и дальше будем обходить стороной селения, то скорее ты уложишь господина в землю, – бурчала Мара, сама не ведая, что принесёт ей большую радость, то, что Джамбулат останется жить, то ли скорое избавление от него, если падёт.

Недовольный промедлением Таймас, то и дело мчался вперёд, проверяя путь. И лишь Турсун со своими людьми ехал поодаль не проявляя беспокойства, словно так всё и должно быть.

Когда очередной день уже клонился за холмы, вдали показались стены полуразрушенной сторожевой башни. Укрывшись от непогоды и переждав там ночь, с рассветом Мара собралась в путь.

– Я тебя не отпускал! – простонал обессиленный Джамбулат.

Магрура подошла к нему очень близко и, наклонившись, прошептала:

– Не пустишь меня в селение за травами – сдохнешь как шакал и твоё неостывшее тело разорвут стервятники. Вели каарганам меня проводить в низовье. Пусть ждут там. И дай слово, что когда я вернусь со снадобьем для тебя, ты исполнишь всё, чтобы я у тебя ни попросила.

– Ты злишь тигра! – прохрипел Джамбулат.

– Я могу остаться и посмотреть, как тигр подохнет и светило взойдёт без него, – безразлично пожала плечами Магрура.

– Если ты не вернёшься... – Джамбулат попытался подняться, но тут же со стоном повалился на солому.

– Ты ничего мне не сделаешь, Джамбулат. Твой срок близок. И если бы не Дамир, не стала спасать тебя. Но я вернусь и излечу твою рану. А ты исполнишь то, что обещал. Ты ведь сдержишь слово, Джамбулат?

– Я исполню всё, о чём попросишь, Магрура. Даю слово, – простонал хорезмиец и взор его померк.

Мара ушла. Вернулась, как и обещала, лишь только мгла накрыла старую башню. И она, да и каарганы, приставленные к ней для охраны вряд ли нашли бы путь во тьме, не запали костры, дожидавшийся её возвращения Таймас.

– Магрура! – бросился он к ней, когда, уставшая, она опустилась у стены на плоский камень, некогда бывший её частью. – Господин после твоего ухода так и не очнулся. Излечи его!

Магрура посмотрела на лежавшего на соломе Джамбулата и вздохнула:

– Вели поставить котёл на огонь.

– Всё давно готово!

Мара ещё раз вздохнула, охнула, поднимаясь, и пошла к костру.

– Принеси большой бурдюк, – велела она Таймасу.

Он махнул и один из каарганов, бросился исполнять.

Мара принялась доставать из сумы разные мешочки и корешки, раскладывая их на лежавший поблизости щит Джамбулата. Собрав в кучу разные травы, корни и ягоды, она бросила их в котёл и, размешав большой палкой, оглянулась. Поразмыслив, она достала из сумы толстый короткий корешок и принялась зачищать его кинжалом, пока он не стал влажным от соков.

– Раскрой ему рот и положи палку, да воинов позови – держать будете, – сунув клинок в огонь, велела она.

Когда полдюжины каарганов навалилось на бесчувственное тело, Магрура развязала источавшую зловонье рану хорезмийца, достала из костра кинжал и принялась ковырять ногу, то и дело поливая её горячим отваром и морщась всякий раз, как из уст очнувшегося Джамбулата слетали сдавленные проклятия и звериный вой. Когда же она закончила, хорезмиец, измученный болью и страданиями, пребывал в беспамятстве.

– Если очнётся – будет жить, – переливая оставшийся отвар в бурдюк, устало пробормотала Мара. – Всё, что могла, я сделала. Отпусти ты меня в селение, когда я просилась первый раз, уже бы излечился.

Таймас не ответил, сел у изголовья господина и привалился к стене, положив саблю под одной рукой, а кинжал под другой.

Магрура присела у костра и, глядя на подрагивающие языки пламени, задумалась, что ждёт её с рассветом. Выживет ли Джамбулат или яд успел проникнуть столь далеко, что хорезмиец уже не очнётся, и ей всё одно не сбежать. Да и сына она вряд ли когда увидит. Посему, уж лучше Джамбулату сгинуть во сне. Таймас размышлять не станет. Срубит голову и прекратит её мучения. А коли Джамбулат очнётся, никому не ведомо, какая судьба её ждёт... Засыпая, Мара так и не решила для себя, что для неё лучше – погибель Джамбулата или его жизнь.

Проснулась она от грозного крика хорезмийца. Опираясь на саблю, он стоял посреди башни и взирал на Турсуна.

– Говоришь, верен мне? – пошатываясь, рычал Джамбулат. – Отчего не предупредил о погоне?

– Господин! – склонив голову, оправдывался Турсун. – Яшан никому не доверяет. Даже мне, кого всегда называл братом. Если бы я знал о его замыслах, открыл тебе тайное.

– Что он задумал, Турсун?

– Он хочет занять твоё место, господин! – поклонился Турсун. – Привези шаху Маджиду голову своего врага, и я подарю тебе голову Яшана.

Мара посмотрела на Джамбулата, его перекошенное злобой лицо и пожалела о том, что спасла ему жизнь.

Джамбулат быстро шёл на поправку. Как ни просилась Мара в селение, он не пускал, требуя, чтобы она находилась подле него. А как-то на заре Мара проснулась от лихого ржания и топота множества удаляющихся копыт. Открыв глаза, она увидела, как сидящий у костра Тамача, подбрасывал в огонь хворост.

– Что за шум? – оглядевшись и не увидев Джамбулата, спросила она.

– Господин уехал. Велел оставаться тут, пока не прийдёт за нами.

Мара поднялась и пошла к выходу.

– Если подумала, что сможешь сбежать – напрасно! – Каарганы тебя не выпустят. Если нужно что, мне скажи. Схожу в селение – принесу. А из башни ты не выйдешь.

Глава 5

Князь Олег Святославович, укутавшись в длинную бобровую шубу, развалился на резной лавке, крытой мехами. У окна просторной светлицы он старательно изучал послание, спозаранку спешно доставленное Суздальским гонцом. Прочитав и небрежно бросив свиток на стол, князь погрузился в раздумья. Вести не радовали. Не впервой было ему, опальному, получать от доносчиков сведения, вновь и вновь заставлявшие его обдумывать новый поход на Русь. Ещё не сменила природа золотой сарафан на белый, как из Рязани гонец прискакал. Лишь только небеса уронили на землю первые студёные воды – из Ростовского княжества вести недобрые. Теперь вот Фёдор Глебович не радуется.

Поразмыслив о неизбежном, Олег Святославович почесал бороду, вновь взял свиток, беглым взглядом окинул письма, и уже хотел кликнуть служку, как снаружи послышался грохот падающей утвари, брань и возня. Тяжёлая дверь настежь распахнулась, и в светлицу ввалился громадных размеров человек, закутанный с головы до пят в серую дорожную накидку. Следом за ним протиснулся щуплый темноволосый отрок и, рухнув ниц, запричитал:

– Смилуйся, княже! Уж как я просил обождать, да всё без толку.

– Умолкни! – гаркнул на него Олег Святославович.

Махнув плащом, из-под которого виднелась внушительных размеров сабля, великан обернулся и поглядел на служку, от чего тот вжался в дверной косяк и затрясся, как заяц. Ворох подушек, лежавший горой на скамье и задетый ненароком, полелел на пол.

Силясь разглядеть вошедшего, князь медленно выпрямился, аккуратно извлекая из-за пояса кинжал, повернулся к незваному гостю и произнёс:

– Кто таков будешь? Назовись!

Великан скинул с плеч накидку и, положив массивную ладонь на рукоять сабли, встал в полный рост, широко расставив ноги.

– Скройся! – велел князь службе, махнув рукой, и улыбнулся.

– Джамбулат! Как есть, сам военачальник хорезмийский пожаловал! – распахнув объятия, Олег Святославович подошёл к гостю. – Не чаял с тобой в этих землях свидеться. Стало быть, понадобился тебе, коли ты меня сыскал, да скрытно в терем мой пожаловал?

– Давненько не видались, князь!

Джамбулат обнял хозяина светлицы и принялся оглядываться.

– Слух дошёл до Хорезма, что ты, воротился из Византии да теперь в Тьмутаракани обретаешься.

– Про то многим ведомо. Я не таюсь. До меня тоже слухи доходили, будто ты в опалу к шаху Маджиду попал.

Джамбулат похлопал князя по плечу, в три шага пересёк светлицу и уселся на лавку у стола. Налил кваса в кубок, сделал жадный глоток.

– Вырви языки тем, кто тебе на меня напраслину наговаривает. О какой опале речи ведёшь? Так, спор малый вышел.

– И об чём спор, друг мой?

– О тебе, Олег Святославович!

Князь сел напротив и с интересом уставился на гостя. Давненько уже судьба свела его с этим беспощадным воином. Много связывало их – и битвы за земли ближние, и завоевание дальних краёв. Равного ему по хитрости, коварству и кровожадности Олег Святославович не знал и посему старался держаться немного в стороне – и дружбу не крушить, и под острую саблю не попасться.

– Обо мне? И чем же я хорезмшаху не угодил? Мало подношений присылаю?

Джамбулат ухмыльнулся, наклонился через стол и заговорил тихо, словно опасаясь быть услышанным.

– Дошли до шаха вести, будто ты всё никак землёй не обростёшь. Вот и поспорил я с повелителем, что смогу тебя, безземельного, на престол сразу двух княжеств посадить.

– Пошто это ты за моей спиной спор такой затеял, Джамбулат? Да ещё и с хорезмшахом. Поведай-ка!

– Да с того, что выгода Хорезму большая будет, ежели ты стол обретёшь. Или шапку наденешь и тут же позабудешь доброту правителя моего, а?

– Как можно, Джамбулат? Неужто ты меня на крамоле какой споймал? Я завсегда на твою сторону встану, коли нужда будет. Только сомнения у меня имеются. За столько лет не удалось мне ни одного княжества сломить. Неужто тебе сможется то, что мне оказалось не под силу?

– Ты для меня войско собери. Осолук за тебя встанет, а за ним рать великая множеством. Ханы степные его чтут. Вот ты и призови, да не русов – кыпчаков, хазар, с коими дружбу водишь. А я во главе выйду и поднесу тебе стол да шапку княжескую в дар.

– А что взамен просишь?

– Малость! Слыхал я, по Руси бродит хан кыпчакский. Дошли слухи, будто в землях Рязанских он кров сыскал. Сказывали мне, молодой князь, что наместничает в тех краях, ему обиду простил за разорение.

– Слыхивал я про то. И до меня доходил вести, будто в Рязанских землях недоволен люд простой. Ропщет!

– Дай мне войско, князь. Людей хитрых, что в Рязань вхожи. Тех, что сумеют в западню хана того заманить. И станешь ты муромским и Рязанским княжествами править. А ловчее прочих окажешься, так я тебе и Ростовские, и Новгородские земли помогу обрести. Только призови воинов степных, да вели ханам верностью мне служить. Щедро одарю тех, кто подсобит дерзкого нечестивца изловить. В том всем выгода будет. Кыпчаки непокорные, что тебе неподвластны и к Хорезму в подчинение не идут – опасные соседи.

– Верно, сказываешь. Костры жаркие мне под боком без надобности. Только пошто он тебе, хан сей? И отчего своё войско не привёл, а моё дать велишь, да за голову буйную половину Руси прочишь?

Джамбулат выпрямился. Смерил тяжёлым взглядом князя, осмотрелся.

– То не твоя забота. Степняков собери, а мои каарганы подороже целого войска будут. Да только вот все земли прошли, а его не сыскали. Теперь понятно отчего. Не у меня – у тебя под боком он притаился. Хан оный без надобности тебе – беда, да и только. Ну, так что скажешь, Олег Святославович? Дашь войско?

– Ох, Джамбулат! Чую знатную ты задумал битву. Я завсегда в таких делах за тебя встану. Будет тебе войско и половецкое, и хазарское. Только уж и ты меня милостью не обдели.

– Сдержи слово княжеское, а я своё под копыта коню не брошу. Ни в каких землях не сыщешь ты ни воина, ни хана, ни шаха посмевшего упрекнуть меня в том, что слово не держу.

– Вот и ладно! – обрадованный тем, что, наконец, сможет обрести долгожданную власть, Олег Святославович ёрзал на лавке и потирал руки. – Ты, друг мой, поди, с коня да ко мне в терем? Где встал? Всего ли у тебя в достатке?

– За холмом в лесочке воины мои притаились. И захочешь найти – не сыщешь.

– Стало быть, у меня не останешься?

– До поры там скроюсь. Ненароком кому на глаза попаду – спугну добычу.

– И то верно! Если нужда какая одолеет – дай знать, всё будет в срок. А пока... Самоха! – хлопнул в ладоши князь и крикнул зычно, чтобы его услышали.

Дверь тихонько скрипнула, и в щёлку протиснулся служка.

– Княже, дозволю молвить! – косясь на великана, произнёс он. – Воевода Рязанский пожаловал. Пред очи твоя просится.

– Ты вот что, Самоха! – бросив короткий взгляд на Джамбулата, задержался Олег Святославович. – Попервой вели ещё квасу да мёду на стол подать, мяса там разного, пирогов, грибочков мочёных да яблок. Вишь, гость у меня знатный. Да не колготись без меры. Понял ли? А как трапезу сообразишь, так и воеводе кланяйся. Да язык не распускай, а то вместе с головой отрежу.

– Всё исполню, княже, как повелишь, – не переставая испуганно коситься на гостя, промямлил отрок, поклонился в пол и шмыгнул за дверь.

Лишь только служка скрылся, светлицу огласил приглушённый рык Джамбулата:

– С чего это к тебе Рязанский воевода навевывается?

– Да ты не серчай! Небось, уже помыслил, будто я за твоей спиной худое замышляю? Симеон Тихонович почитай давненько мне верой и правдой служит. Слово его крепкое. Коли говорит чего, значит, так оно и есть. Да и много ещё таких. Там, где мне быть не подвластно, завсегда у меня очи да уши имеются. А ты, друг мой, пока я с воеводой говорить стану, вон за той дверкой, что у дальней стены схоронись. Постой, послушай, что сказывать станет. Ему до поры об тебе знать не след. Мало ли чего?

Джамбулат недовольно хмыкнул, но с князем спорить не стал. Поднялся, в пять шагов оказался у стены и, оглянувшись напоследок на хозяина терема, скрылся за низенькой дверкой, с трудом протиснулся в неё и притворил не до конца, оставив узкую щёлку.

Двери шумно распахнулись и, наполнив светлицу гомоном, челядь принялась уставлять стол снедью, готовя трапезу. Князь покосился туда, где укрылся Джамбулат. Увидев щель и узкую полоску света на полу, спешно подошёл и придвинул почти вплотную сундук, да узенькую лавку, на которой по обыкновению сидел гусяр.

Когда стол уже ломился от яств, Олег Святославович ещё раз окинул взором кушанья, светлицу и махнул Самохе. Отрок распахнул дверь и, отвесив низкий поклон князю, огласил:

– Воевода Рязанский к тебе, княже. Принять просит.

Скинув шубу в дверях, запыхавшись, в светлицу ввалился невысокий воин в богатых доспехах:

– Здрав буде, князь-батюшка! – склонился он.

– И тебе поздорову, Симеон Тихонович! – отозвался князь.

– Ох, и служки у тебя, Олег Святославович, – оглянувшись на отрока, подбиравшего с полу одежду, воевода скорчил недовольную гримасу. – То обожди. То поспешай.

– Не бурчи, Симеон Тихонович.

Князь уселся на лавку и махнул рукой Самохе, чтобы скрылся.

– Вот, присаживайся к столу, отведай пирогов. Да сказывай, что за напасть с тобой приключилась?

– Как это ты, княже, прознал о горестях моих, до того как я тебе об них поведал?

– Ну, так ты сам ко мне пришёл, не по зову. Гонца поперед себя не слал. Стало быть, беда с тобой приключилась.

– Ох, правда твоя, княже, – поглядывая на яства и давясь слюной, причитал воевода. – Сказать кому – так ежели сам не видал да не слыхивал, так и веры нет речам твёрдым. А я тебе, как есть, батюшка Олег Святославович, вот ни слова не сбреншу. Младой-то князь Владислав Рязанский дюже бесчинствует! Воеводства меня лишил. Изгнал за правду, за доброе. Уж как я ратовал за него. Как старался. Живота не щадя с ранней зорьки до вечерней... И так ему, и сяк угождал. Всё пустое.

Не выдержав созерцания богатого изобилия на столе, воевода умолк. Искоса поглядывая на князя, протянул руку к кубку, налил мёду, испил, отхватив от дичи добрый кусок, засунул в рот да потянулся за мочёным яблочком, когда на его руку упала и крепко придавила к столу тяжёлая пятерня князя. Воевода подавился, закашлялся, с трудом глотая пищу.

– Мне нет дела до твоих горестей, Симеон. Щедрот моих ты немало имеешь, чтобы жалиться на бесчинства. Сказывай по первой, брюхо опосля набивать станешь. Что князь? В чём винишь его?

– Да в том напасть, княже, – оглядевшись по сторонам, зашептал воевода, – Владислав басурмана пригрел, что две весны тому Рязань пожёг-разорил. Позабыл, видать, как мы с батюшкой князем Мстиславом Игоревичем вызволять его из полона Дамирова хаживали. Половцы по земле нашей как по своей шастают, а хан ихний запросто в княжеский терем вхож. Сам де князь у него совету спрашивает, да поболее прочих слушается.

– Подишь ты, где схоронился! – почесал бороду князь и, не обращая боле на воеводу внимания, забубнил, размышляя вслух, думая о чём-то своём. – А и верно-то как писано! Каарганы Джамбулата всю степь Великую да поле Дикой обскакали его сыскать силясь. А он, как есть, тут под боком пригрелся. Стало быть, не сбрежал!..

Так, ведя с самим собой речи, Олег Святославович наблюдал, как воевода успел опустошить два кубка мёду, умять добрый кусок пирога, заесть всё это уткой и теперь, развалившись на лавке, наслаждался мочёными яблочками.

– А ты всё так же до харчей падок, Симеон. И, что, много ли с ним?

– Кого? Половцев? – осоловев, не сразу понял, о чём его спрашивают воевода. – А!.. Да тьма их там, половцев этих. Хан Дамир весь народ свой привёл. Страху напустил. Люди пугаются. Куда взор ни кинь – везде они, басурманы окаянные. Тьфу... Коли эти ка...ка... как их там звать-величать... его ищут, так весточку послать надобно, Джамбулату этому.

– Пошлём, не твоя в том печаль. А дело твоё теперячи иное будет. Исполнишь, что велю – князем-наместником в Рязани посажу.

– Князем? Да ну! Как же это... А Владислав куда же денется?

– Не об том помыслы твои, Симеон! Думы есть у меня рать собрать. Новгород воевать пойду. А там Ростов и Муром недалеко будут. Себе земли те взять желаю. Опосля в Рязани наместник верный мне ох, как нужен будет! Сказывай, али не хошь князем стать?

– Хочу, батюшка-князь Олег Святославович! Ох, как на то желание имею!

– Тогда у меня к тебе спешное будет. Внимай и чтобы ни одна живая душа про то не провела...

– Нешто в тебе, князь, службе моей веры нет?

– Есть-есть, Симеон Тихонович. Ты, вот что... Я грамотку напишу. Свезёшь её в Суздаль князю-наместнику тамошнему. Скажешь, де, я прислал и велел глядеть вокруг зорко, на Муром посматривать, да окрест себя. Что ни скажет Фёдор Глебович – всё исполни. Сделаешь – быть тебе князем в Рязани.

– Всё, что велишь, князь-батюшка. Я в твоей власти. Только медку поднеси, отощал с пути.

– Отощал! Половину трапезы моей умял, прорва! Ладно! Будет! Тебя в срубе можно надолго без харчей и воды запереть, и то с голодухи не сгинешь. Отощал... Ступай пока. Самохе скажи, я велел тебя потчевать, а мне поразмыслить надобно. Только смотри мне, не пощезни куда – сыщу! Голову с плеч сниму, на пику насажу, а телеса за ворота выставлю, вороныю на забаву, люду в назидание. Понял?

– Что ты, что ты, батюшка Олег Святославович! Нешто я себе вражина какая?

– То-то же. Ступай и жди, покуда призову.

Как только за воеводой затворилась дверь, тихонько скрипнула другая.

– Ты, князь, шакала подле себя держишь. Того гляди на сторону кинется, только кто куском мяса поманит да калачом.

– Верно, говоришь, друг мой, Джамбулат. Гнилой человечешко. Токмо поди, уж давненько служит мне, и худого за ним ничего замечено не было. Труслив больно! Да за добрую плату на всё решится. А теперячи, пуще прежнего стараться станет. Уж так очи его огнём

полыхнули, как про то услышал, кому стол Рязанский отойдёт. Вот он, воевода, да наместник в Суздале князь Фёдор Глебович и помогут изловить хана твоего. Лишь на них в сём деле опереться можно. Они и людишек для чёрной работы сыщут, и воинов верных дадут, и вопросов пустых задавать не станут, ибо алчущие оба и до подношений дюже охочи, да на посулы падки.

– Сказываешь, за хорошую плату живота не пожалеют?

– Ты, друг мой, напраслиной не тяготись. Хоть и гнилой, но справный воевода Рязанский. Расшибётся, но сделает всё, что велю. Не за страх, но за шапку стараться станет.

– Смотри, князь, если в тебе ему вера есть – дело твоё. Но я лишь себе веру имею.

– Как так? А я? А Таймас?

– Таймаса и людей его я от гибели лютой уберёг. Он мне жизнью обязан. Только это заставляет его служить мне. Не станет меня и ему конец. А ты со мной дружбу водишь оттого, что земли княжеские заполучить надежду питаешь. А как только князем где сядешь, так и врагом меня объявить поспешишь.

– Да, нешто я добра не ведаю, друг мой?

– Запомни речи свои, князь. Придёт пора – спрошу с тебя.

– Не сыскать тебе на Руси вернее меня! – посматривая на Джамбулата, произнёс князь и, глядя, как тот лишь усмехнулся его речам, спросил. – Есть ли в чём надобность у тебя? Ты только скажи, всё мигом велю исполнить.

– Нет, – встал с лавки Джамбулат. – Потребность какая явится – мальчишку пришлю, звать Тамача. На твоего Самоху похож. Также тощ и труслив, как щенок шакала.

И завернувшись по маковку в дорожную накидку, Джамбулат исчез в сгущающейся тьме термных коридоров.

Олег Святославович ещё долго смотрел ему вслед.

– Самоха! Огня дай! – хрипло прокричал он во мрак, оглядываясь и шурясь напользающей из углов и маленьких окошек мгле.

Будто вспомнив то, что забыл ранее, князь встрепенул, повернулся к столу, налил в кубок мёду, отломил кусок остывшего пирога, да так и остался сидеть, не пригубив яств.

На пороге показался Самоха со светильней, в которой горела толстая сальная свеча. Поставив её на стол, служка поджег лучину, ткнул ей в стоявшие по углам светлицы массивные резные лампы, привезенные князем то ли с Родоса, то ли из Византии. Запалив небольшую светильню на столе и, поклонившись, он удалился, так и не будучи замеченный властителем, всё сидевшем и размышлявшем о гостях внезапных, да потаённых желаниях.

В стене напротив стола тихо раскрылась маленькая дверь и в светлицу вошла статная темноволосая красавица-половчанка. Неслышно ступая, она подошла ближе и, присев рядом с Олегом Святославовичем, положила свою хрупкую ладонь на его руку.

– Князь мой! – услышал он сквозь раздумья женский голос.

Встрепенувшись Олег Святославович отложил снесь, обтёр руки о кафтан и поднял голову:

– Краса ненаглядная! Люба моя, Караса Осолуковна! – заключая в объятия жену, расплескался медовыми речами князь. – Нешто ты сызнава, как лёгкий ветерок, по терему витаешь? Я и не слыхивал, как ты вошла.

– Скажи мне, князь, за какой это надобностью к тебе Джамбулат пожаловал? Он не тот с кем князю за одним столом пировать пристало. Джамбулат лишь своей выгоде верен, лишь о себе печётся.

– Краса моя ясная, не стоит тебе головку худыми думами замутнять.

– Кабы его конь у крыльца тебе худого не сулил, не стала бы.

– На сей раз Джамбулат ко мне за помощью пожаловал.

Княгиня удивлённо уставилась на мужа:

– И что же всеильному военачальнику Хорезма понадобилось?
– Просит слово замолвить перед ханом Осолуком. Войско ему требуется.
– Войско! Нешто ты и слово ему дать успел? Атасы и голову в сторону хорезмийца не повернёт. Не простил он ему убийства ни Каракюрта, ни Каюма.

– Знаю, краса моя ясная! И потому прошу – уговори отца дать войско мне. За то со всех земель, что под копытами его резвых коней окажутся, он данью возьмёт, чем захочет.

– Велики посулы твои. Токмо что за надобность тебе в войске? Ты сызнова Русь воевать удумал?

– Что ты, и не помышлял, краса моя ясная! Есть у меня надобность в Рязань сходить. Сказывают, там приюта сыскал хан Дамир. Мне до него дела нет, а вот Джамбулату он шибко надобен. Запойм оного хана, он к моим ногам половину Руси положить обещался.

– Да в умели ты, Олег Святославович? – в ужасе отшатнулась от мужа красавица – половчанка. – Чтобы не сотворил тот хан, да защитят тебя духи и боги вышние на него идти. Сам пропадёшь и войско погубишь!

Князь Олег налил в кубок мёду, отпил и развалился на лавке:

– Что так?

– Он, как и его атасы Явуз-хан хитер, умом не слаб да с духами говорить горазд. Сила за ним немалая стоит. Ежели он один пред войском в степь выйдет, и то одолеть его непросто будет.

– А тебе ведомо, в чём его сила? Как сломить непокорного?

– Того никто не ведаёт. Сказывают, что за Дамиром этим старец Хамзир приглядывает. А супротив сааршы²⁸ ни один хан кыпчакский, хазарский или ещё какой не встанет, ибо смерть лютая ждёт всякого, кто на одну тропку с ним выйдет.

Князь поднялся от стола, подошёл к княгине, сжал плечи:

– Спужали, как я погляжу красу мою ясную эти рассказы о ведуне. А кто его видел-то, Хамзира этого? Вот ты или атасы твой встречали старца, что такой ужас на вас нагнал?

– Нет.

– Стало быть, нет его и в помине, ведуна того. И не пристало верить тому, что очи твои ясные невидали.

Караса Осолуковна хотела было что-то сказать, да князь наложил на её уста палец.

– Не кручинься и головку милую страхами не забивай. С таким военачальником как Джамбулат, да с войском, что у хана Осолука, ни одному княжеству не устоять. А хану Дамиру и подавно. Ступай! А поутру гонца к атасы пошлём. Давненько он у нас не гостил.

– Не приедет он. Самим надобно.

– Ну, так и гонец тогда не к чему. Сами поутру и поедем. Ступай, ступай... – подтолкнул он жену к двери.

Караса молча кивнула и скрылась за маленькой дверцей. Пройдя тёмными коридорами и неслышно спустившись по потайной лестнице, она распахнула низенькую дверку и оказалась в маленькой светёлке. Одинокая лучина тускло освещала нехитрое убранство: лавка, стол сундук, да узкая лежанка.

– Самоха! – шёпотом позвала красавица-половчанка. – Самоха, ты тут?

Но в светёлке никого не оказалось. Присев на лавку, Караса принялась размышлять, где носит этого мальчишку, когда дверь тихонько отворилась и высокая щуплая тень скользнула в комнату.

– Самоха! – вновь тихо позвала Караса.

Тень съёжилась, сжалась, и крадучись вышла на свет.

– Тьфу ты, спужал! – встала половчанка. – Где ты ходишь, когда нужен?

²⁸ Сааршы – колдун.

И не дожидаясь ответа, схватила служку за руку и усадила рядом с собой на лавку.

– Сказывай, что слышал? Об чём князь с воеводой и хорезмийцем говорили?

– Ох, княгиня-матушка, – покачал головой Самоха. – Худое затевают оне, ох, худое! На Рязань идти хотят хана какого-то ловить. Воеводу того, что в терему привечали, Олег Свято-славович обещался в Рязанском княжестве наместником посадить, а себе все прочие земли взять. Затем войско ему нужно. К хану Осолуку, батюшке твоему, кланяться собирается.

– И о каких землях они сказывали?

– О ростовских, муромских да суздальских. А ещё новгородских...

– Стало быть, князь Русь воевать собрался!

– Как есть собрался, княгиня-матушка.

Самоха шмыгнул носом и поднял умоляющие глаза на княгиню:

– Доколе же терпеть нам? Неужто опять смотреть станем на бесчинства князя?

– Не станем, Самоха. Князь поутру тебя к атасы посылать собирался, да я в степь напросилась. Со мной поедешь. Поодаль ото всех держись, на глаза князю зазря не попадайся. А как в чисто поле выедем, скажу, что делать. Ты узелок собери, ибо сюда больше не вернёшься. Как не жаль мне с тобой расставаться, а надо. Собирайся. Я к себе пойду, пока князь не кинулся.

Глава 6

В хлопотах и заботах не успели заметить, как настал грудень²⁹. И лишь когда раньше срока ударили морозы, скорый приезд невесты, да и сама свадьба перестали казаться призрачными, словно позднее марево над рекой.

В Рязань потянулись купцы с товарами, рыбаки везли лучшую рыбу, охотный люд из окрестных деревень доставлял свежую дичь, пекари ставили хлеба, в теремных подвалах квасили брюкву с поздними яблоками и варили мёды. Постепенно всё готовилось к предстоящей свадьбе князя Владислава.

Дамир всё чаще пропадал в кузне и у восходного холма, где стояли шатры вольного народа. Владелина понимала: среди половцев он чувствовал себя ближе к покинутой, безвозвратно утраченной родной земле. Вспоминая о непростых днях на чужбине накатывали всё чаще, тем тяжелее становились думы о предстоящей свадьбе, не её, но князя. Ей хотелось, чтобы брат выжил тогда, в детстве. И это он готовился бы теперь к свадьбе. И его невесту ожидали со дня на день. А она...

– Опять головку тяжкими думами терзаешь, княже? – услышала Владелина над ухом шёпот боярина Магуты. – Так гляди, те, кому не пристало, чего пронюхают, да лихое об тебе сказывать станут?

Встрепенулась она, наскоро огляделась. В думных палатах окромя неё и боярина Магуты, только воевода.

– Прав ты, Яр Велигорович! О делах помышлять надобно.

– Вот и я об том! Что за думы терзают тебя? Вижу, беспокойно на тебе. Взгляд затуманенный, тоскливый. Неужто вновь о свадьбе печалишься? Не кручинься, не волнуй головку мыслями тяжкими. С князем муромским всё сговорено, решено всё да продумано. Не тревожься так понапрасну. Обойдётся всё, ладно будет!

Владелина вздохнула, взяла со стола грамоту и принялась читать. Да только письмена перед глазами заплескались и стали расплываться.

– Негоже так себя распускать, княже! – на плечо легла крепкая рука воеводы. – Дарина, девица хоть и беспутная, да сговорчивая. Созналась. Повинилась в содеянном. Впредь дала слово быть покорною, не перечить, во всём мужа слушаться. Коли вышло так, не нам противиться. Стерпится. Прогони тоску, да пойдём со мной! А свитки подождут! Верно сказываю, Яр Велигорович?

– Всё так, Артемий Силыч. Мудры речи твои! – закивал боярин и кинулся спешно собирать со стола грамоты. – Ступай, княже, с воеводой. А то всё в делах, да в заботах. Так и захворать недолго!

– погоди, Артемий Силыч! О свадьбе ещё спросить хочу. Помнишь, Яр Велигорович, как ты в первый раз мне о ней поведал? Все вы с батюшкой ладно рассудили. Да о первой ночи позабыли...

Переглянулись вельможи. Не укрылось от Влады, что неловок разговор им, тягостен. С тоской глядел на её Яр Велигорович.

– Вон об чём кручинишься, княже! Эх, князю-батюшке об том в свой черёд должно было сказывать. Ну-ка, сядь-ка поближе. Поведаю... – позвал боярин, постучав ладошкой по лавке. – Вот что скажу тебе, коли так тревожишься. Невесте твоей про всё ведомо. Знает девка за кого замуж идёт.

Владелина подскочила с лавки, затряслась вся:

– Да в уме ли ты, Яр Велигорович? Кто без ведома моего посмел об таком сказывать?

²⁹ Грудень – конец октября – начало ноября.

– Тише, тише, княже! Не гневись! – сгрёб её в охапку воевода и зашептал оглядываясь. – Об том князья ей поведали, когда о свадьбе вашей сговаривались. Был в Рязани муромский князь, когда с тобою да княжичем та беда приключилась. И подмена сея с дозволения его была сделана. Ну а когда Дарину с полюбовников поймали, тут он и вспомнил об том, что за князем Рязанским тайное ведаёт. И решил укрепиться, упрочиться, сей союз создав.

– Когда б батюшка твой воспротивился и о женитьбе Владислава ни условились, не сидеть бы ему князем в Рязани. Покорился он властителю муромскому и нам пристало волю его принять.

– Детё же само по себе не народилось. С кем-то путалась Дарина та, – тяжело вздохнула Влада.

Воевода с боярином переглянулись:

– С байстрюком боярским безсоромница спуталась. Рос в крестьянской семье он, пастушком. От него прижила мальчонку-то. Пастушка того за провинность казнить желали, да боярин вступился. Его был грех, признал сына. Пожалели ублюдка, прогнали из княжества прочь. Дарину ту тебе в жены просватали. А ребёночка, что родился, спрятали до поры, чтоб об том не прознал никто, – виновато опустил голову Яр Велигорович.

– И дитя это прочтут мне в наследники...

Владелина замотала головой, поднялась и, отвернувшись, подошла к оконцу. Солнечные блики отразились на шитом золотом кафтане и сафьяновых сапогах.

– Что же раньше об том не поведали?

– Да забот и без того полно было, недосуг. А теперь вот и срок пришёл.

Обхватив голову, Влада заходила по думным палатам. Раз прошла из конца в конец, и ещё раз. Когда в другой раз шла мимо боярина, ухватил её Яр Велигорович за рукав, потянул на лавку:

– Успокой думы тяжкие. Князю степенным быть должно. Пред гостями не след нам сражаться. Ты прими что есть. Стерпится... А мы тут завсегда, рядом с тобой. Коли в чём нужда, поможем. Верно сказываю, воевода?

– Верно, Яр Велигорович! Не кори себя понапрасну, княже! – Артемий Силыч покосился на боярина. – В том вины твоей нет. Ты скажи лучше, смирился хан Дамир? Помню зело горяч был, как о свадьбе услышал. В Муром войско вести вознамерился. Насилу успокоили.

– Ой, не ведаю я, Артемий Силыч! – тряхнула она головой, глядя, как во двор княжеского терема въехала повозка с бочками. – Мы об том и не говорили с той поры. Да и не вижу я Дамира совсем. Он то в кузне с Гайлисом пропадает, то в полях скачет. В покои почитай две седмицы не хаживал, в шатре ночи коротает.

– Так мы сами к нему наведемся, – засобирился воевода. – На просторе оно и дышится легче, и разговор без сторонних ушей ладится. А я тебе Борича отправлю. Он вас посторожит. Никого близко не подпустит.

– Что ты, Силыч! – Владелина развернулась и, подбежав, зашептала с укоризной, поглядывая на воеводу. – Да неужто ещё и Боричу ведомо про тайну мою?

– Борич сотник добрый! – поспешил успокоить её воевода. – Чего не пристало не спросит, слова лишнего не скажет. Не ведомо ему не об чём. Но за тебя, он любому брюхо вспорет. При Симеоне и десятником бы не стал. Воевода прежний тех, кто умишком горазд не привечал, сторонился. Кабы не ты, да те разбойники в лесочке, так на стене и служил, или на воротах. Я за ним зорко слежу. Добрый воин, страж надёжный. Не печаль головку-то, пойдём!

– И правда, поезжай в поле, княже! Развей тоску! А я тут сам управлюсь. Фёдора, вон, в помощники кликну. А воротись, мы тебе всё обскажем, кто чего просит, у кого надобности какие есть, а? – уговаривал боярин.

– Что поделаться с вами, коли просите? Поеду! – согласилась Владелина.

Третий день Дамир не покидал селение. Вокруг бурлила жизнь. Кыпчаки обжились, привыкнув к новому месту. И хотя теперь стену между шатрами и полем не поставили, степная стража надёжно охраняла селение.

Попервой каждый всадник, показавшийся на пути к холму, заставлял хвататься за сабли. Но теперь степные жители обвыклись. Рязанцы всё чаще навевались за разными надобностями. Стража пропускала их свободно, загодя отличая добрых людей от беспутных. Да и сами кыпчаки поутру отправлялись в Рязань – кто к мастеровым, кто на конюшни или торжище, а кто на ремонтные работы. И хотя за ещё один год следы бывшего пожарища окончательно стёрлись, в самом городе дел накопилось немало.

Дамир сидел в шатре у очага. Нашупав под одеждами амулет, он смотрел, как потрескивая и подбрасывая яркие искры, в затейливом танце плясало пламя. Долго ли? Он и сам того не ведал, пока не услышал, как в шатёр кто-то вошёл. Схватившись за кинжал, он резко вскочил и развернулся.

– Мой хан! Что за тяжкие думы терзает тебя который день? – у входа стоял Усман. – Не ждать ли беды нам?

– Ты чего бродишь потемну? – не ответил ему Дамир.

Увидав удивление на лице верного воина, он поднял голову. Свет над очагом, не такой яркий как в жаркие месяцы, освещал свод.

– Господин! Ты вновь просидел дóсветла, – Усман топтался у входа, смущая догадками.

Подойдя совсем близко, Дамир напомнил:

– Не я тебе господин, Усман. Князю Рязанскому мы служим.

Воин поклонился.

– Всё так, мой хан.

– Случилось чего, что ты пришёл?

– Случилось.

Усман оживился.

– Воевода гонца прислал. Велит тебе взять двух верховых и к большому холму ехать.

– Сказывал зачем?

– Нет, мой хан.

– Гайлис в селении или опять в кузне пропадает?

– Он без тебя в кузню не ходит, мой хан.

– Позови брата. Со мной поедет.

Усман поклонился и вышел. А вскорости Дамир с двумя всадниками выехал из селения и отправился к самому высокому холму в округе.

Владелину он увидел издали. Она восседала на статном арабском жеребце. Этого коня Дамир укротил для княжны, когда понял, что никогда её не отпустит. В табуне жеребец выделялся сразу, горделивостью, непокорностью, как и она когда-то. Он желал усмирить и её, но вышло иначе – сам покорился красавице княжне. И теперь, глядя на неё, горячие языки пламени костра, задремавшего в груди за множество одиноких бессонных ночей, вспыхнули и обожгли нутро.

– Отчего гонца не прислала? – взлетев на вершину, Дамир остановил коня, залюбовавшись возлюбленной. – Я для тебя всё сделаю, коли велишь.

Владелина, и головой не повела, молча смотрела вдаль. Дамира пронзила боль, словно крепкая рука опустила на спину кнут.

– Мне сказывали, воевода требует...

Владелина молчала. Дамир бросил взгляд к подножью холма. Борич с ратниками и кыпчаки смотрели по сторонам, оберегая их покой.

– Я ждала, что сам в терем явишься, – голос зазвучал так непривычно тихо, что Дамиру на миг почудилось, будто перед ним не князь, а кроткая невольница, вынужденная подчиняться покорившему её властителю. Необъяснимая злость горьким комом подкатила к горлу.

– Не ведал, что понадобился тебе. Отчего не позвала?

– Не хотела тревожить. Ты всё на просторе, с вольным народом дни проводишь.

– Только вели, и я ни на шаг от тебя не отойду.

Дамир дёрнул поводья и подъехал ближе.

– Боязно мне, – Влада смотрела вдаль, а ему так хотелось, чтобы на него. – Дарина будет вскорости, а я всё о свадьбе думаю. Многим тайное стало ведомо, и меня то страшит. Вот и ей, рассказывают, вестимо за кого замуж идёт. Не сотворила бы чего невеста. Мне бы зелья сонного для Дарины и свиты её, только взять его негде. Что станется, если тайное откроется?

– А Агафья что? Яр Велигорович рассказывал, будто зелье сонное у неё просить станет.

– Был на заимке боярин. Она его и на порог не пустила, прогнала прочь. Всё за батюшку винит, за кончину его безвременную.

– Не нам то решать, а духам, кому в какую пору уходить. Добуду я тебе травы. Об том не кручинься.

Дамир дёрнул поводья и подъехал совсем близко.

– Об том батюшке твоему поразмыслить следовало. До сей поры удавалось тайное хранить. А теперь-то что? Долго ли сокрытым останется?

– Гости съедутся и разъедутся. Коли Дарина вида не подаст, что ей тайное ведомо, о печали забудется. Не у кого мне совета просить. Боярин с воеводой всё о своём, мол, не кручинься, обойдётся, стерпится. А ты уж сколько ночей в терем не приходишь. Сторонишься.

– Я буду там, где будешь ты, княгиня моя. Приду туда, куда позовёшь. Сделаю всё, что велишь. Слово скажи и не бывать той свадьбе.

– Не в моей власти отменить сговорённое. Я просить тебя желаю. Не противься. Не мешай неизбежному. Ты пойми, не могу я супротив воли батюшки пойти. Коли решено, так тому и быть. Дай мне слово верное, что мешать не станешь.

Дамир опустил голову:

– Всё исполню, княгиня моя, как просишь, хоть и думать об том мне мучительно. Ежели позволишь, и я попрошу. Не слушай речей, что обо мне нащёптывать станут. Лишь ты мне любя. Лишь тебе одной служу я и народ мой.

– Всё ведаю, Дамир, – она повернула голову и будто десяток стрел разом влетели в его грудь. – В день тяжкий не отходи от меня.

Он протянул ей руку, и Влада вложила в неё ладонь.

– Даже если очи твои меня не узрят, голоса не услышишь, знай, я рядом. Никто не принудит меня покинуть тебя, пока сама не прогонишь прочь. И тогда не уйду, останусь поблизости, чтобы хранить твой покой.

Дамир обернулся на стражу. Верховые озирались по сторонам и переговаривались меж собой. Легонько сдвинув пальцы, Дамир посмотрел на Владелину. Её устремлённый вдаль взор был холоден, как воздух по утрам.

Резвые кони летели по полю, неся седоков к стенам Рязани. Стража – два половецких всадника и три русича – едва поспевали следом. Выехав на дорогу, всадники уже повернули к мосту, когда из-за городской стены показался верховой и направился к ним.

– Стой! – поднял руку Дамир, преграждая путь.

Верховой остановился.

– Коня совсем загнал! – Дамир недовольно потряхнул головой, глядя на храпящего и нервно переступающего с ноги на ногу жеребца. – Кто ты? Назовись!

– Гонец муромского князя Жадан, сын советного боярина Нетребы с грамотой к Рязанскому князю, – возвестил верховой так, словно не его отец, а он сам советник муромский.

– И какое у тебя послание? – Владелина выехала вперёд и встала рядом с Дамиром.

Жадан окинул взглядом всадника, затем стражу и, склонив голову, ответил:

– Велено известить: княжеская невеста прибудет с рассветом.

Владелина посмотрела на Дамира. На его лице не отразилось ни грусти, ни тоски, ни беспокойства. Он развернул коня, и ни слова не сказав, с силой взмахнул кнутом и ускакал прочь. Половецкие воины отправились за ним.

– Известил, – вздохнула Влада, глядя ему вослед и повернувшись к гонцу. – Ступай в посольские палаты. Опося трапезы явишься.

Под вечер Дамир вернулся в терем. Он блуждал по палатам, силясь найти Владелину. Но её не оказалось ни в трапезной, ни в думных палатах, ни в её покоях. Кого не спрашивал о князе, никто не ведал куда он запропастился. Поручив службе известить его, когда правитель вернётся в покои, Дамир хотел отправиться к холму в шатёр, да передумал и пошёл в свои палаты. Он ждал, что как только всё стихнет, Влада придёт к нему.

Вытянувшись на ложе, он смотрел, как по стенам плясали тени от догорающей свечки. Отчего-то вспомнилось, как впервые увидел княжича Владислава, и его дерзкий взгляд всколыхнул в груди давно забытое чувство. Как бушевал огонь и плясали в очах дикие всполохи степного костра, когда ему сообщили о победе княжича. Как душили его ненависть и гнев в тот миг, когда увидел Мансура, летящего верхо́м по степи с привязанным к седлу истерзанным пленником. Как скатилась к его ногам голова верного сарацина, которого он называл братом. Как рвалось наружу от боли нутро всякий раз, когда сдобривал настоями и мазями тело умирающего пленника. Как ночами напролёт, забыв про сон и отдых, повторял заговорные слова, отбирая у духов ту, что ворвалась в его становище вместе с дымом пожарища. Как поддавшись ярости, чуть сам не сгубил отвоёванную жизнь. Как гнался за Тай Чу, чтобы отбить любимую. Как метался по степи, ища её среди павших тел. Как стелился по траве и выл, будто раненый зверь, думая, что потерял навсегда. Как ликовал потом, как ласкал желанную и стерёг её чуткий сон. И как грозил расправой и гнал прочь, дабы уберечь от гибели...

– Зачем ты мучаешь меня? – От жарких прикосновений перехватило дыхание. – Почему просто не убьёшь?

– Ты. Мой. Пленник, – улыбувшись, прошептал Дамир, лаская и покрывая тело нарсугур³⁰ нежными поцелуями. – Очень дорогой пленник. Очень необычный пленник. И ты принадлежишь только мне. Я тебя никогда не отпущу. Я. Тебя. Никому. Не отдам.

– Я тебя никогда не отпущу... И не отдам. Никому. Я слово дал и его сдержу... – с этими думами Дамир и уснул.

³⁰ Нарсугур – наложница.

Глава 7

Прохладные, но всё ещё яркие лучи, отразились в оконцах и упали на подушку, озарив светлицу разноцветными отблесками. Пошевелившись и ощутив на себе тяжесть покровов, Дамир открыл глаза. Он так и не дождался княгиню, и уснул не раздеваясь. И теперь его заботливо укрывала меховая накидка, отороченная соболями.

Дамир оглядел светлицу, надеясь увидеть любимую. Но, как и прежде, в покоях никого не было. Зато на подушке лежал перстень с крупным кроваво-красным камнем.

– Влада! – прошептал Дамир и, надев его на палец, залюбовался красотой.

Размышляя о том, что не слышал, когда княгиня приходила к нему, он не сразу разобрал конское ржание, крики и сумятицу на теремном дворе. Выглянув в окно, Дамир увидел суетящихся слуг, конюхов и ратников.

– Невеста! – недовольно пробурчал он, и бросился из покоев на двор, уверенный, что застанет Владелину там.

На лестнице его обогнал кухаркин сынишка, частенько прислуживавший князю. Он тоже увидел его и норовил поскорее прошмыгнуть мимо на поварню³¹, но был пойман за плечо крепкой рукой.

– А-а-а-а... – закричал перепуганный малец, – пусти-и-и-и...

– Не бойсь, не обижу.

Дамир выпустил мальчика:

– Я спросить хочу...

– Чего раскричался? – из-за спины послышался зычный голос повариhi. – Никто тебя не забижает.

Хан оглянулся. Дородная раскрасневшаяся женщина вытерла руки о передник и, отвесив подзатыльник сыну, кубарем скатившемуся с лестницы к её ногам, посмотрела на Дамира:

– Ох, боярин Далемир! Спужал ты мальчика маво. Ежели надо чего, у меня спроси. А коли не знаю, я вмиг службу сыщу.

Дамир спустился с лестницы и остановился рядом с повариhoй:

– Меня Умиллой кличут, – отступив, напомнила она. – Так чего надобно?

– Я князя сыскать желал, да что-то нет его негде, – растерянно оглядываясь по сторонам, ответил Дамир.

– А, так и не сыщешь. Нет его в тереме.

– Как так нет? Я вроде слышал, невеста приехала.

Кухарка переменилась в лице, а потом плюнула в сердцах:

– Тьфу на неё, невесту эту. Видал бы ты её, боярин. Стан стройный, косища, что моя рука, по полам волочится, ни дать ни взять княгиня... Пока на личико-то не взглянешь.

– Ой, и не говори! – зашептал старший стольник, вывернувший из-за угла с подносом. – Носище, что клюв у птицы – огромный! И горб...

– У невесты? – изумился Дамир.

Кухарка рассмеялась:

– Ох, и горазд ты шутики сказывать, боярин Далемир! Ох и горазд! У носа горб. У носа...

И, забрав у стольника поднос, хохоча и похрюкивая, кухарка отправилась в поварню.

– Чего боярин желает? – склонился перед ним стольник.

– Князя сыскать, – гоня от себя тяжкие думы, пробубнил Дамир.

– Так он токмо к полуденной трапезе будет.

– А где же он есть?

³¹ Поварня – кухня.

– Дык к свадьбе готовится. Поутру свадьба-то!

– Поутру? Как так? – удивился Дамир.

– А чего ждать-то? Невесту чай для того сюда и привезли. Гости до бездорожника³² поспешат разехаться. А то потом морозы крепкие вдарят, белым покровом землю укроет и на телегах не проехать. Эх, боярин! Завтрева веселье рекой побежит! Увидишь, как на Руси гуляют. У тебя, поди, такого не было, в басурмании твоей?

– Не было, – растерянно ответил Дамир и, борясь с подкатившим к горлу жгучим чувством неминуемо надвигающейся беды, медленно побрёл из терема прочь.

Княжеский двор гудел. Народу набилось, что на шумное торжище в ярмарочный день. Ратники и служки доставали из повозок сундуки и коробка. Матроны, мамки да няньки в цветастых ярких сарафанах и массивных, расшитых жемчугами киках гомонили так, что заглушали лошадей.

– Ох, и намаялись мы с невестою!

Услышал Дамир за спиной голос боярина Влдимудра Круточива. Тот стоял под лестницей в терем с воеводою и сотником, косясь на свадебное посольство, жаловался:

– Всю дорогу от Муромы изводила жалобами. То шибко быстро поехали. То медленно тащимся. То домишко для ночлега не тот. То каравай остыл. Ох, и хлебнём мы лиха с такою княгинёю.

Побродив по двору, Дамир вернулся в терем.

– Медку не желаешь, боярин? – услышал он голос старшего стольника за спиной. – Ах, вкусен медок! Ах, хорош!

Дамир отмахнулся от него и отправился в свои покои.

Когда шёл мимо трапезной, вновь увидел боярина Велимудра в окружении бояр и посольских. Сбавив шаг, он прислушался к разговору. Гости шумно обсуждали невесту:

– Где же ты, Велимудр Крутович, это чудо заморское сыскал? – посмеиваясь, расспрашивали они молодого боярина.

– Неужто покрасивши не смог найти невесту?

– Князь-то у нас пригожий, ладный. И княгиня ему под стать надобна.

– А эта? Всем хороша девка. Да личиком не вышла.

– Басурманский хан и то попригожее будет!

Гости захохотали, веселясь шутке, но увидав Дамира, разом притихли.

– Ты пошто в дверях стоишь, боярин Далемир! Проходи, чай не в гостях! – позвал его Велимудр. – Налейте-ка мёду боярину!

Стольники засуетились и кинулись к столу. Дамир оглядел посольских и, нехотя вошёл.

– Садись! – звал его Велимудр, хлопая по лавке рядом с собой.

Гости, порядком приложившиеся к мёду, вновь загомонили, обсуждая прелести невесты. А Дамир, присев с боярином, лишь пригубил поставленный перед ним кубок.

– Тебя князь перед обеденной трапезой в покоях своих ждать будет, – склонившись к самому уху, прошептал Велимудр.

Дамир покосился на него, но ничего не ответил. Только отпил ещё глоток и поставил кубок на стол.

– Невеста! Невеста идёт! – послышалось от дверей.

Гости повскакивали с мест и кинулись смотреть.

– Самое время, пока все красавицей любуются... – потянул его за руку Велимудр. – Ступай.

³² Бездорожник – конец ноября.

Дамир внимательно посмотрел на молодого боярина, помедлил, да и пошёл к маленькой двери, ведущей в переход к лестнице, что спускалась аккуратно к поварне. Выйдя из трапезной, он, сам того не желая, взглянул в переход.

Статная девица шла мимо с высоко поднятой головой. Во взгляде – ни тени смущения. Походка – госпожи. Свита – как при дворе персидского шаха, с уродцами и прочими прихлебателями. По правую руку от невесты гордо вышагивал гонец муромского князя Жадан. И что забыл он рядом с ней? По левую руку семенила хромая уродливая и горбатая карлица с улыбкой, больше похожей на оскал гиены. А следом, несмолкаемая толпа разодетых мамок-нянек и муромских матрон галдела о том, как же хороша их невестушка.

– Ах, ты волочайка беспутная! – услышал Дамир уже знакомый возглас кухарки за спиной. – И чем тут князь прельстился? У ней же всё лицо в саже³³. Ещё и браслет с бирюзой подарил. Тьфу, безсоромница³⁴!

Взглянув на руку невесты, Дамир вспомнил о подаренном поутру перстне. Так вот, что значил сей подарок! Он уже слышал, что браслет дарят невесте, ежели принимают такой, какая есть. Но откуда Влада знала о кровавом перстне, с которым в его народе передают избраннику самого себя до последнего дня жизни? Кто поведал ей об том?

Взглянув на перстень, он поспешил в княжеские покои.

Служка распахнул двери покоев, и Дарина всплыла в просторную светлицу. Гомонящие мамки, няньки да матроны ввалились следом, наполнив покои гвалтом. Распахнув сундуки и короба, они принялись доставать оттуда наряды, украшения, утварь, оглашая хвалебными возгласами каждую вещицу.

– Прочь подите! Оголтелые! – гаркнула на них Дарина.

Притихнув, бабы попятились к дверям.

– Далече собрался? – остановила она Жадана, когда он вслед за бабами собирался выйти из покоев. – Сказ к тебе есть.

Прикрыв за мамками-няньками двери, Жадан опустил запоры, приблизился и, обхватив Дарину, притянул к себе.

– Сказывай, лапушка!

– Поди разведай, что за басурман у трапезной был. Откуда он тут взялся, кто таков будет.

– Нет в том нужды, лапушка. Полюбовник женишка твоего сей басурманский хан. В терему живёт. Боярином Далемиром кличется. Запросто в покои княжеские входит. Сказывают, голос в думе имеет. Бояре и воевода его слушаются. Во всём, что стражи и дружины касаются с ним советуется.

Дарина отпихнула от себя Жадана:

– Как меня винить, так на речи не скупился дядюшка. А в мужья мне бабу выбрал. Да ещё и венец княжеский ей на голову надел.

– Верно сказываешь, лапушка! Баба та с виду скромница. Под платьем мужским хоронится, а с басурманом лихим воловодится.

– Ты откель про то прознал? Кто поведал, али сам видал?

– Сам видал, сам слышал всё, лапушка. Как взор с хана не сводит за трапезой, как по ночи хан в покои княжеские пробирается, как до зори ласками одаривает. Вот и теперь он в покои пошёл.

Дарина схватила со стола кубок с питьём и швырнула в дальний угол.

³³ Всё лицо в саже – так говорили о девицах, чей порочный образ жизни очевиден.

³⁴ Волочайка, Безсоромница – гулящая девка.

– Благодарствую, дядюшка! Ох, и выбрал в мужья ты мне князюшку! Обещал бабу, да поведать забыл, что при ней басурманский хан состоит. И округа небось слухом полнится, что правитель в Рязани охальник срамной. Кабы знали они! Князь-то и того хуже – баба!

– Не возьму в толк печали твоей. Нам-то с того токмо выгода, – схватил её в охапку Жадан. – Коли баба-князь с ханом ночи проводить станет, стало быть, и нам раздолье. Да и мне спокойнѣй, коли рядом я.

– Так-то оно так, Жаданушка! Токмо править в Рязани я желаю.

– Как же то устроить, лапушка?

– Делай, что велю, и всё сладится.

– Что удумала ты, моя сладкая? Смуту какую, али ещё чего?

Дарина топнула ножкой, подбежала к столу и с размаху, всё, что было на нём, сбросила вниз, огласив покои жутким грохотом.

– Цыц ты, голдень беспутный! Языком метѣшь, что баба подолом, – шикнула на него Дарина и, повернувшись в дальний угол, позвала. – Сидя!

Из вороха тряпья, сваленного в углу, выбралась горбатая карлица.

– Раздобыла, чего я велела?

Карлица уселась посреди светлицы на пол, без стеснения задрала юбки и извлекла из прицепленного к поясу передника кожаный мешочек.

– Да ты что, лапушка! В уме ли ты, голубушка? Неужто бабу-князя со свету извести возжелала? Есть пути понадѣжней этого...

Дарина зыркнула на него и зашипела:

– Молчи, окаянный! Молчи!

И повернувшись к карлице, зашептала:

– Сказывай, Сидя, что делать станешь?

Карлица посмотрела на неё, подобрала юбки, вскочила на короткие ножки и забубнила:

– Перетру травки, в медок кину. Князю ночью испить поднесёшь. Как пригубит постылый из кубка, так себя потеряет. Позабудет про матушку. Не схочет. Не вскочит. Не взглянет. То, что есть на сердце, всё открой ему. Согласится со всем, примет сказанное. Токмо много пить не позволяй ему. Коли лишнего хватит и вовсе поутру в землю ляжет.

– Нешто ты её погубить удумала, лапушка? – испуганно глядя на двери, зашептал Жадан. – Кто поверит в кончину безвременную?

– Да не стану травить я её, не печалься ты. Коли послы, что на празднество съехались не поставят под двери нам послухов, то и страшиться нечего. Посидим по-бабьи, поохаем. Нонче же пусть она уверует, что я ей не вражина последняя. А как стерпится, так и сладится. А ты вот об чём поразмысли, – теребя платочек, Дарина заходила по светлице взад-вперёд, а карлица ковыляла за ней следом, держась за юбку. – Кабы хан тот чего не удумал. Не мешался бы под ногами, не спутал дорожки.

– Не спутает, лапушка! – ухмыльнулся Жадан. – Он и шагу из терема не ступит. Тут князь-бабу свою дожидаться станет.

Оглядевшись по сторонам, Дамир распахнул двери и вошёл в светлицу. Владелина поднялась ему навстречу.

– Стосковался я, княгиня моя, – обнимая Владу, прошептал Дамир.

Она слегка улыбнулась, увидав перстень на его руке, на миг прижалась к груди любимого, но, тут же отпрянула, ничего не ответив.

– Извелась, гляжу! Истомилась! Так ты только скажи – тут же всё разладится, – стараясь казаться спокойным, говорил Дамир.

– Даже думать не смей об том. Не желаю, чтоб ты в сие путался.

Владелина выглядела встревоженной, смотрела с недоверием. Он всегда страшился этого взгляда. Что если разлюбила? Что если не верит больше? Что если прочь прогонит с глаз?

– Да не смотри на меня, как сыч, – не выдержав, прошипел Дамир, сцепил зубы и отошёл к оконцу.

Но тут же пожалел о содеянном. Видел же невесту. И сам бы на такую не глянул. А уж княгине его она и подавно без надобности. Ругая себя за то, что не сдержался, он тяжело вздохнул и посмотрел на Владелину.

– Не сердись! Неужто решила, я тайное супротив тебя замышляю?

– Я не сержусь, – одними губами улыбнулась Владелина.

– Ты вели, я зелья сонного принесу. Каплю карлице, каплю Жадану-смутьяну, каплю Дарине-распутнице – будут спать, аки дети малые.

Он подошёл к Владе, взял за плечи и притянул к себе.

– Для тебя, моя княгиня, всё сделаю, что ни пожелаешь.

Дамир запнулся. То, что обдумывал с прошлого дня, давалось тяжело. Слова застревали в горле, жгли язык.

– Коли велишь, цельную седмицу Дарину опаивать стану. Буду входить к ней, покуда не понесёт.

Владелина замерла и уставилась на него непонимающим взглядом:

– Как ты помыслить об том посмел? Нет!

Она упёрлась ему руками в грудь, вырвалась из крепких объятий и отвернулась.

– Князю Рязанскому наследник надобен. Сама ведаешь, отчего батюшка твой на подмену решился.

– Нет... Даже думать об том не смей! – тряся головой, она спрятала лицо в ладони.

Дамира словно хлыстом по спине ударили, столь невыносимо было смотреть на терзания любимой. Он сделал шаг, другой...

– Влада! – Дамир схватил княжну за плечи и, прижав к себе, зашептал. – Не желаю я того. Постылая она. Да только ты сказывала, батюшка твой всё решил. Что с князем муромским обо всём сговорено. А о наследнике они подумали?

Владелина развернулась к нему. В глазах блеснули слезинки:

– Не желаю я, чтобы ты с ней ложе делил. Даже ради престола Рязанского жертву эту не приму. Не от тебя! Да и есть у Дарины уже сынок. Егѡ князь муромский мне в наследники выбрал.

– Ох, княгиня моя, и тягостное бремя взвалила ты на плечи свои! Боюсь, не по силам тебе оно.

Дамир легонько коснулся губами щеки. За дверью слышались шаги и окрики.

– Князь-то где? Не видали? – служки бегали по терему в поисках правителя.

– Утрись, князь! Негоже тебе, Владислав Мстиславович, слёзы бабские лить... Не теперь! Успеется ещё!

Влада молча кивнула и прильнула к его груди. Обняв любимую, Дамир крепко прижал её к себе. В двери застучали и Влада, вытирая рукавом всё ещё влажные глаза, отстранилась от Дамира:

– Опося поговорим. Недосуг теперь. Только дай мне слово верное, что без ведома моего не ступишь в покои её.

– Без твоего слова не посмею, княгиня моя. В том клянусь.

Она хотела уйти, но Дамир притянул её к себе. Рука змеей опустилась по спине и обвила стан.

– Ты́ люба мне. И другая, как бы ни была хороша, не глянется прелестями своими. А за тебя, княгиня моя, и жизни не пожалею.

Дамир коснулся влажных солоноватых губ и ощутил, как по её спине пробежала дрожь.

– Князь-то где? Сыщите князя! – слышались возгласы снаружи и в двери опять принялись стучать.

– Схоронись, чтобы тебя не заметили в моих покоях, – услышал Дамир её тихий, ровный голос.

Отстранившись, она распрямилась, высоко подняв голову – статная, спокойная, холодная – КНЯЗЬ!

До темна терем сотрясали гомон, смех и шумливые речи посольских. Кругом царила суэта. Из трапезной доносились звуки гуслей и жалеек. Служки бегали по переходам и лестницам, доставляя гостям кушанья. Огромные подносы с жареными гусями и утками водружались на середину стола. Их тут же хватали, разрывали на куски и жадно поглощали, сбрасывая кости под стол. Дух сдобных хлебов и пирогов с рыбой, зайчатиной, грибами, из поварни долетал в трапезную, обволакивал, дурманил и дразнил, заставляя поглядывать на двери всякий раз, когда там появлялись столы. Тарелки и миски с выпечкой пустели сразу, как их ставили на стол рядом с мочёными яблочками и солёными грибочками, и служки бежали в поварню за очередным подносом с выпечкой.

Мёд сытный и питный лились рекой и к ночи гости уже с трудом выбирались из-за стола, а кто и вовсе, развалясь на лавке, храпел и похрюкивал, под оглушительный хохот тех, у кого ещё оставались силы веселиться.

Ни Владелина, ни Дамир, ни княжеская невеста на том пиру так и появились.

Дарина с самого приезда не выходила из светлицы. Оттуда доносились по первой смех и песни. К ночи они сменились, положенным по такому случаю, воем и причитаниями мамок и нянек. А когда всё стихло и гости разошлись, из покоев выскользнула низкорослая скрюченная тень. Проковыляла по переходу и скрылась в темноте, промелькнув в узком проёме между стеной и лестницей. Напугав подвыпившего гостя, который развалился прямо на скамье возле думных палат, тень юркнула в ещё один переход. Крадучись и прижимаясь к стенам, она подобралась к массивным дверям, ведущим в княжеские покои, прижалась к узкой щели и, словно, растворилась. Сливаясь с тёмным углом, тень вслушивалась и всматривалась в то, что происходило по ту сторону.

Жадные поцелуи, обжигая, касаясь разгорячённой, истосковавшей по ласкам плоти, отдавались во всём теле волнующей дрожью. Жаркие объятья ни на миг не выпускали её: всё крепче прижимая, сдавливая, причиняя такую сладкую и такую трепетную боль. Растворяясь в томительной неге, прижимаясь к пышущему жару любимого, Влада уже не сдерживалась. В тусклом свете почти погасшей свечки она видела бегающий блеск его глаз, слышала яростный стук в его груди. Наслаждаясь сильным телом Дамира, она обвила руками шею и коснулась пересохших губ нежным поцелуем, поймав глухой протяжный стон.

Лишь только прокричали первые петухи, скрюченная тень отделилась от стены. Неслышно ступая, пробралась по переходам в другой конец терема и исчезла в покоях княжеской невесты.

– Будь подле меня, не отходи, – прошептала Влада засыпая.

– Я не оставлю тебя, княгиня моя, – Дамир крепче прижал к себе любимую. – Спи...

...Яростный стук в двери выдернул из сна так стремительно, что подскочив, Дамир выхватил из-под подушки кинжал. Оглядевшись, успокоился. В залитых светом покоях, кроме них – никого. Он посмотрел на ложе. Влада спокойно спала. Вернув кинжал под подушку, он аккуратно, стараясь не разбудить любимую, присел рядом.

– Княже! Проснись! Пора! – настойчивый окрик служки и стук не дали насладиться утренней тишиной.

– Влада! – коснувшись лёгким поцелуем волос, позвал Дамир.

Она вздрогнула и раскрыла глаза.

Стук повторился.

– Не отходи от меня, – Владелина умоляюще заглянула ему в лицо.

– В том не сомневайся.

Он обнял её и, прижимая к ложу, вытянулся рядом, обжигая лицо и шею жаркими прикосновениями губ.

И вновь гулкий стук в двери разорвал тишину:

– Княже! Проснись! – послышался из-за дверей басовитый окрик Яра Велигоровича. – Пора!

– Пора!..

Эхом повторила Владелина, притянула Дамира к себе, коснулась его губ невесомым поцелуем и, легонько оттолкнув, поднялась.

– Скройся до поры. А как выйду из покоев, обожди чуток и ступай следом.

– Всё сделаю, как велишь, – соскочив с ложа, он прижал к себе любимую и прошептал. – А пожелаешь, так и свадьбе той не бывать. Враз всё закончится, только скажи.

Владелина замерла и, наслаждаясь объятиями, положила голову ему на плечо.

В двери снова отчаянно постучали.

– Обожди в палатах! Позже явишься, – решительно отстранившись, она обдала его спокойным, пронизывающим взглядом и, притворив за собой дверь, пошла в светлицу открывать.

Пока суетливые служки одевали князя к торжеству, Дамир, нервно расхаживал в дальних покоях. Изредка до его слуха доносились возгласы и тихие речи. Он слышал голоса Яра Велигоровича, Артемия Силыча и даже молодого боярина Велемудра.

Вскорости всё стихло. Подождав для верности ещё немного, Дамир поправил расшитые шелковыми и золотыми нитями одежды, пристегнул усыпанную камнями саблю, некогда подаренную Джамбулатом, и вышел в светлицу. У дверей остановился, прислушался и потянул ручку. Массивные дубовые двери оказались запертыми. Дамир дёрнул ещё раз, и ещё.

Ярость огненными всполохами обожгла лицо.

– Кня-же! – закричал он и принялся, что было сил стучать.

Снаружи было тихо. Никто не спешил отпереть двери и выпустить его. Дамир бросился назад. Огляделся. В трапезной имелась маленькая боковая дверь. В думных палатах тоже. Он метался по княжеским покоям, осматривая стены в поисках потайного хода. Страх неизбежного раскалённым клинком врезался в плоть, обжигал, разрывал нутро, заставляя кровоточить и без того истерзанное тяжкими думами тело.

Не найдя двери, он бросился к оконцам. Но те крохотные, что открывались, были слишком малы. Дамир кинулся к дверям и вновь принялся отчаянно колотить в них кулаками и кричать. Но снаружи ему отвечала всё та же зловещая тишина.

Отчаявшись исполнить обещанное, он замер посреди светлицы. Положив обе руки на грудь, Дамир принялся читать заговорные слова, чувствуя, как врастают в пол ноги, как наливается тяжестью голова, как выкручивает и клонит к земле тело.

Ударившись и распахнув оконце, в светлицу влетела сорванная с дерева ветка и упала у его ног. Дамир опустил руки. Со двора доносились шум, гам, смех и радостные трели жалеек.

Бросившись к окну, он увидел посреди двора Владелину и накрытую покровом Дарину с княжеским венцом на голове.

Дамир кинулся к дверям. Но едва коснулся тяжёлых створок, те распахнулись, словно уходя их забыли прикрыть.

Он выбежал из княжеских покоев и помчался в трапезную, где говорливые и веселящиеся гости уже рассаживались за столы.

Шумное пиршество тяготило Дамира. И хотя рядом с ним за столом сидели Борич и Силыч, их вид скорее пугал гостей. Посадили за стол басурманина и стражу при нём!

– Я в покои пойду, – Дамир тронул воеводу за плечо.

Силыч, до того споривший с сотником о том, какое копье в ближнем бою лучше – длинное или короткое Византийское, повернулся к нему, заглянул в лицо и кивнул:

– Ежели совсем неумогу станет, в кузню сходи. Огонь враз все думы тяжкие выжжет.

Дамир кивнул и встал. Бросив украдкой взгляд на молодых, ему стало совсем тоскливо. Отчего-то рядом с княжеским столом суетился муромский гонец Жадан, словно своих стольников не доставало. Княгиня Дарина не выглядела смущённой, как то полагалось невесте. А вот князь Владислав, напротив, был удручён и тих.

Дамиру стало жалко Владу. Отвернувшись, чтобы не смотреть на страдания любимой, он вышел из трапезной и огляделся. С виду пустынные переходы тонули в темноте, но по стенам нет-нет да и скакали замысловатые тени. Привыкший к вольной жизни, он не жаловал давящую тесноту просторного терема, и оставался в его стенах только ради Владелины.

– Боярин Далемир, подь сюда!

Шумно дыша хмельным, из трапезной вывалился Магута и, схватив Дамира под локоть, увлёк в тёмный угол.

– Тебя на весь терем слышать, Яр Велигорович! Не укроешься! А впредь, не подкрадывайся ко мне со спины. Я ещё не разучился жить в степи, – зло зашипел на него Дамир, отходя в сторону от дверей.

– Что ты! Что ты! И в мыслях худого не было! – отдёргивая руку, зашептал боярин. – Беда у нас, хан!

Дамир схватился за кинжал, когда из трапезной, шумно гомоня, появились матроны.

– В опочивальне всё готово? Пора уж молодых провожать!

– Мёду! Мёду отнесть не забудьте!

– Перинки-то пух-пухом!

– Да послухов³⁵, послухов позвать надобно!

– А где боярин? Куда подевался Яр Велигорович? Пора уж!

Дамир подхватил Магуту под руку и, увлёк за угол. Распахнув двери думных палат, втолкнул туда боярина и, войдя следом, опустил запоры.

– Сказывай, что стряслось, да поживей! Тебя уж на пиршество требуют.

– Беда, хан! – тяжело дыша и отдуваясь запричитал боярин. – Черниговские увериться желают, что всё чин чином станется. Мамки да няньки послухов к дверям опочивальни повели. Поутру придут увериться, что княгиня непорченной была. А невеста-то у нас с изъяном. Да и жених, ведомо кто... Делать-то чего? Нам ещё хулы не доставало!

– Ты же сказывал, всё сговорено? Решённым дело звал.

– Дык сговорено всё с князем Муромским. Кто же знал, что с Чернигова явятся, да увериться порешат, что де брак по закону справлен. Начнут сказывать князь не справился. Сраму не оберёшься. Пойдёт молва, да рты-то всем не прикроешь. Ой, хула! Ой, злословие!

– Чего аки баба голосишь, боярин? Об том думать полагалось, когда вы с князем Мстиславом свадьбу сею затевали, одну девицу за другую сватали. Сказывал – быть беде. Не послушали! А теперь, коли тайное откроется, в сговоре князей обвинят супротив Чернигова. И тогда не то, что поношения не избежать – престола лишатся и рязанский князь, и муромский.

³⁵ Послухи – тайные свидетели.

– Так я и сказываю – беда! Делать-то чего?

Ярость нахлынула жарким пламенем. Дамир смерил боярина гневным взглядом и принялся осматривать думные покои. На столе стояла братина и кубки. Видать служка забыл убрать после встречи послов. Подойдя к столу, Дамир взял один, поставил перед собой, выхватил из-за пояса кинжал и, резанув по руке, сжал кулак. Тонкая алая струйка побежала в кубок.

Дамир посмотрел на боярина. Того замутило.

– Снесёшь в опочивальню, – глядя на его мучения, усмехнулся Дамир. – Да как молодых провожать станешь, князю куда поставишь шепнуть ни забудь. Хмель в голове бродит, как я погляжу, а, Яр Велигорович?

– Ой, нет, хан, уже не бродит! – кривясь и отворачиваясь, чтобы не смотреть, пробурчал боярин.

– Да неужто тебя от крови мутит, а?

Дамир убрал кинжал и приложил здоровую руку к груди. Он видел, с каким страхом Яр Велигорович взял кубок. Отперев двери, Дамир кивнул в коридор:

– Заждались поди! Обыскались! Снеси поскорее, покуда не пришёл никто.

И не взглянув на боярина, пошёл к трапезной.

Увидав басурманина, матроны закричали, завизжали, да и бросились врассыпную кто куда. Ухмыльнувшись, Дамир постоял у дверей, искоса поглядывая на шумное веселье, да и пошёл к себе.

Чем темнее становилось за оконцами, тем сильнее пробирала дрожь. Владелина посматривала на гостей и видела лишь хмельные ухмылки. Пиво и мёд лились рекой, одни угощения сменяли другие. Но она и кусочка бы проглотить не смогла. Да и не подобало молодым.

Влада украдкой взглянула на Дарину. Та смотрела на другой край стола. Оглядев гостей, Влада искала Дамира, но его отчего-то не было. Она помнила, что видела его рядом с Артемием Силычем. Но воевода – вот он, сидит и о чём-то спорит с Боричом, а хана нет.

– Пора, гости дорогие! – вошёл в трапезную Яр Велигорович. – Пора проводить молодых в опочивальню. После до зари гулять станем. Мёда, пирогов вдоволь!

Гости зашумели, повскакали с мест. Боярин Яр Велигорович принял из рук стольника поднос с кувшином мёда и кубками, кряхтя поклонился молодым:

– Извольте идти почивать, князь со княгиней!

Послы муромского князя подхватили молодых под руки и под пьяные смешки и шуточки повели в опочивальню.

В дверях молодые остановились, поклонились гостям. Яр Велигорович, на правах старшего боярина, расцеловал в щёки княгиню, передав ей поднос с мёдом, обнял и расцеловал князя, что-то шепнув ему на ухо. Гогоча и подшучивая над робостью молодых, послы вновь подхватили их под руки и втокнули в покои, крепко затворив двери, у которых тут же встали послухи черниговские, по три с каждой стороны, да по две мамки-няньки, да ещё по две матроны рязанские да муромские, роду знатного, боярского.

Хохоча и переговариваясь, гости вернулись в трапезную и пиршество продолжилось.

– Позволь мёду тебе поднести, – услышала Влада тихий, вкрадчивый голос Дарины, когда двери за ними закрылись.

Она посмотрела на молодую. Томный взгляд с поволокой, гибкий стан, плавные движения.

– Поднеси! – согласилась Влада, чувствуя, как её начинает трясти.

Дарина поклонилась и пошла к столу, а Влада принялась оглядывать комнату. Заприметила угол в котором Яр Велигорович кубок припрятал. Увидала ложе просторное.

Дарина подошла, держа перед собой поднос:

– Отчего печалишься, княже? – заглянула она Владе в лицо, протягивая кубок. – Неужто страшишься меня? Али не сказали тебе, что ведома мне тайна твоя? Сколь уж с той поры прошло, как сосватали? Никому не открылась я, а теперь и подавно молчать стану.

Влада взяла кубок, отпила глоток и, подойдя к ложу, присела на край.

– И какая тебе в том выгода? За меня пойти, тайну сохранить... Отвечай, да ничего не утаивай.

– Ничего не укрою, всё скажу, – поклонилась Дарина. – Ведомо тебе, что вина за мной немалая есть? Кто беспутницу в жены возьмёт? Да и тебе нелегко жену добрую сыскать, аки сама девица. Вот и решили мой дядюшка с твоим батюшкой сей союз создать: престолы муромский и рязанский укрепить, тебя защитить, да вину мою сокрыть. Дядюшке не к чему поношение и срам. Его всё хвори изводят. Того гляди духи призовут. Не желаю, чтобы из-за меня он тревогой маялся. Но как срок его придёт, ты стол муромский примешь. А я слово дала – князю, мужу моему, тебе значит, быть послушной во всём.

– Покорной, стало быть, сказываешься? Что велю, то и сделаешь?

– Так и есть. Чем в позоре жить сосланной, лучше я при тебе в терему останусь. Быть обузой тебе не желаю. Если надобно что – подсоблю.

– Сын твой где?

– В деревеньке, под присмотром у дядюшки. Без его на то дозволения, в Рязани он не появится. Не со мной об том будешь сговариваться, с князем муромским. Я приму любое ваше изволение. Только вот...

– Тревожит что? Сказывай.

– Послухов нам под двери черниговских поставили. Боязно мне, что подлог раскроется. Влада посмотрела на Дарину. Та готова была вот-вот расплакаться.

– В углу под лавкой кубок стоит. Плеснёшь чуток, авось хватит им.

Разговаривая с Дариной, Влада по глотку отпивала из кубка мёд.

Как-то вдруг образ княгини поплыл. Почудилось, будто лицо её исказила усмешка. Опочивальня перед глазами заплесала, тёмные оконца закружилась в мрачном хороводе и откуда-то издалека, проваливаясь в черноту, Влада услышала голос:

– Спи, муженёк!..

...С трудом разлепив глаза, Владелина проснулась и огляделась. Она лежала на ложе в своих покоях. Голова гудела будто после увесистого удара мощной булавы воеводы в нешуточном бою. Тело ныло. Старые рубцы на груди и спине саднили. Во рту пересохло. Поднявшись, она добрела до лохани и ополоснула лицо студёной водой. И как оказалась в своих покоях?

Налив квасу, сделала глоток, другой, третий. В голове немного прояснилось.

Свадьба! Вчера князь Владислав женился княжеской племяннице Дарине. Шумное застолье, ещё более шумные проводы в опочивальню... Владелину бросило в жар. Она вспомнила, как они зашли в покои Дарины, как молодая княгиня поднесла кубок мёда, и... Дальше темнота. Что было в том меду? Сонное зелье? Тогда отчего она проснулась не в её покоях, а в своих?

Внутри забурлило. Страх окутал и сковал тело. Мысли, что её тайна раскрыта, словно кнут обжигали и заставляли кровоточить давно зажившие раны.

Если кто и мог поведать, что произошло, так только она, Дарина.

Широкими шагами Владелина шла к палатам княгини. От осуждающих взглядов горело лицо. За спиной то и дело раздавался шёпот, а то и вовсе не страшась обсуждали в голос. Подходя к покоям, Владелина уже знала, что произошло: молодой князь оказался силы не

дужей, на ночные утехи несдержан, княгиню не пощадил, насильничал. Но больше всего бояр и послов волновало не то, сможет ли княгиня выйти к обеденной трапезе, а то, что брак состоялся.

Увидав князя, мамки и няньки взвизгнули, и разбежались в разные стороны, поспешив поскорее забиться в самые дальние и тёмные щели терема. Остановившись на миг, Владелина шумно выдохнула и, распахнув дверь, вошла.

– Ты пошто мне травы сонной в питье подмешала? – зашипела она, едва за спиной раздался стук.

Дарина, словно ничего и не случилось, сидела у окошка.

– Об чём ты, князюшка! Притомился видать, вот и не помнишь чего было. Мёд-то боярин твой подал. С него и спрос.

Владу будто водою ледяной окатили. Она и не помнила откуда поднос взялся.

– А кровищи нашто налила? Полтерема ведаёт, что ты нечиста.

– Тех, кому об том знамо было, посередь свадебного посольства нет. Да и послухи, и матроны муромские да рязанские подтвердят, что князь меня в жены непорченной взял. А ещё насильничал, – тяжело вздохнула Дарина. – Пойдёт теперича молва по округе.

– У тебя на челе твоя чистота сажей начертана. В брехню эту разве что челядь поверит, да и то во хмелью.

– Ой, муженёк, не спешి понапрасну гневиться и бранью терем сотрясать. Нешто пойдёшь на торжище жалобиться? Нам-то надобно, чтобы в Чернигове поверили, будто в жены ты меня честной взял. Об остальном им знать не должно. А, что кровищи много оказалось, так то рука дрогнула, вот и налили лишнего.

Влада тяжело выдохнула и села на скамью.

– Об том думай, чего с тобой будет, когда в Чернигове прознают, про престол Рязанский незаконно занятый тобой, – из угла выбралась Сида, проковыляла до стола и, схватив чарку, жадно глотнула.

– Ежели про то кому ведомо станет, – схватила её за шкурку Влада, – то свадьбу сею ярмарочным балаганом почитать станут, а княгиню твою в пустынь сошлют. Да ещё обвинят – ради княжеского венца не то, что за бабу, за козла бы замуж пошла. Ясно тебе?

Карлица завертелась, завизжала, будто поросся.

– Сида! Умолкни! – замахнулась на карлицу Дарина.

– Я-то умолкну! А ты подумай, как дружина взбунтуется, когда прознает об том, что ими баба управляет? Вот потеха будет! – отмахнулась Сида, вырвалась из рук Влады и, схватив кувшин с мёдом и чарку, поковыляла в угол.

– Я со своими воинами сама разберусь. А ты помалкивай, коли в тереме остаться желаешь. Не то враз сошлю тебя назад в Муром, – пригрозила Влада и зло поглядела на Дарину. – Уйми карлицу свою, не то худо будет.

– Не из пужливых чай. Чего стращаешь? Басурмана своего на нас с матушкой напустишь? – не унималась карлица.

– Я и сама с тобой скорехонько управлюсь!

Владу уже трясло от гнева, но выпустить всю ярость она не могла. И без того в переходах терема шептались о её несдержанности.

– Нешто у тебя рука поднимется? А вот с басурмана твоего станется! Он кинжалом получше тебя управляется. И на ложе, ой, горазд!

Влада сцепила зубы.

– Заставь свою знахарку молчать или я её в подпол посажу, – приблизившись к Дарине, прошипела Владелина.

Внутри всё сжалось и к горлу подступил удушающий ком.

– Чего лик светлый прячешь, князюшко? Матроны видали, как из покоев княгини ты к басурману своему побежала, а потом до первой зорьки крики по всему терему неслись.

– Сиди! Прочь! – лениво велела Дарина, поднялась и подошла к столу налить квасу.

Влада повернулась к ней так резко, что княгиня попятилась и повалилась на лавку.

– В Муром воротиться желаете? – процедила она сквозь зубы.

– Нет, – не сводя с Влады перепуганного взора, Дарина вжималась спиной в простенок между оконцами.

– Помалкивайте тогда... Вы! Обе! Ясно тебе? Княгиня!

– Ты не сердчай на эту беспутную, – попыталась оправдаться Дарина. – Языком, что подолом метёт, долго не помышляя. Она молчать станет. Верь слову моему! Не то и правда, сошлёт её волей своей назад. Я противиться не стану.

Смерив княгиню злобным взглядом, Влада выбежала из светлицы и едва не столкнулась с Жаданом, который торопливо шёл по переходу. Он шарахнулся в сторону, поклонился, да так и остался стоять. Но когда Влада прошла мимо, то за спиной услышала торопливые шаги и скрип двери.

Жадан вошёл в светлицу и устался на Дарину, сидевшую под окнами.

– Что это с князем? Выбежал от тебя, будто смертушку увидал. А ты у меня ладная такая, спелая!

– Я велела тебе подле быть, – набросилась на него Дарина. – Куда ты ночью подевался?

– Сон сморил меня, лапушка. – Жадан смотрел на неё растерянно, виновато. – Пробудился и сразу к тебе.

Он потянул Дарину за руку. Княгиня поднялась, оттолкнула его и заходила по светлице туда-сюда.

– Вот чуяла неладное! Не обманешь бабу, кем бы она не была: хоть крестьянка, хоть боярыня, хоть княжеской крови девица. А Сиди ладно всё исполнила! Довела князь-бабу до трясушей.

– Об чём ты, лапушка?

– Ой, Жаданушка!.. Беда! Послухов нам под двери поставили. Я-то кровищи налила, а как дальше быть не ведаю. Думала князь-баба спужается, кроткой будет. Сиду подговорила, чтобы она про подлог ей напомнила. А баба эта, муж мой, ей подолом пригрозила да сказывала, что обоих нас в Муром сошлёт, коли баять станем об том, чего никому ведать не полагается.

– Как так?

– Да так, пустая твоя голова. Не спужалась она, баба эта, князь ряженный!

– Да, ну! Быть того не может! А коли узнают все, что муж твой охальник срамной? Видано ли, с басурманом по углам обжимается. А ежели ещё поведать, что князь и того хуже – баба?

– Что ты, Жаданушка! Нешто назад в деревню воротиться желаешь?

– Нет, лапушка! Но что будет, коли бояре прознают?

– Пошто нас загубить хочешь? Да и ведают они небось об том. Я об чём подумала-то... Коли кому ведомо станет, что де муж у меня баба, так меня не мужней обзовут и сошлют. Куда мне тогда – к дядьке в Муром, или в деревню возвращаться? Не желаю! Дядька Ярослав коли опять не так станет, и вовсе грозил в пустынь сослать за наши с тобой шалости, сладкий мой! Я лучше при бабе-муже в Рязани княгиней останусь. И тебе спокойнее будет. Заживём жизнью вольной, раздольной. Будем в княжеских хоромах в меду кататься!

– Эт ты ладно придумала! Токмо что с князь-бабой делать станем?

– Уж я придумаю! Сколь не ряди бабу в мужика, а она всё одно, бабой остаётся.

– Я всё в толк не возьму, как такое возможно стало?

– Мне вот надобно знать зачем! Коли до сих пор про подмену никто не прознал, значит, всё давно сговорено. Стало быть, на то чья-то воля была? Коли дядюшка ведал, то и ещё кто-то? Токмо для какой выгоды всё затевалось?

– Пустое, лапушка! Нам-то без надобности! – Жадан обхватил Дарину. – Сказывай лучше, что делать станем, коли про наследника спрашивать станут?

– Ох, Жаданушка! – Дарина покосилась в угол, откуда доносился хмельной храп Сиды. – Тут ты прав! Кровушки-то я налила, что с поросёнка заколотого. И откуда столько взялось? Чтобы усидеть на княжеском престоле, младенчик нужен. Не будет дитяти, так того гляди ещё пустобрюхой сказывать станут и всё одно в пустынь сошлют. Да и князю наследник надобен. А иначе зачем свадьбу затевали? Только как с таким князем забрюхатеть?

– С наследником мы князю подсобим – притянув Дарину, Жадан чмокнул её в щёку.

Дарина упёрлась в грудь руками.

– Ох, и голова у тебя, Жаданушка! А ведь наследник княжеский и нам выгоден. Мы своего сыночка заведём и на престол посадим. А ежели дочка народится, так у нас уже сынок имеется. А маленьких кто их разберёт?

– Верно, лапушка! И не княжеский, а наш сыночек править в Рязани станет. А с князем ряженым я подсоблю. Ступит за ворота – не воротится.

И, обхватив Дарину, Жадан повалил её на ложе.

Влада влетела в покои и с размаху опустила тяжёлые запоры на двери.

– Что с тобой, княгиня моя?

Дамир неслышно вышел из тёмного угла на свет. Не ожидав никого, она выхватила из-за пояса кинжал и повернулась.

– Ты будто вновь Джанга увидала. Только теперь... – Дамир хмыкнул. – Не желал бы я оказаться на месте твоего врага.

Владелина окинула его гневным взглядом и, пряча кинжал, отвернулась.

Ей хотелось наброситься на него за то, что не послушал и пошёл к молодой княгине ночью. Но ещё пуще её беспокоили слова Дарина о них.

– Проведали обо мне. О нас.

– Как не таись, а сокрытое всё одно наружу просится. Так ли, иначе ли... Но о нас многим в тереме ведомо.

– Ежели б только те, кто тайну мою хранит! Дарина сказывала, матроны её видали, как затемно я выскочила из её опочивальни и к тебе побежала. И мы потом... они ей сказывали... до первой зори крики наши терем сотрясали.

– Брешет, баба окаянная!

Влада подняла на Дамира взгляд. Её хан был непривычно тих и спокоен.

– Об чём это ты?

– Ты и правда посреди ночи ворвалась в мои покои: дрожащая, будто травинка на ветру, бледная, как ночное светило.

– Я ничего... Отчего я не помню, как пришла к тебе?

– Тшш.... Тише, княгиня моя!

Дамир обошёл Владу со спины, бережно взял за плечи и притянув к груди, зашептал на половецком:

– Однажды я видел, как атасы велел дать отвар воину, пришедшему из-за реки. Тот уверял, что там в степи гонят табун славных лошадей и отару. Говорил, что устал скитаться в одиночку и желает обрести народ. Потому и пришёл с дарами – он покажет место, где пройдёт табун, а его примут в становище. Атасы решил проверить, правду ли он говорит и велел подать скитальцу питьё. А потом вновь спросил о том, что за рекой.

– И что он открыл Явуз-хану?

Дамир усмехнулся:

– Он поведал, что там идёт войско Улубия и его послали заманить вольный народ в ловушку.

Влада охнула. Дамир сжал её плечи и легонько коснулся губами шеи.

– Когда воин пришёл в себя, атасы сказал ему про Улубия, а потом казнил.

– Почему он признался?

– Отвар, что ему дали, забрал у него самое себя. Вот он и раскрыл тайное.

– Неужто такое возможно?

– Много разных кореньев и трав кладут в питье. Есть те, что облегчают боль, унимают телесные муки, успокаивают тяжкие думы, даруют крепкий сон. А есть и те, что затуманивают мысли, очерняют взор и открывают нутро тёмным духам. Тебе в питье подмешали такие. Оттого ты и не помнишь, как пришла ко мне, как желала, чтобы я отходил тебя хлыстом, как стала требовать, чтобы истязал тебя, мою рабыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.